

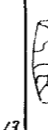

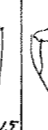

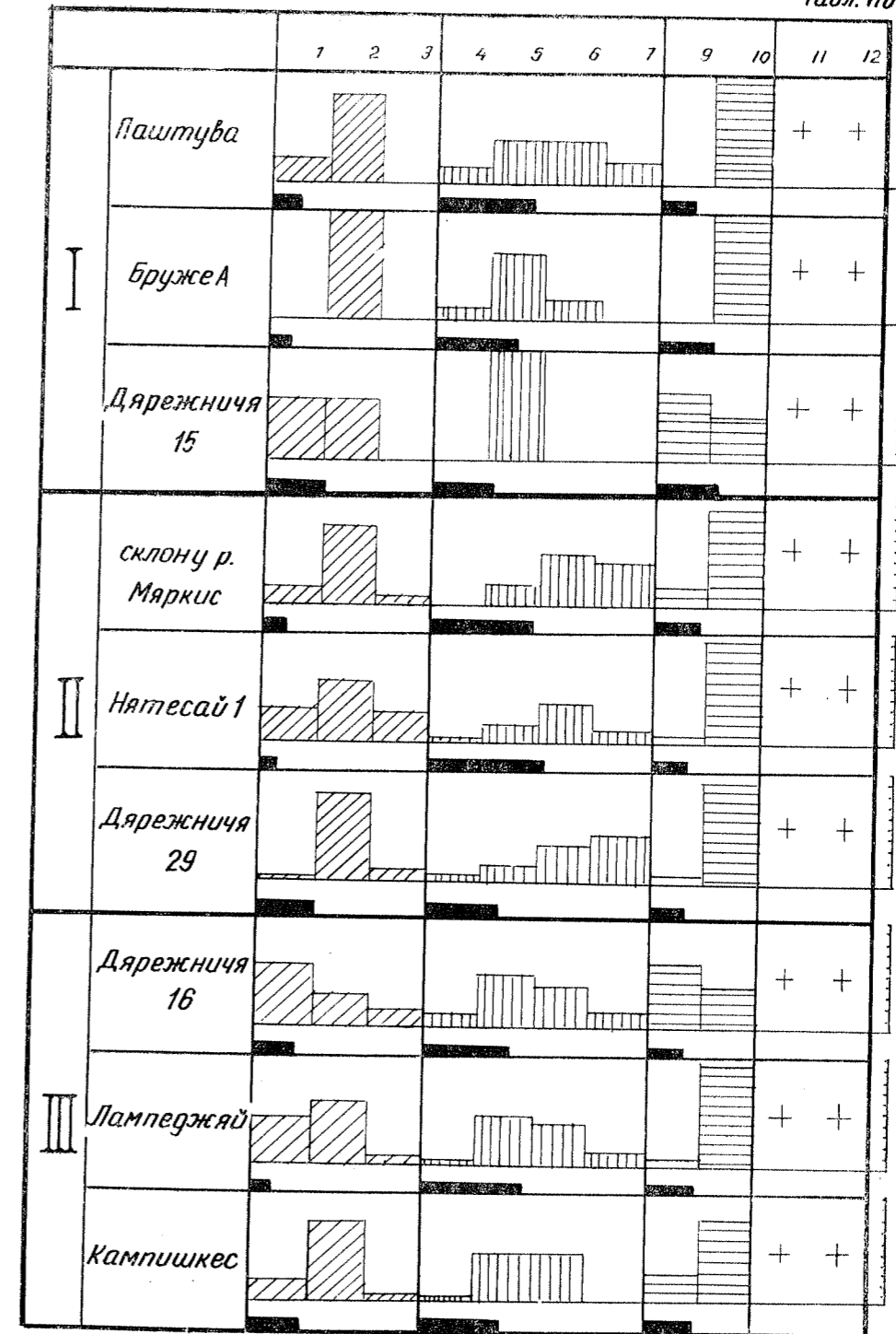

Табл. VIa

Паштува	2	8		5	13	13	5	3		11	68	72	17	10	+	+
Бруже		2		1	6	2		8		6	19	22	9		+	+
Дярежничя 15	2	2		4					3	2	6	10	2	1		+
склон у р. Мяркис	4	21	2		26	61	49		9	41	227	236	5	30	+	+
Нятесай 1	17	33	14	28	132	292	90	55	14	147	+	+	25	60	+	+
Канюкай 1	7	3			6	4	7	2	1	5	+	+	6	3	+	+
Дярежничя 29	1	33	4	5	9	17	21	25	1	25	123	70	17	13	+	+
Дярежничя 27	1	3	1			13	3			3	16	16		1		
Кайбучай 1	3	10	1		2	2	1	3	1	1	11	7	1	1		
Друскинкай 8	2	2				6			2	4	11	20	1			
Маргяжярис 2	5	1	2		2	2	1	5		5	10	9		3		+
Лампеджяй	7	10	1	1	48	41	13	6	4	50	+	+	30	7	+	+
Кампишкес 1	3	12	1	1	13	13		26	4	21	41	53	8	7	+	+
Саленинкай 1	3	1	2	1	6		2				15	4	6		+	
Саленинкай 2a	5		2		1							1				
Дярежничя 16	4	2	1	2	7	6	2	2	5	3	20	17	3	6		+
Дярежничя 13		9	2		3	8	11			9	13	43		1		
Дярежничя 59		7	1			8		18		2	27	37	4	2	+	
Янаполе					+	+	+				+	+	+		+	

Количество типов изделий некоторых стоянок микролито-макролитической культуры Литвы. Наконечники стрел: эписвидерские (1), ланцеты (2), трапеции (3). Скрепки: крупные (4), мелкие короткие (5), мелкие продолговатые (6), атипичные (7). Скобели (8). Резцы: срединные (9), угловые-боковые (10). Ретушированные пластинки (11) и отщепы (12). Вкладыши (13). Овальные топорики и клинья (14). Нуклеусы: карандашевидные (15), одноплощадочные (16)

Табл. VIb

Количественное соотношение между основными типами изделий некоторых стоянок микролито-макролитической культуры Литвы внутри каждой группы находок (вертикальная диаграмма) и между отдельными группами находок (горизонтальная диаграмма)

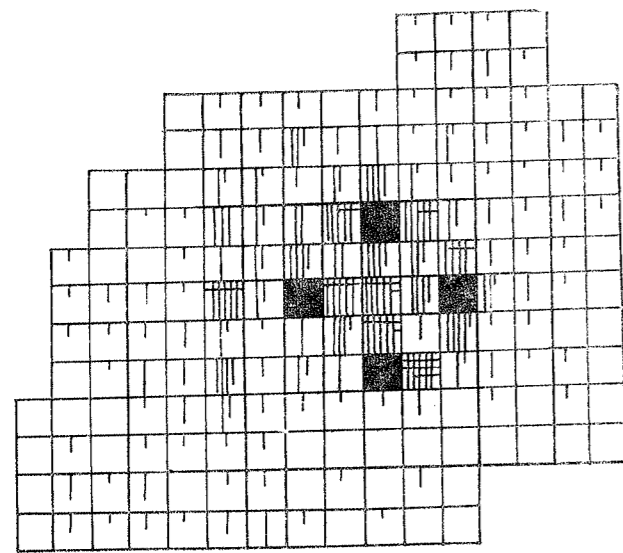

Рис. 110. Расположение мезолитических находок в раскопе стоянки Паштува

с этим более разнообразными и многочисленными становятся и макролитические формы.

Одним из наиболее ярких образцов таких стоянок является Паштува (Каунасский р-н), на правом берегу поймы Немана (рис. 81), на 4 м выше современного уровня воды. Здесь была раскопана площадь в 176 м² (рис. 110), примерно равная площади уцелевшего культурного слоя (часть была смыта рекой). Мезолитические находки лежали в ярко-желтом песке толщиной 20—25 см. Под

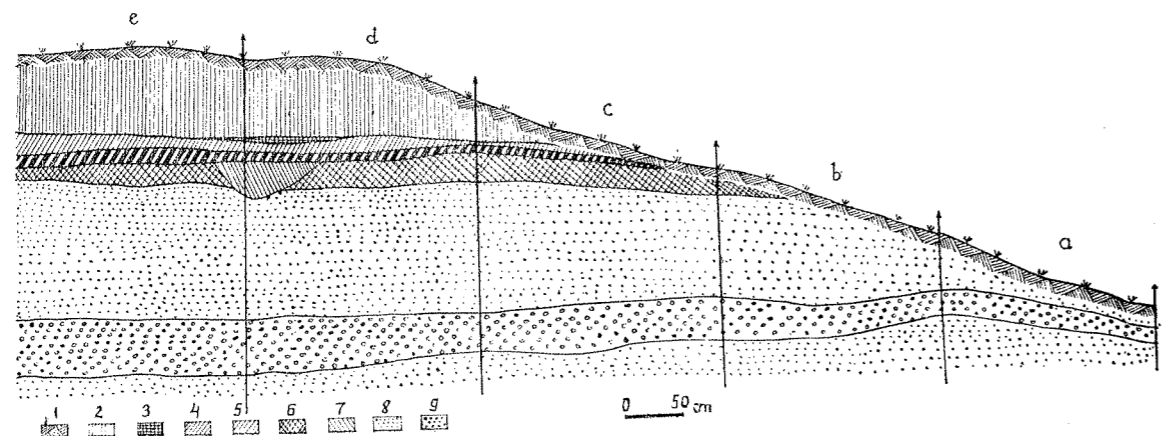

Рис. 111. Разрез и стратиграфия стоянки Паштува:

1 — дерн, 2 — песок, 3 — суглинок, 4 — черноватый культурный слой бронзового века, 5 — серый культурный слой времен раннего феодализма, 6 — железистый культурный слой мезолита, 7 — крупнозернистый гравий, 8 — серые ямы неолита

ним находился белый песок, а еще ниже — гравий (рис. 111). Очагов или других комплексов в культурном слое не обнаружено. Кое-где замечены лишь расколотые камни. Над мезолитическим слоем залегал тонкий черный слой с остатками стоянки бронзового века, а сверху — чернозем. Между слоями мезолита и бронзового века обнаружен ряд ям, часть которых относилась к бронзовому веку, а часть — к разрушенному и исчезнувшему культурному слою времен неолита.

В мезолитическом слое обнаружено значительное число находок. Среди наконечников — один эписвидерского типа (рис. 112, 1). К тому же типу следует отнести и острие, обнаруженное в размытой части стоянки (рис. 112, 2). Остальные наконечники — чаще всего не совсем правильные, маленькие пластинки с чуть ретушированными остриями (рис. 112, 3—9). Обнаружены вкладыши тщательной работы (рис. 112, 10—17). Среди них — сечения пластин с ретушированными концами и вкладыши, ретушированные по краям. Иногда ретушь бывает крутой, двухсторонней. Встречаются вкладыши с заостренными и ретушированными вершинами, вставлявшиеся в острие гарпуна. Большинство обнаруженных неретушированных пластин очень узки. Предназначались они для изготовления вкладышей. Кроме того, встречаются широкие длинные пластины, ретушированные по краям (рис. 112, 18, 19, 20, 26, 29).

Значительное число скребков (рис. 113, 1—8, 9, 10, 13, 14, 20) изготовлено из довольно крупных, толстых и широких пластин и отщепов. Имеется несколько маленьких скребков с довольно плоскими округлыми лезвиями, однако есть и совсем короткие, почти круглые. Следует упомянуть длинные пластины с концами, иногда ретушированными то очень

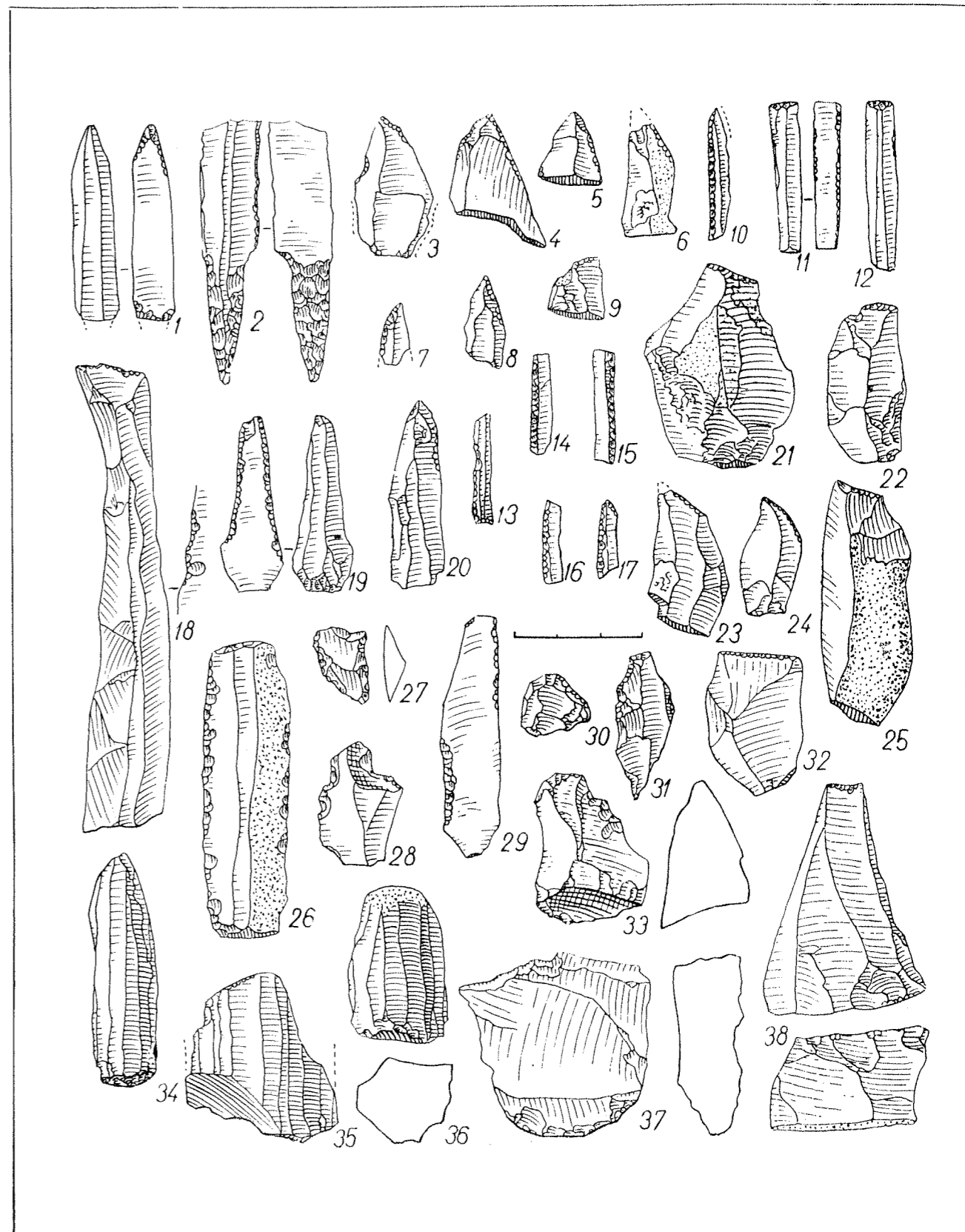

Рис. 112. Орудия стоянки Паштува

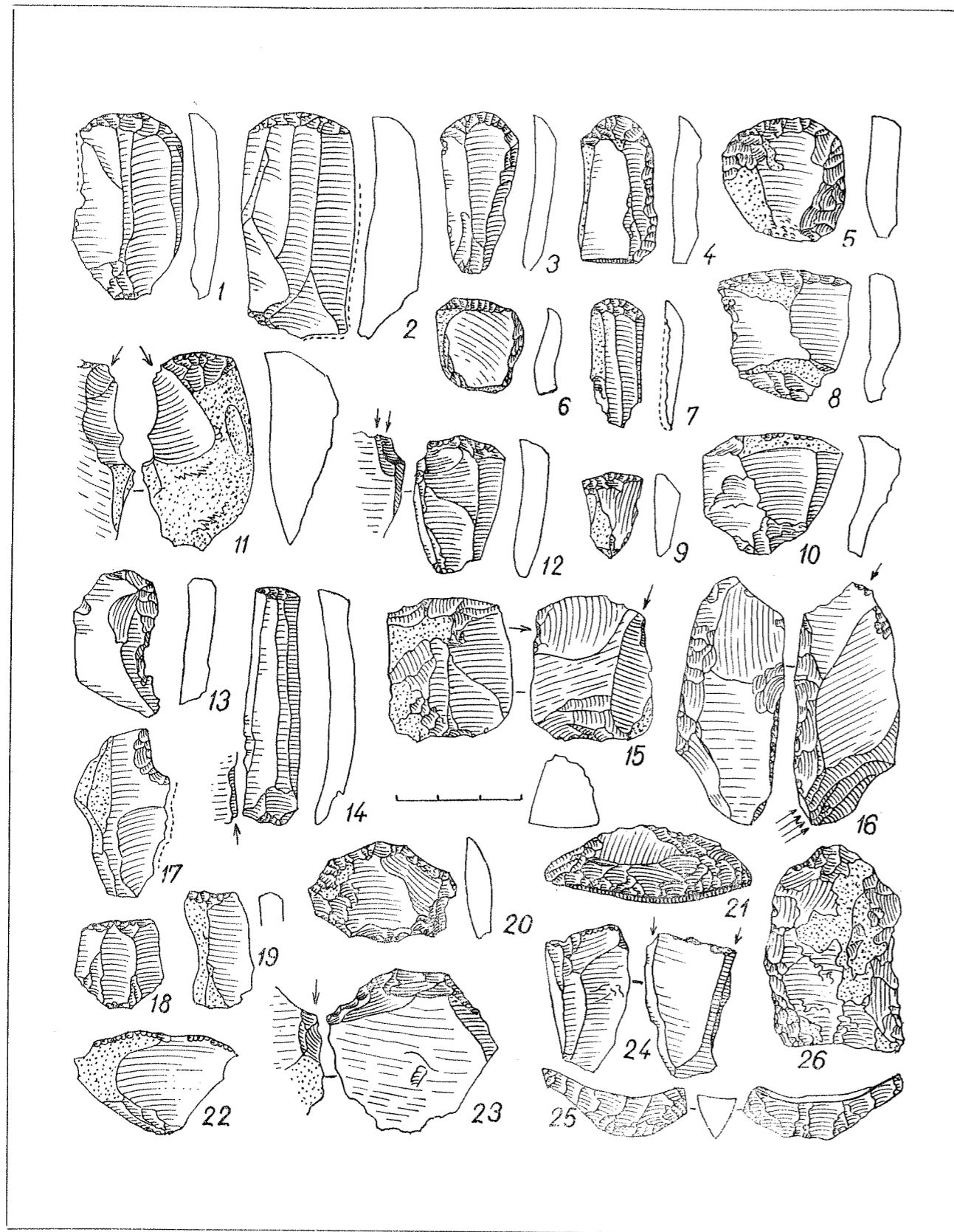

Рис. 113. Скрепки, резцы и топорик стоянки Паштува

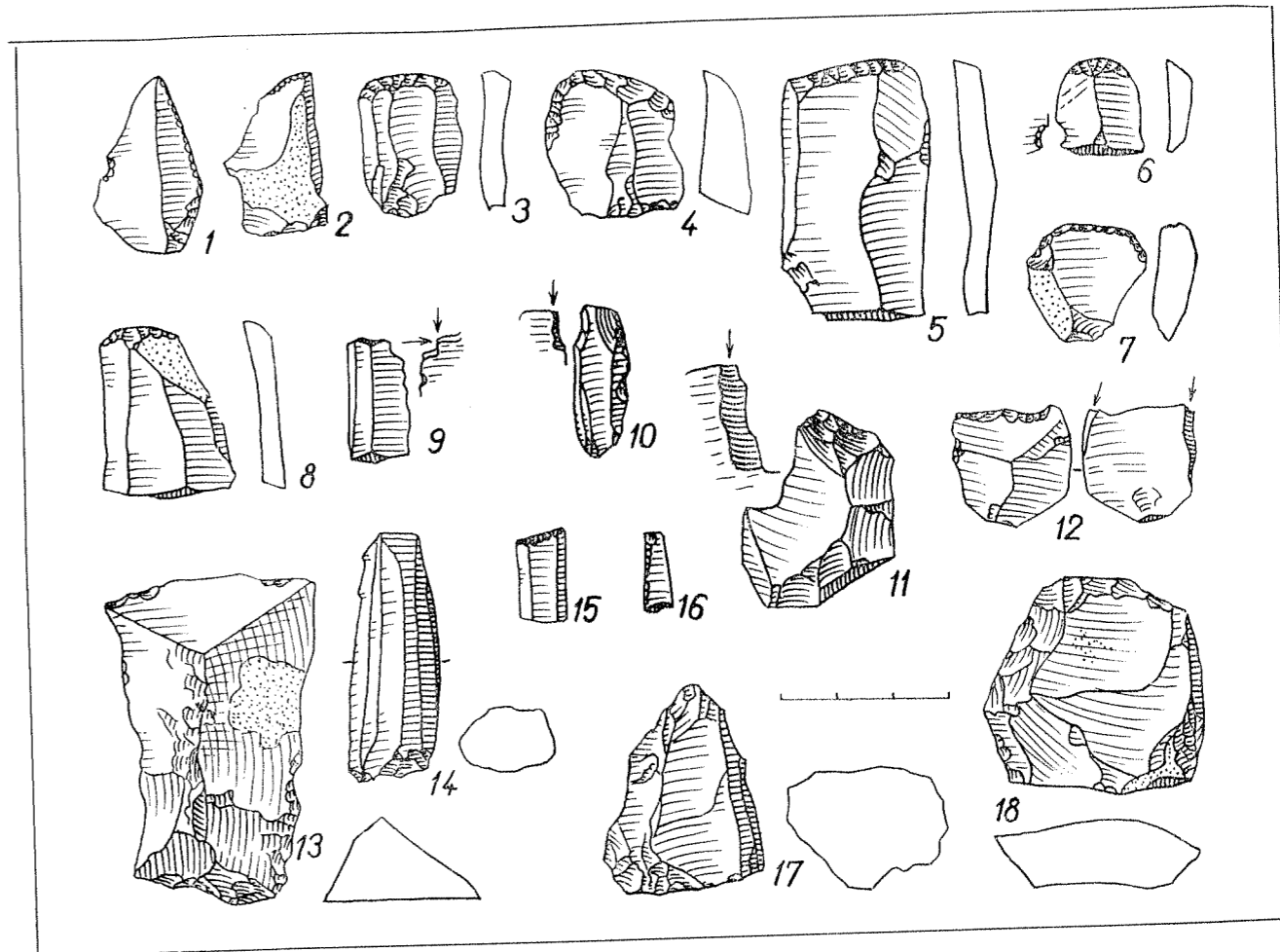

Рис. 114. Орудия стоянок Бруже

круто, то плоско. Встречаются комбинированные изделия: скребки и резцы (рис. 113, 11, 12). Резцов вообще немного, и они неопределенной формы (рис. 113, 15, 16, 23, 24). Также почти нет более или менее ясно выраженных скобелей-резцов. Мало изделий специального назначения (рис. 112, 27, 28, 30—32). Больше всего найдено разных пластин, чуть тронутых ретушью. Тип, характерный именно для этой стоянки, — широкая пластина с вершиной, вертикально или несколько наискось сколотой и ретушированной мелкой узкой ретушью (рис. 112, 21—25).

Характерными для стоянок данного типа являются и овальные топорики (рис. 113, 25, 26), обитые по обеим сторонам. Обычно они изготавливались из плоских толстых отщепов, поэтому вторая их сторона иногда так и оставалась без дальнейшей обработки. В Паштуве найдены преимущественно обломки и осколки лезвий топориков. Обнаружены также кусочки кремня, не имеющие определенной формы, но обработанные как топорики.

Нуклеусов обнаружено очень много: правильных карандашевидных (рис. 112, 34—36), приспособленных для изготовления вкладышей, и неправильных пирамидальных (рис. 112, 38). Использованных конусов сравнительно немного.

На берегах литовских рек подобных стоянок немало, однако почти все они страдали от паводков, а поэтому полный комплекс находок обнаружить в них удастся редко. Отличить эти стоянки от более поздних (III группы) можно и по отдаленности от современного берега, и по форме изделий — в ранних стоянках встречаются крупные, хотя и узкие, отщепы и длинные прямые пластинки; в поздних стоянках отщепы почти сплошь мелкие.

Судя по расположению стоянок, II литоринная трансгрессия возникла отнюдь не внезапно. Пойма стала подтопляться еще в то время, когда на ней располагались стоянки I этапа. Их стали переносить выше, на склон между поймой и I надпойменной террасой, а также на саму террасу.

На левом берегу Немана, чуть выше по течению, чем Паштува, расположилась стоянка Качяргине (Каунасский р-н). Она сильно разрушена. В инвентаре — длинный скребок с очень сработанными лезвиями, разные крупные пластины и отщепы с частой ретушью, топоробразные кусочки кремня, а также неправильный пирамидальный нуклеус, на нижнем ребре которого видны следы использования (в качестве скребка?).

Подобный комплект обнаружен и на стоянке Бруже (Каунасский р-н). Расположена она тоже на берегу Немана, однако дальше от воды, чем Паштува и Качяргине (рис. 114).

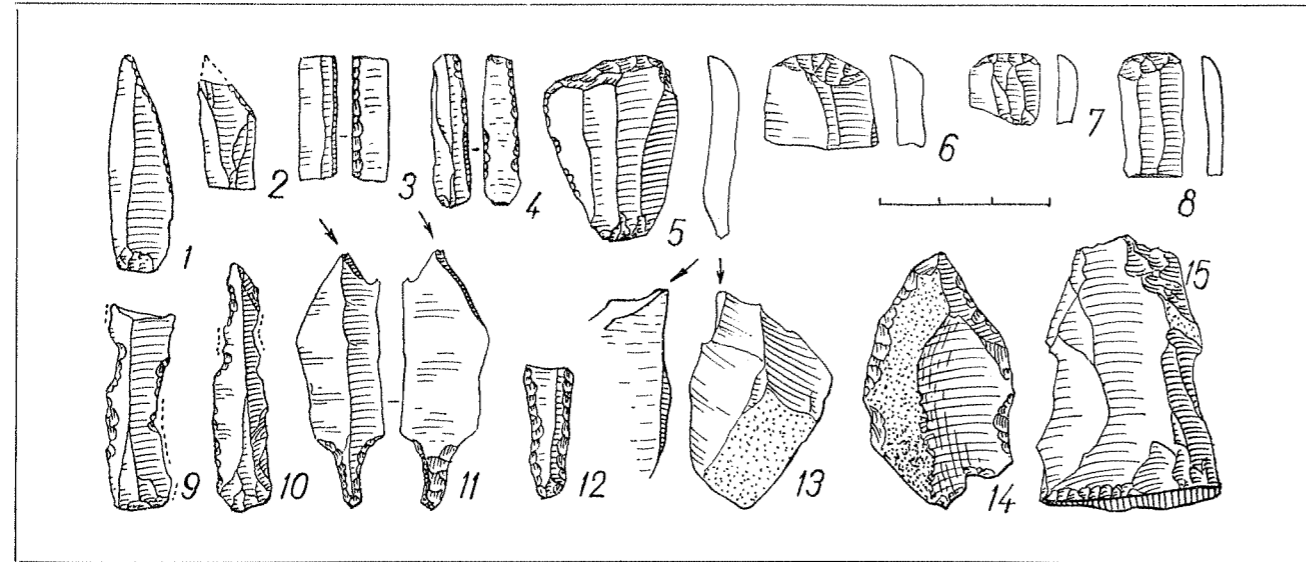

Рис. 115. Орудия стоянки у р. Дярежничя 15

Наконечников там нет, если не считать ими пластин со скошенными и очень мелко ретушированными вершинами (рис. 114, 1, 2). Имеются скребки, изготовленные, как и в Паштуве, из крупных широких пластин (рис. 114, 3—5, 8). Вместе с ними найдены маленькие скребки с тщательной ретушью, сильно отличающиеся от палеолитических (рис. 114, 6, 7). Среди крупных изделий следует упомянуть топорovidные изделия (рис. 114, 18) и трапецевидный клин (или заготовка к нему) (рис. 114, 13). Карандашевидные нуклеусы (рис. 114, 14) свидетельствуют о том, что вкладыши для гарпунов изготовлялись чаще, чем можно было судить по немногочисленному экземпляру, обнаруженному на стоянке (рис. 114, 15, 16). Прочие нуклеусы — неправильные конусообразные (рис. 114, 17).

Неподалеку от Бруже находилась стоянка Вирбалюнай (Каунасский р-н), также сильно разрушенная. Наконечники в ней представлены двумя острыми, чуть ретушированными

пластинами. Из крупных орудий есть изделие, похожее на не совсем правильный овальный топорик. Один нуклеус — очень правильный, длинный, карандашевидный, указывающий на изготовление из него вкладышей.

Лучше сохранились соответствующие стоянки в юго-восточной Литве. Стоянка Дярежничя 15 (Варенский р-н) обнаружена в ложине правого берега одноименной речки, к востоку от шоссе между населенными пунктами Варена I и Варена II. Сейчас ее поверхность, выветренная и покрытая мелкими камнями, занимает очень небольшую площадь. Все находки почти лишены патины и довольно

крупные. Два наконечника являются заостренными пластинками (рис. 115, 1, 2). Есть один срединный резец (рис. 115, 11) с черешком, напоминающим черешок свидерских наконечников. Другие резцы — угловые (рис. 115, 13). Скребки — удлиненные (рис. 115, 5—8). Вкладыши гарпунов (рис. 115, 3—4), клиновидные изделия и одноплощадочные нуклеусы свидетельствуют о микролито-макролитическом характере стоянки. В остальных стоянках этого типа, располагавшихся у побережья р. Дярежничя, комплекс изделий чаще всего не полон.

Следует остановиться лишь на стоянке Дярежничя 29, расположенной посередине небольшой ложины на правом берегу речки того же названия, на лугу у высохшего озера. Поле здесь раньше распахивалось, вследствие чего культурный слой разрушен и перемешан. Многочисленные находки делятся на две группы: микролито-макролитический комплекс, покрытый толстой белой патиной, и лишённые патины изделия позднего неолита, содержащие

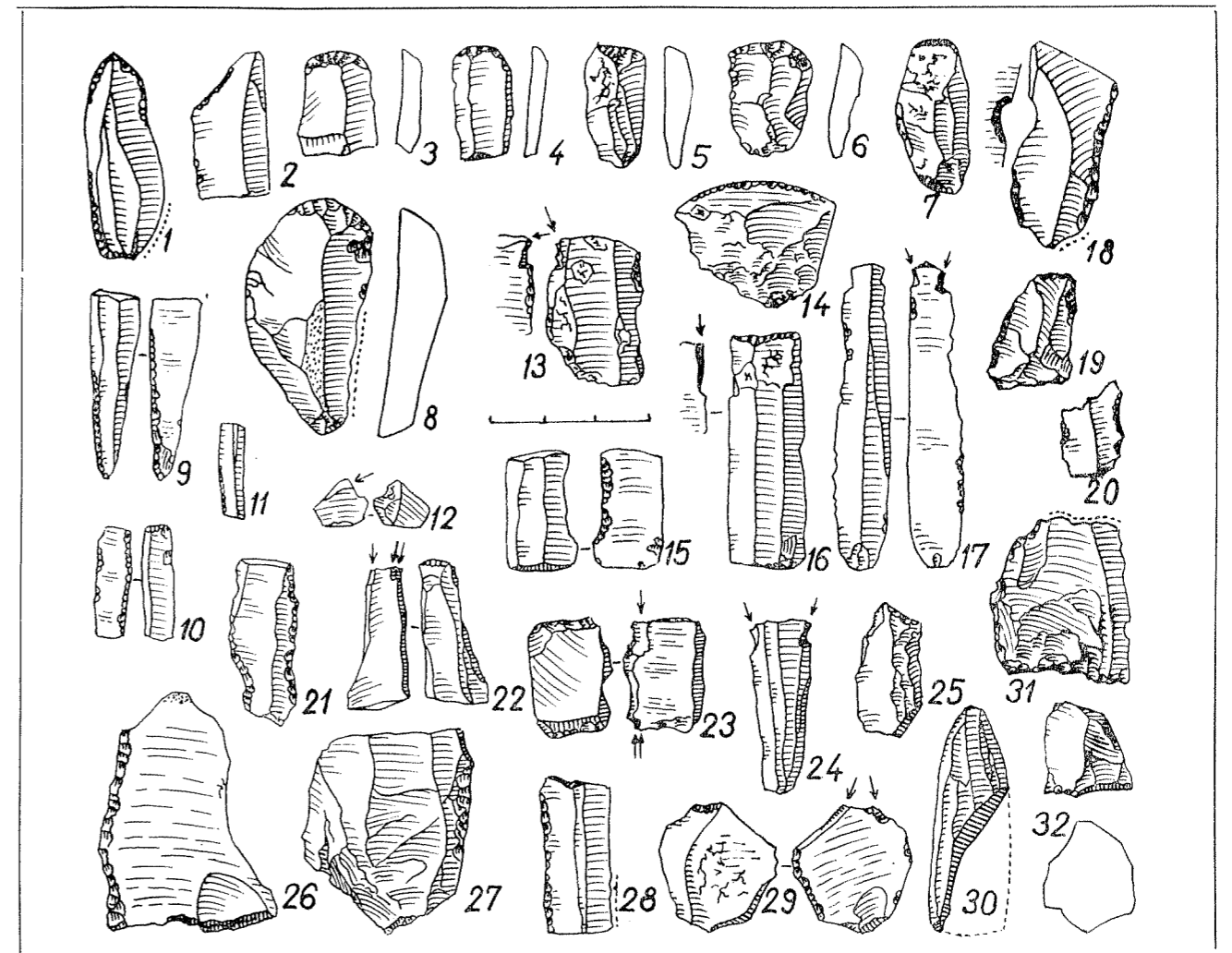

Рис. 116. Орудия стоянки Раудондварис (нижний горизонт верхнего культурного слоя)

небольшое количество керамики. Найдены свидерские и ланцетовидные наконечники, крупные острия, а также скребки, большей частью мелкие. Обнаружено значительное число «микрорезцов», овальных топориков и пирамидальных нуклеусов.

б) II этап (стоянки максимума литориновой трансгрессии)

Медленный переход от бореального к атлантическому периоду долго не оказывал сколько-нибудь заметного воздействия на топографию стоянок. Резкие изменения принесла лишь II литориновая трансгрессия, сопровождавшаяся повышением уровня грунтовых вод. Поймы рек и озер были оставлены людьми. Стоянки времен трансгрессии в этом отношении могут служить как бы маркирующим ори-

зонтом между стоянками, существовавшими до и после нее.

Стоянки II этапа мы находим на второй и третьей надпойменных террасах там, где в крупные реки впадали ручейки; можно предполагать, что именно из них, а не из рек, люди брали питьевую воду. В этом периоде все еще заметны различия между отдельными стоянками, отражающими территориальные и культурные особенности общин.

Одной из наиболее ранних стоянок II этапа является Раудондварис I (Каунасский р-н), точнее, нижний горизонт верхнего культурного слоя стоянки — ортштейнированный песок, покрывавший культурный слой позднего дриаса (см. стр. 83, рис. 68). В ее инвентаре (рис. 116) еще очень заметны связи с ранними мезолитическими стоянками типа Паштувы. Здесь есть значительное число довольно крупных изделий и пластин, которые

позже исчезают. Обнаружено 158 ретушированных находок, считая нуклеусы и др. Наконечников стрел нет. К изделиям типа наконечника можно было бы отнести две пластины с ретушированными вершинами (рис. 116, 1, 2), однако они выгнутые, не плоские. Вкладышей (рис. 116, 10, 11) (ретушированных и

К тому же типу принадлежат нуклеусы двух видов. Обнаружены также части карандашевидных нуклеусов с негативами узеньких пластинок (рис. 116, 30). Однако большинство нуклеусов составляют мелкие, неправильные, неретушированные конусы с невыровненными площадками (рис. 116, 32).

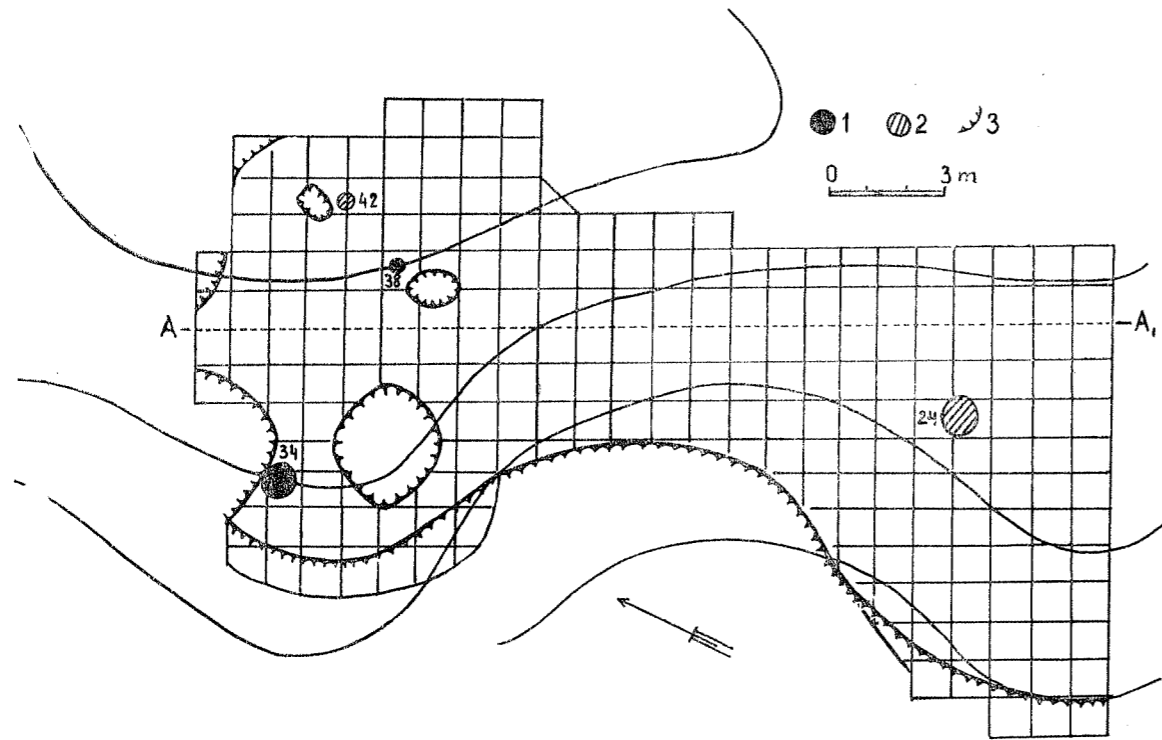

Рис. 117. Площадь раскопок стоянки Канюкай: 1 — мезолитический очаг, 2 — мезолитическая яма, 3 — берег обрыва или современной ямы

неретушированных) обнаружено немного. Достойны упоминания тонкая, тщательно ретушированная проколка (рис. 116, 9), а также скребок крупного размера (рис. 116, 8), тщательно обработанный, двойной. Прочие скребки — мелкие, удлиненные, с узкой ретушью по краю, один из них двойной (рис. 116, 3—7). Скребками в большинстве случаев служили различные отщепы, обработанные тонкой ретушью по краю (рис. 116, 14). Характерными являются прямые пластины, сильно ретушированные по краю (рис. 116, 15, 21, 26). Характерными можно считать также мелкие изделия с ретушью, нанесенной в разных местах по краям, и пластины с ретушированными выемками (рис. 116, 18—20). В инвентаре имеются отщепы и кусочки кремня с вогнутым ретушированным краем (рис. 116, 31). Резцов сравнительно много; почти все они однотипные, из длинных пластин с маленькими сколами по углам (рис. 116, 13, 16, 17, 22—24).

С ранним периодом в значительной мере связаны и находки стоянки Канюкай 1 (Каунасский р-н), на III правобережной надпойменной террасе, там, где р. Нявежис впадает в Неман. От Немана стоянку отделяют болотистый луг и старица. К северо-западу от стоянки находятся родник и ручеек. Высота стоянки над современным уровнем воды — 36 м (рис. 117). Раскопками здесь вскрыт 241 м² (Jablonskytė-Rimantienė, 1963^a, стр. 65—90). Выявлено 3 культурных слоя. Нижний — мезолитический, толщиной в 20—50 см, коричнево-желтого цвета, резко отличающийся от материка — светлого песка. Над ним залегал тонкий, слабо выделяющийся слой бронзового века. Выше — слой толщиной в 20—25 см с находками раннего железного века. Над всеми слоями — двухметровые наносы дюнного песка и дерн (рис. 118).

Мезолитический культурный слой имел различную толщину, местами выклиниваясь

вовсе, в частности, в южной части раскопа. Принадлежность ям и очагов к тому или иному периоду приходилось устанавливать стратиграфическими методами и по проценту минерализации угля. В углях мезолитического слоя минерализация достигала 15,8—16,3% (в углях периода бронзы — 10,8—11%).

пещевидных наконечников вообще мало — по 1—2 шт.) или специфическая этнокультурная черта. Более вероятным кажется второе предположение, поскольку наконечников, унаследованных от свидерской культуры, в Канюкай 1 имеется больше, чем в других стоянках. На существование свидерских традиций указывает

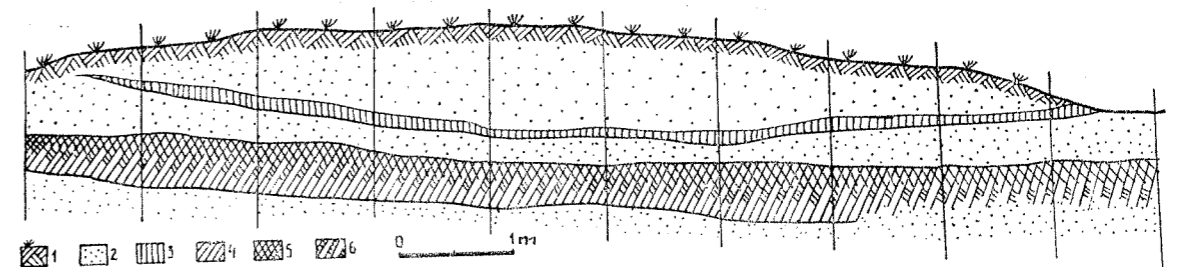

Рис. 118. Разрез и стратиграфия стоянки Канюкай 1: 1 — дерн, 2 — песок, 3 — очаг, 4 — темно-серый и черноватый песок (культурный слой мезолита), 5 — коричневый песок (культурный слой раннего железного века), 6 — перемешанный песок (культурный слой бронзового века)

В мезолитическом слое обнаружены два очага и небольшая яма. Углубление очага № 38 (рис. 119), под нижним культурным слоем, имело диаметр 30 см и глубину 20 см. Цвет заполнения — темно-серый. Очаг № 34, имеющий в диаметре около 1 м, находился на краю культурного слоя и стратиграфически выделялся плохо. По проценту минерализации угля он может быть отнесен к мезолиту. Об этом говорят также маленький нуклеус и отбитое лезвие овального топорика, обнаруженные вместе с кремневыми отщепами. В 120 см к северу от очага № 38 находилась небольшая яма № 42, а на юге раскопа — яма № 24, диаметром около 1 м, располагавшаяся там, где следы культурного слоя исчезали и мезолитических находок было мало, причем лежали они в песке ниже более поздних слоев, а некоторые даже в среднем слое.

Инвентарь стоянки представляет собой результат развития изделий стоянок I этапа. В типах изделий очевидны изменения: сокращается количество палеолитических черт и увеличивается число неолитических элементов. Так, хотя основной тип наконечников еще и унаследован от свидерской культуры (рис. 120, 1—7), у них уже нет прежней стройности форм и плоской ретуши со стороны спинки. Эти наконечники уже не отличаются от аналогичных изделий раннего неолита.

Ланцетовидных наконечников, с вершиной, скошенной в одну сторону и ретушированной (рис. 120, 8, 9), в стоянке сравнительно немного; трапециевидных наконечников не найдено вовсе. Пока трудно сказать, случайность это (в микролитно-макролитических стоянках тра-

и небольшое число вкладышей для гарпунов (рис. 120, 10—15), длинных и тонких, с чуть ретушированными краями, иногда с заостренной вершиной или вертикально обрубленным и ретушированным кончиком. Почти все они обнаружены рядом с очагом № 38 и принадлежали, несомненно, одному гарпуну.

Обнаруженные в стоянке скребки очень сходны между собой. По своим маленьким размерам они ближе стоят к неолитическому инвентарю, чем к раннему мезолитическому. Чаще всего это изделия, изготовленные из нижней части пластин, со слегка выгнутыми и ретушированными лезвиями (рис. 120, 23—25, 28); только один скребок был широким и коротким (рис. 120, 26). Характерной чертой поздних стоянок является и то, что скребки часто заменяются неправильными кусочками кремня, зачастую с коркой на поверхности и сильной ретушью по краю (рис. 120, 17, 18). Однако специализированных изделий, характерных для неолита, еще очень немного. Среди них несколько экземпляров с выделенным клювиком (рис. 120, 16, 20) и ретушированными выемками (рис. 120, 19). Кстати, эти формы были известны издавна.

Все обнаруженные резцы — угловые, изготовленные из пластин или отщепов при помощи скальвания. Рабочий угол образован коротким сколом (рис. 120, 32—35), что часто наблюдается и в неолите. Крупные изделия имеют более определенные формы и лучше обработаны, чем аналогичные находки бореального времени. Это — овальные топорики (рис. 120, 36, 37), часто имеющие отбитое лезвие и пло-

ско ретушированную поверхность. Характерным является и узкий ретушер.

Нуклеусы обнаружены 3 видов. Древнейший из них — скошенный по обоим концам, имеет в поперечном сечении трапецию (рис. 120, 38), однако он плоский и больше походит на упомянутый выше овальный топорик, чем на двухплощадочный палеолитический нуклеус. Несомненно, что такие топорики изготовлялись из нуклеусов указанной формы. Прочие нуклеусы — плоские, лодкообразные (о них мож-

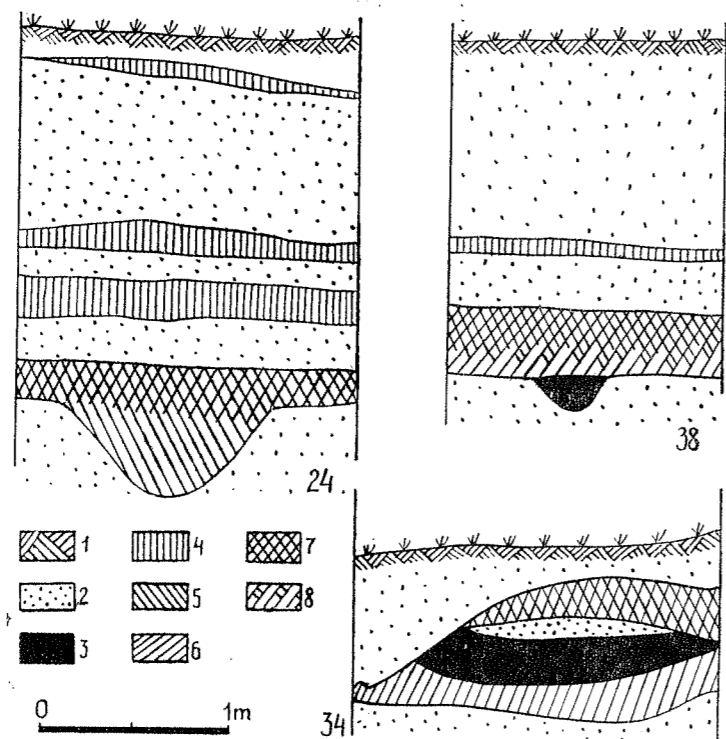

Рис. 119. Канокай 1. Мезолитические очаги и яма:

1 — дерн, 2 — песок, 3 — очаг, 4 — темно-серый и черноватый песок, 5 — светло-серый песок, 6 — железистый песок (культурный слой мезолита), 7 — коричневый песок (культурный слой раннего железного века), 8 — перемешанный песок (культурный слой бронзового века)

но судить лишь по сохранившимся частям). Их приходится связывать со стоянками маглемозе, хотя они уже не имеют отчетливой палеолитической черты — применявшегося для работы вертикально сколотого конца. Нуклеусы Канокай 1 не использовались в работе, что особенно ясно видно на остатках маленьких, до конца использованных нуклеусов (рис. 120, 30).

Ближе к верховью Немана стоянки этого периода несколько ближе к современному урезу воды, так как повышение уровня грунтовых вод здесь было менее ощутимым. По инвентарю они не отличаются от упомянутых стоянок центральной Литвы. Правда, в некоторых из

них обнаруживается больше элементов предшествующих культур.

В 1962—1963 гг. была исследована большая стоянка Нягесай 1 (Варенский р-н). Раскопано 1315 м²; остальная часть ранее была разрушена постройками. Как говорилось выше (см. стр. 85—89), мезолитическая стоянка располагалась над остатками стоянки времен позднего дриаса, залегающими глубже и дальше от берега. Ближе к берегу были разбросаны лишь отдельные палеолитические находки.

Мезолитический культурный слой (рис. 72) наблюдался по всей раскопанной площади, имел светло-серый цвет, толщину в 7—20 см и в верхней части был слегка разрушен: в восточном краю раскопок, в верхней части слоя, встречено незначительное число кремневых изделий и керамики конца неолита. К мезолиту относилось несколько плохо сохранившихся очагов и ям (рис. 122). Очаг № 11, выложенный камнями, был сильно разрушен. Напрашивается предположение, что в позднем неолите здесь было возделанное поле (чем, кстати, объясняется и скудость соответствующих находок).

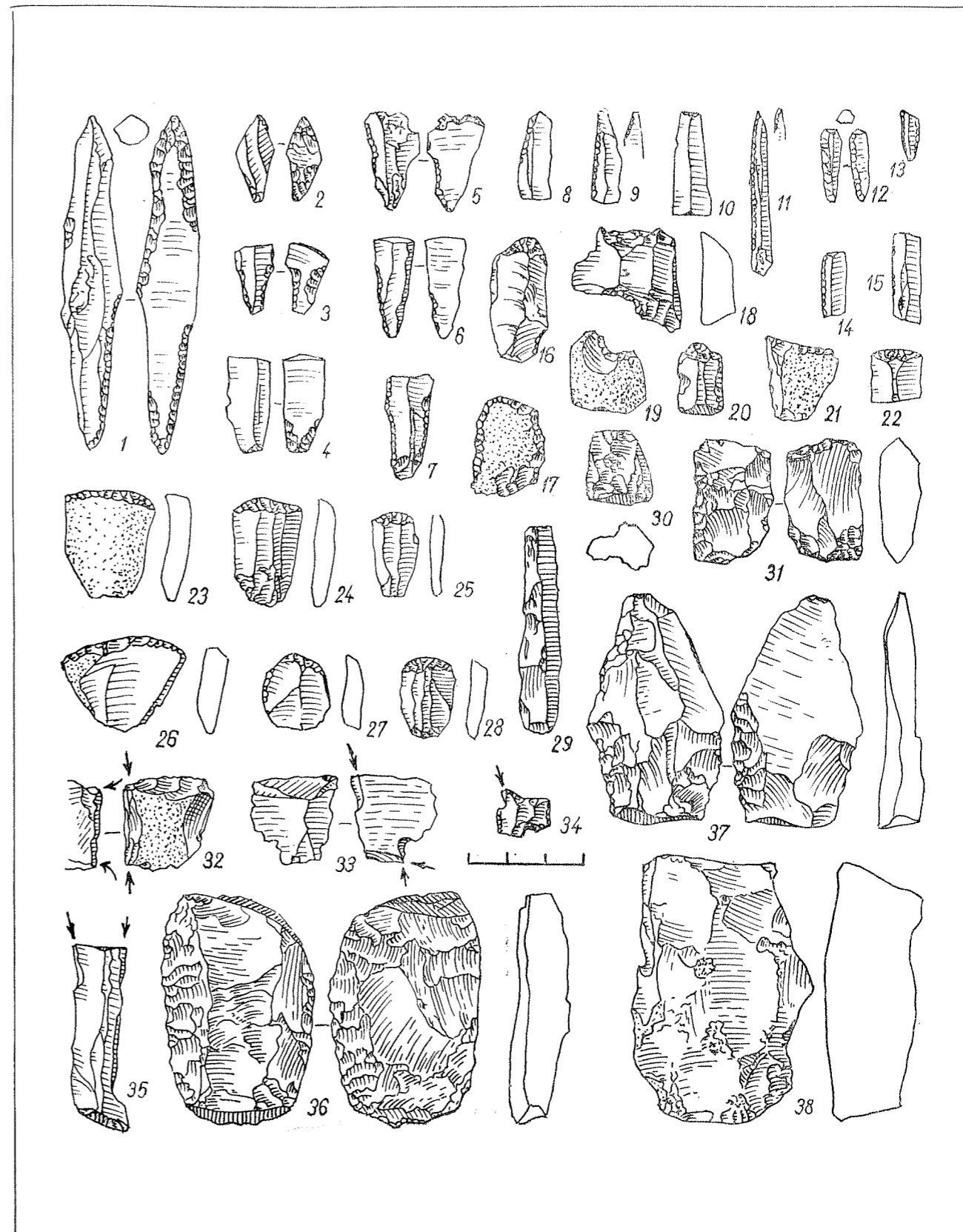

Рис. 120. Орудия стоянки Канокай 1 (нижний культурный слой)

Инвентарь Нятесай 1 обширен и содержит все типы изделий, характерные для мезолита. Наконечники стрел, за исключением трапециевидных, по облику очень близки к находкам нижнего слоя в Канюкай 1. Значительная часть их напоминает эписвидерские типы (рис. 123, 1—6, 7—9); в большинстве это лишь фрагменты черешков. Как и в Канюкай, здесь было найдено несколько коротких широких наконечников, сохранившихся лучше и имеющих более близкую связь со свидерскими — у многих из них и на спинке нанесена плоская свидерская

личает их от тщательно обработанных ланцетовидных и треугольных форм раннего мезолита и напоминает индустрию раннего неолита.

Значительную часть наконечников стрел составляют трапециевидные поперечные наконечники. По форме они довольно однообразны: скорее длинные, чем широкие, но встречаются и очень правильные трапеции (рис. 123, 27—33).

Вкладышей много, но в целом в инвентаре они составляют небольшую часть. Вкладыши

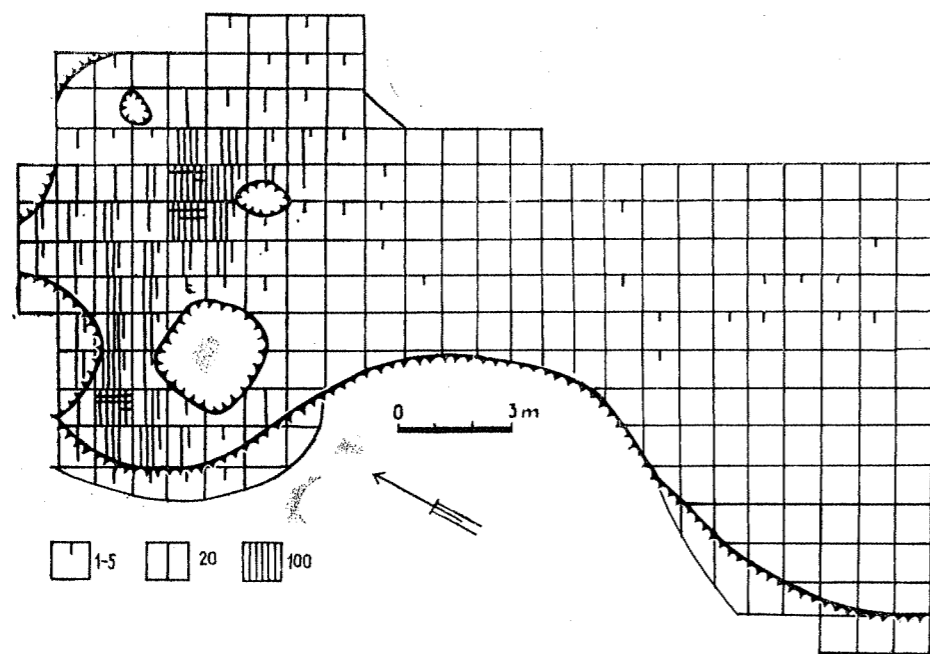

Рис. 121. Канюкай 1. Расположение находок в раскопе мезолитического слоя

ретушь. Другую группу наконечников составляют крупные острия (рис. 123, 14, 15), сходные с острием из Канюкай, но изготовленные обычно из нижней части довольно толстых широких пластин, заостренных узкой ретушью с лицевой стороны.

Большинство наконечников составляют различные ланцетовидные, изготовленные из случайных небольших пластинок (рис. 123, 10, 17—26). Чаще всего это кое-как обработанная нижняя часть пластины с бугорком и следами скола. Вершина бывает скошена в одну сторону и ретуширована. Только одна пластина была более правильной формы, с косо срезанным ретушированным основанием. Можно отметить еще изделие, напоминающее узкий треугольник — маленькую стрелу, и ряд довольно неправильных сегментов (рис. 123, 16). Случайность форм и небрежная обработка сильно от-

узкие, с ретушированными краями или концом, иногда имеют острые или косые вершины (рис. 123, 34—38).

В стоянке довольно много разнообразных скребков. Среди них большую группу составляют широкие и относительно крупные. Тем не менее они не достигают размеров больших скребков Памяркине и не имеют правильных форм. Обычно скребки сделаны из случайных и мало для этого пригодных отщепов или частей крупных пластин, напоминают овал с лезвием на узком конце. Все они довольно массивны (рис. 124, 1—7). Несколько больше обнаружено коротких, маленьких скребков (рис. 124, 8—17), изготовленных из нижней части неширокой и не толстой пластины. У них обычно ретушировано только лезвие. На втором конце виден бугорок скола и невыровненная обратная сторона пластины. Некоторые скреб-

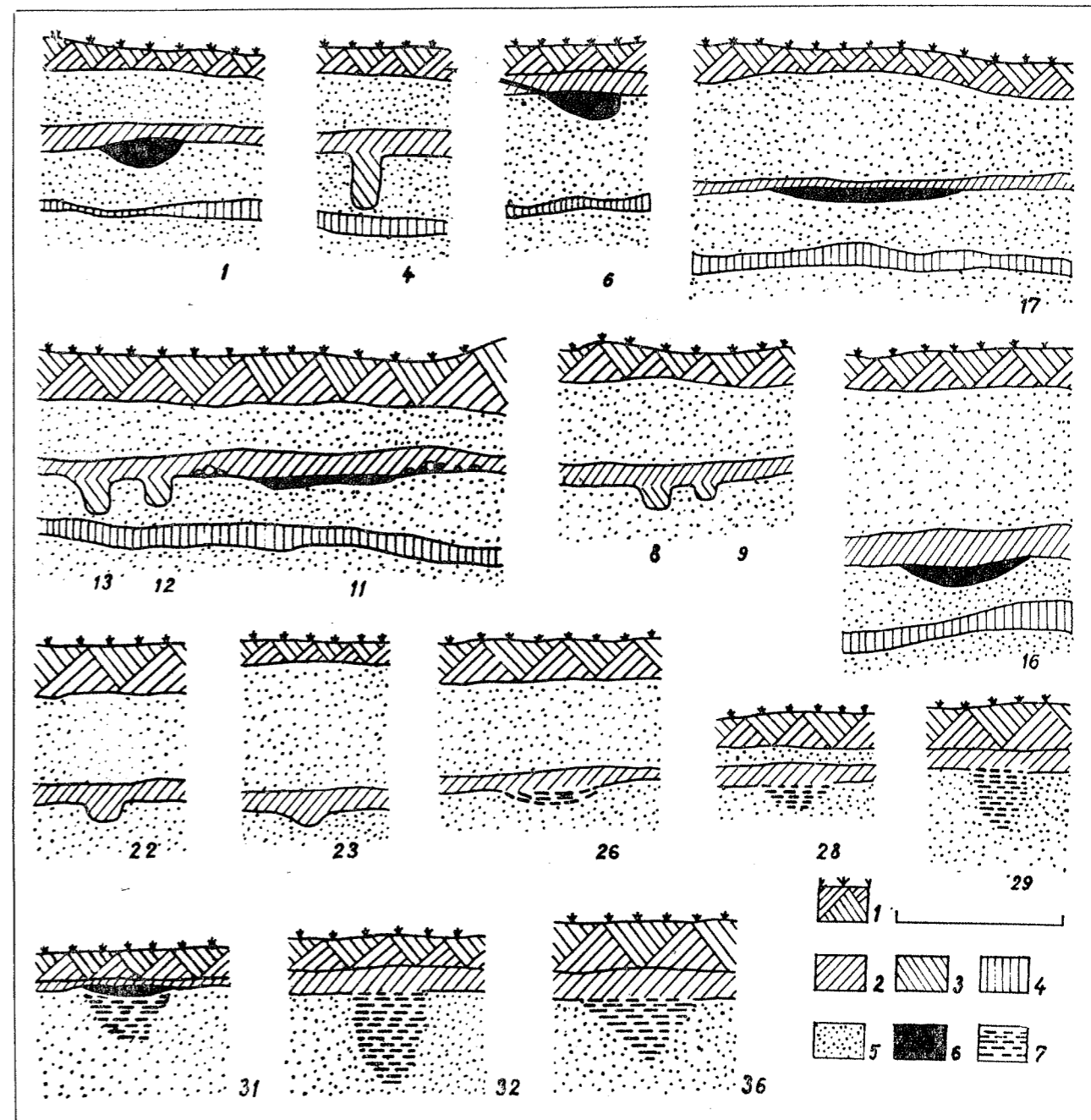

Рис. 122. Нятесай 1. Разрезы некоторых очагов и ям мезолитического культурного слоя: 1 — дёрн, 2 — ископаемая почва — мезолитический культурный слой, 3 — серый песок, 4 — суглинок, 5 — светлый песок, 6 — уголь, 7 — песок с сажей

ки довольно мелкие и почти округлые, но ретушь у них обычно имеется только на конце. Третью группу, примерно равную предыдущим по числу, составляют удлиненные скребки (рис. 124, 4, 6), изготовленные из пластин чаще всего не очень правильных форм. Бугорок оставался не обрубленным и не выровненным. Чаще всего скребки этой группы несут ретушь только у лезвия, но иногда и по краям.

Обнаружено много разнообразных резцов (рис. 124, 18—26). Значительная часть их изготовлена из пластин, а острие оформлено при помощи скола и ретуши или только скола; на некоторых оставлен бугорок скола. Другие резцы изготовлены из крупных кусков кремня (рис. 124, 20). Наибольшую группу составляют скребки-резцы, довольно крупные, неправильных форм. Скобелей значительно больше, чем

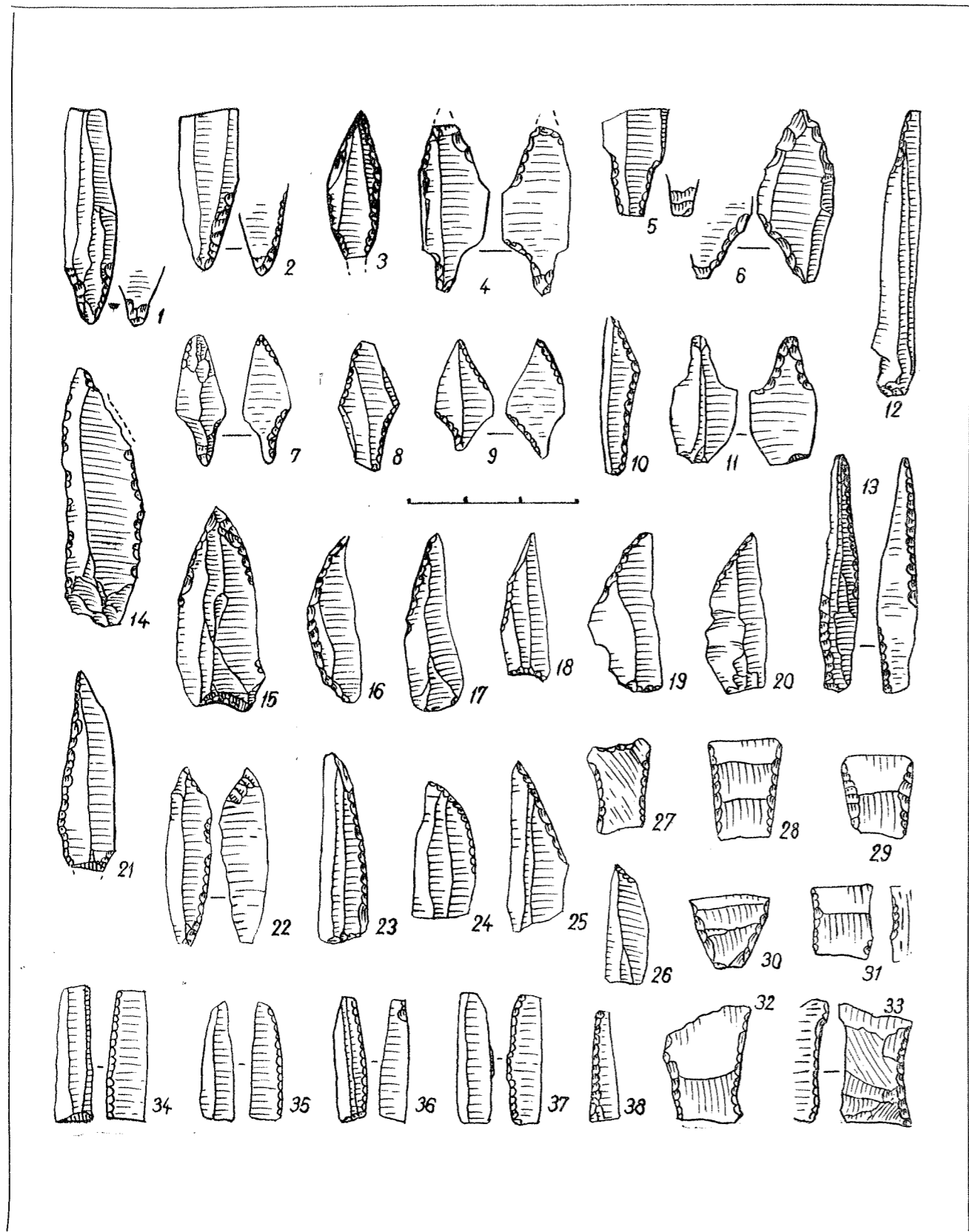

Рис. 123. Наконечники стрел стоянки Нягесай 1 (средний культурный слой)

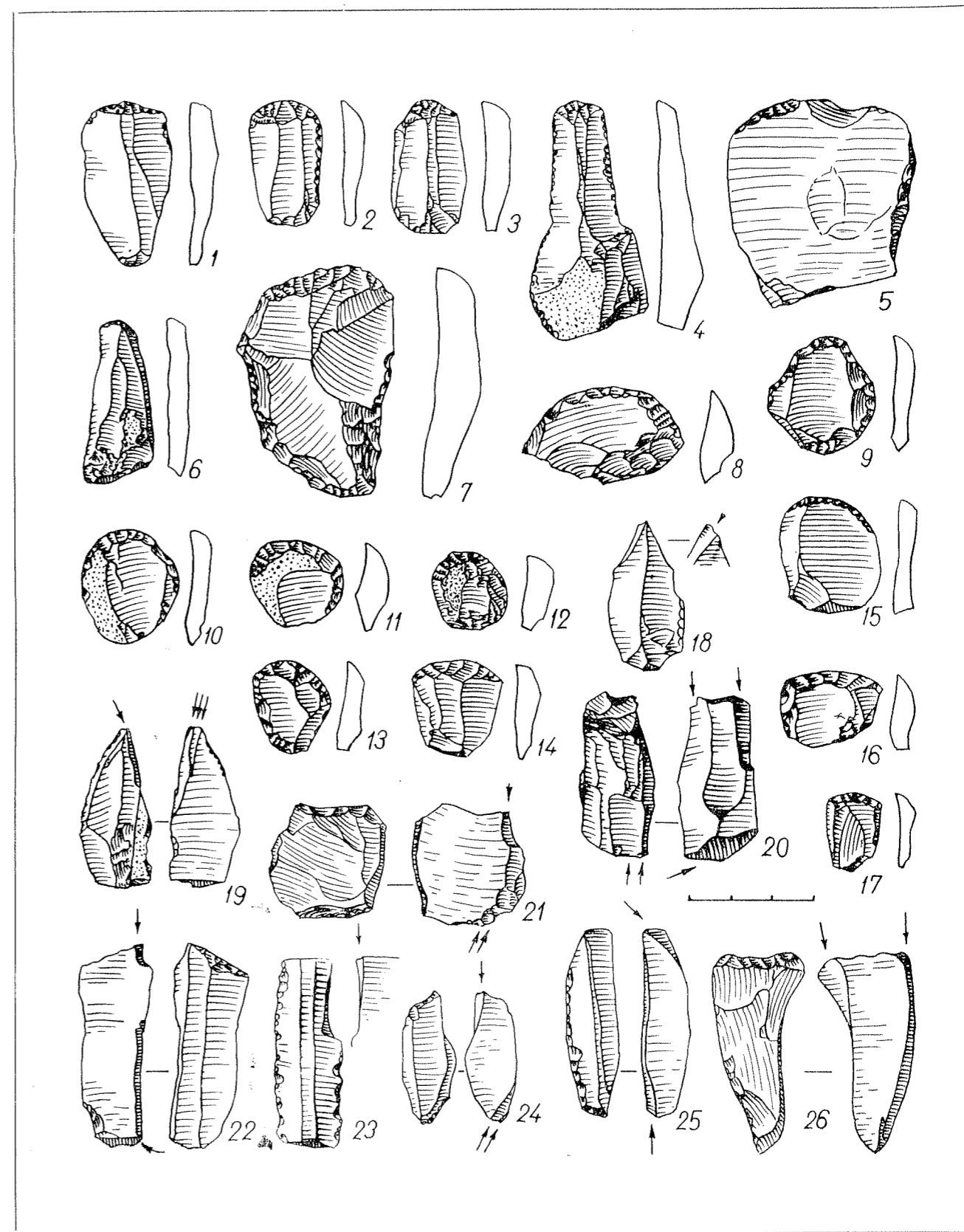

Рис. 124. Скребки и резцы стоянки Нягесай 1 (средний культурный слой)

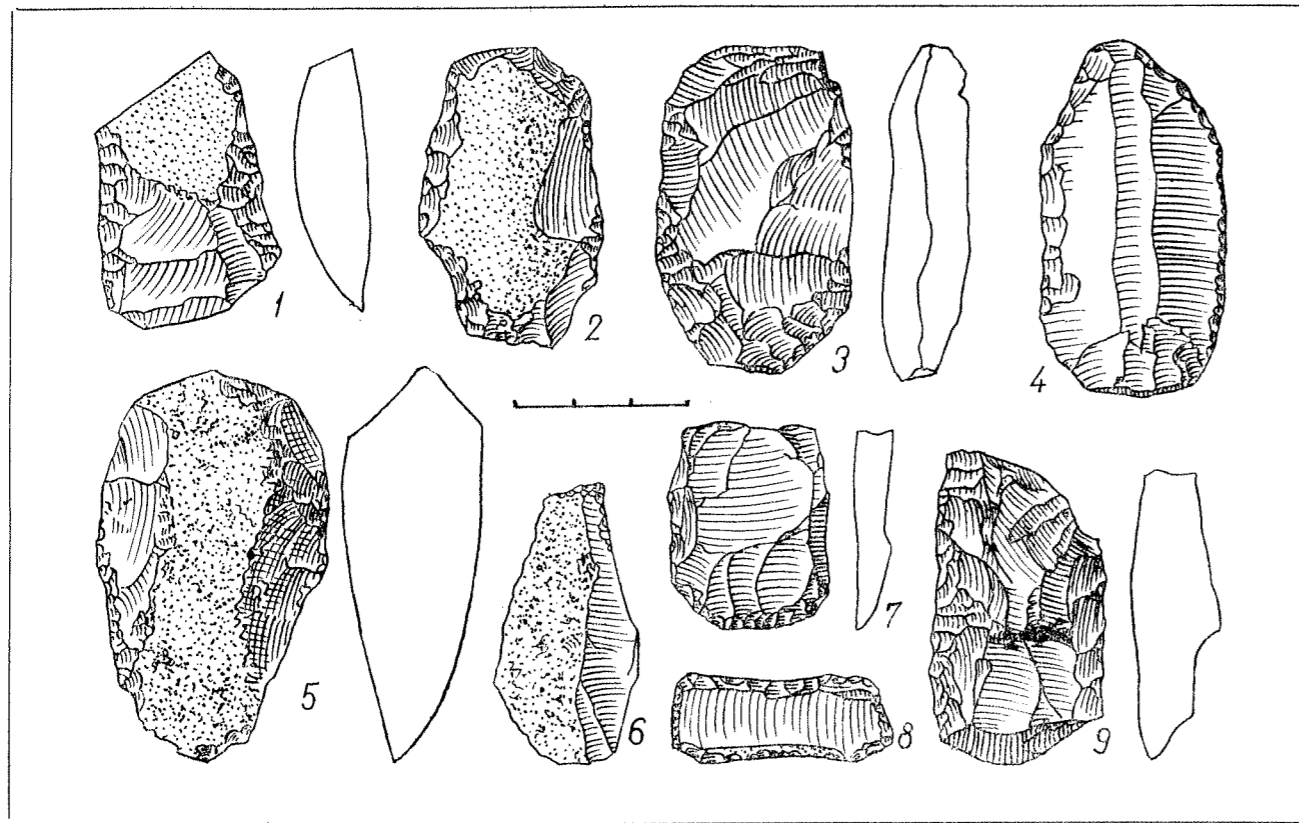

Рис. 125. Орудия стоянки Нятесай I (средний культурный слой)

в ранних стоянках. Их формы обычно случайные. Очень много разных маленьких изделий специального назначения (с клювиками, выемками) или просто мелких, кругом ретушированных пластин разных форм. Для ретуширования было использовано множество узких ретушеров разной величины, вершины которых или обломаны, или носят следы сработанности.

Найдено довольно много овальных топоришков (рис. 125, 1—3, 7, 9), в большинстве небольших, тонких, иногда имеющих форму правильной овала. Кроме того, обнаружено немало кремневых отбойников и отжимников разнообразнейших случайных форм.

Нуклеусы в большей части неправильные, но встречаются и двухплощадочные. Иногда они ретушированы по бокам наподобие овальных топоришков и, по-видимому, использовались как топорики (или служили заготовками для них).

В стоянке больше всего одноплощадочных и даже очень правильных конусообразных нуклеусов. Встречаются части использованных нуклеусов. Сравнительно мало карандашевидных, предназначенных для изготовления вкладышей к гарпунам. Имеются обыкновенные одноплощадочные нуклеусы с негативами очень узких пластинок. Пластины расчленились

микролитической техникой; от них оставались «микрорезцы». Такая техника применялась в стоянке только для деления узких маленьких пластинок, поэтому все обнаруженные «микрорезцы» очень мелки.

Стоянок типа Нятесай достаточно много. Находясь на приподнятых участках, они не размывались, зачастую хорошо сохранились, и поэтому количество изделий в них очень велико.

Укажем, например, на стоянку возле пос. Мяркине За, инвентарь которой близок к нижнему слою Кайбукай и среднему слою Нятесай. Стоянка находилась на крутом склоне высокой террасы р. Мяркис, там, где проходит дорога, на которой и подобрано большинство находок. Вершина склона поросла лесом.

Заложенный здесь раскоп подтвердил, что весь кремневый материал относится к одному периоду, о чем можно судить при сравнении его с инвентарем ранее упомянутых стоянок. Раскоп показал, что под слоем дерна и песка лежит тонкий слой ископаемой почвы, в котором встречено несколько толстых обломков керамики бронзового века с примесью дресвы к глине и чуть штрихованной поверхностью. Ниже лежал, как и в других мезолитических стоянках, слой ярко-желтого песка толщиной

в 15—25 см с такими же кремневыми изделиями, как и на склоне. Еще ниже залегал белый песок, лишенный каких-либо находок. Дальнейшим раскопкам мешал разросшийся лес, однако и то, что было обнаружено на поверхности, подтверждает наличие комплекса, характерного для высоко расположенных микролито-макролитических стоянок.

Как и в других стоянках этого типа, у пос. Мяркине За обнаружено некоторое количество наконечников стрел эписвидерского типа. Один из них (рис. 125, 1) по виду даже близок к типам конца палеолита. Наряду с этим имеются мелкие экземпляры с ярко выделенным острым черешком (рис. 126, 5, 6), а также фрагменты, лишь отдаленно напоминающие свидерские (рис. 126, 2—4, 7, 8). Трапециевидных наконечников и здесь очень мало: из всех изделий (см. табл. VIa) только 2 (рис. 126, 19, 20) — один широкий, другой узкий, маленький, продолговатый.

В большинстве случаев наконечники — это заостренные пластины. Некоторые из них довольно близки к ланцетовидным наконечникам раннего маглемозе с ретушированным основанием (рис. 126, 9—11). Один из найденных наконечников (рис. 126, 21) близок к большим остриям более древних стоянок. Другой — ланцетовидный, имеет свидерскую ретушь на основании (рис. 126, 12).

Резцов довольно много (60), однако значительно меньше обнаруженных здесь скребков. Резцы разнообразны по форме, на некоторых из них заметны отголоски палеолита. Из них 41 — боковые и угловые (рис. 127, 1, 2, 5, 6, 8, 9), а 9 — срединные (рис. 126, 27, 32; 127, 3, 4, 7). Среди скребков есть экземпляры, сделанные из довольно длинных пластин. Но чаще скребки изготовлялись из основания пластины или отщепы, иногда с коркой; они тщательно ретушированы по бокам и нередко кругом. Немало двойных скребков, среди которых один из красного кремня — массивный, почти круглый, с круговой ретушью (рис. 126, 34—45). Встречаются и двойные орудия, например, скребок-резец (рис. 126, 32, 33). Характерное изделие стоянок микролито-макролитической культуры — это ножи с косо ретушированными лезвиями (рис. 127, 13—15).

Обнаружено небольшое число вкладышей с ретушированными краями и концами (рис. 126, 28—30). Правильные карандашевидные нуклеусы с негативами узких пластин и лодкообразные нуклеусы (рис. 140, 8) свидетельствуют о том, что такие вкладыши изготовлялись в значительном количестве. При делении мелких пластин обитатели стоянки пользовались микролитической техникой, оставляя так называемые «микрорезцы» и половинки сложенных пополам ретушированных пластинок

(рис. 126, 31). При изготовлении изделий специального назначения многие пластины и отщепы были ретушированы (рис. 126, 22—26). Как и Нятесай, стоянка у пос. Мяркине За содержит сильно сработанные ретушеры (рис. 127, 10, 16) и много овальных топоришков (рис. 127, 11, 12; 138, 2, 4, 5, 7), значительная часть которых имеет тщательно обитые и ретушированные лезвия. Нуклеусы большей частью пирамидальные, неправильные.

Подробное описание тождественного инвентаря, обнаруженного в других соответствующих стоянках, давать здесь нет смысла. Следует лишь упомянуть отдельное скопление в больших песках Акмуо Iв. Инвентарь его однородный. Это крупные отщепы, вкладыш гарпуна, нож с выгнутой ретушированной спинкой, короткие скребки, скребло, угловой резец, овальный топоришок со сколотыми концами, неправильные нуклеусы (некоторые употреблялись как отжимники), ретушированные пластины и отщепы.

На третьей левобережной надпойменной террасе Немана, отрезанной ныне от русла торфяником, располагалась маленькая стоянка Аляксиякеми (Пренайский р-н). Микролитические наконечники и крупные ретушированные пластины позволяют отнести ее ко II периоду. На высоком левом берегу Немана, напротив Друскининкай, в местности, называемой «Аверничя», обнаружена стоянка Балташишке I (Лаздийский р-н). Стоянка основательно разрушена, однако инвентарь ее однороден. Здесь найдены: ланцетовидный наконечник, короткий скребок, вкладыши для гарпуна, ретушированные пластины и отщепы.

Неподалеку от Балташишке I имеется ряд аналогичных стоянок, например, Друскининкай 8 (в 2,5 км к юго-западу от одноименного курорта, на правом берегу Немана, на краю самой высокой террасы). Пески здесь сильно выветрены, поросли соснами. Все находки обнаружены на поверхности. Инвентарь единообразен, относится ко II этапу микролито-макролитической культуры. Среди находок — очень правильные, довольно крупные эписвидерские наконечники (рис. 128, 1, 2), различные ланцетовидные мелкие наконечники (рис. 128, 3, 4, 6), вкладыш гарпуна (рис. 128, 5), узкие пластинки, по-видимому, служившие тем же целям, а также короткие скребки (рис. 128, 9, 10, 11), скребла-резцы (рис. 128, 12) и срединные резцы (рис. 128, 8, 13, 15).

Такой же чистый, хотя и неполный инвентарь найден в стоянке Кайбукай I (Варенский р-н), на левом берегу р. Мяркис напротив дер. Кайбукай, к северу от устья р. Ула. На крутом склоне и его вершине расположены небольшие пески, протянувшиеся до леса. По месту расположения Кайбукай I во многом

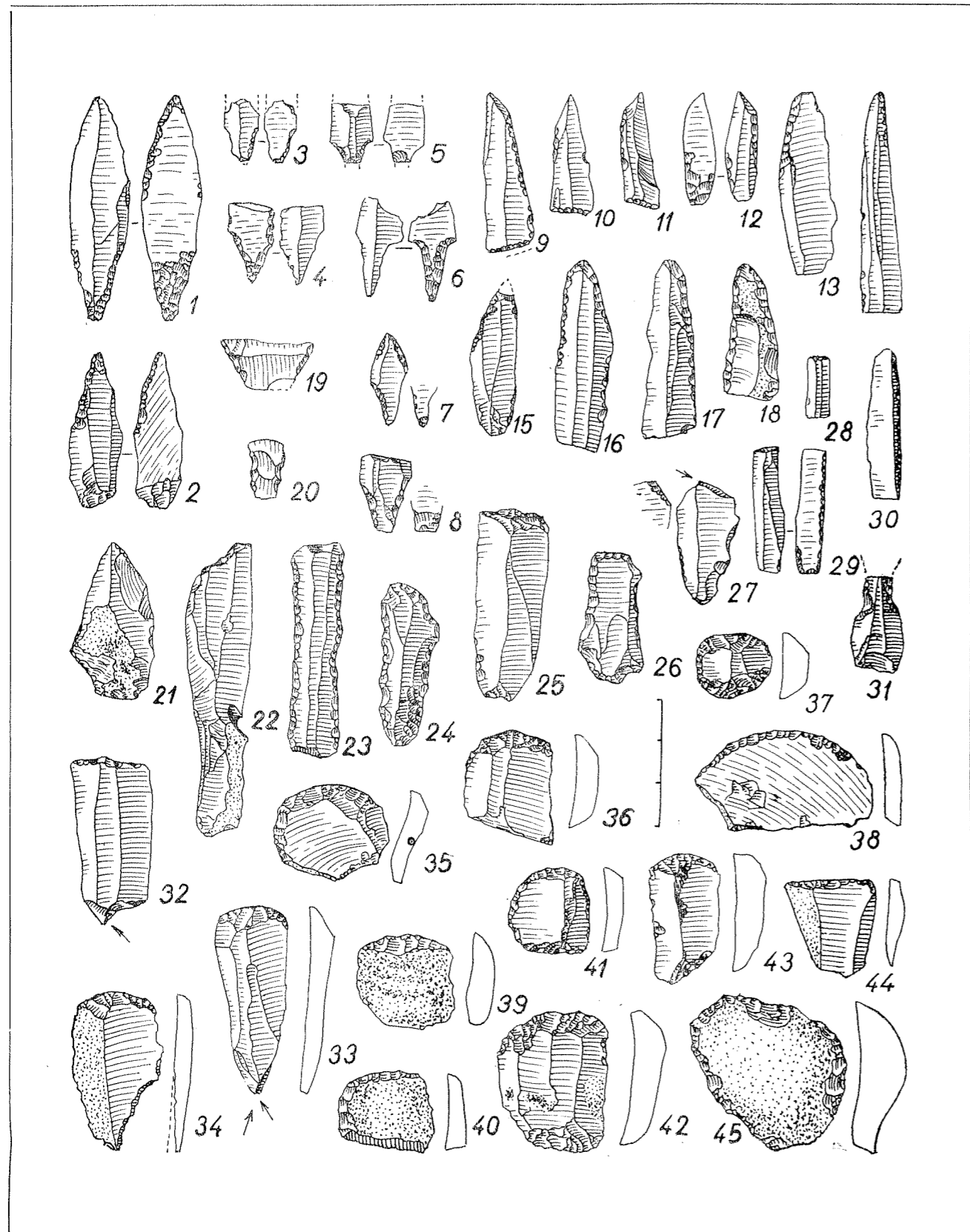

Рис. 126. Орудия стоянки За на склоне у пос. Мяркине

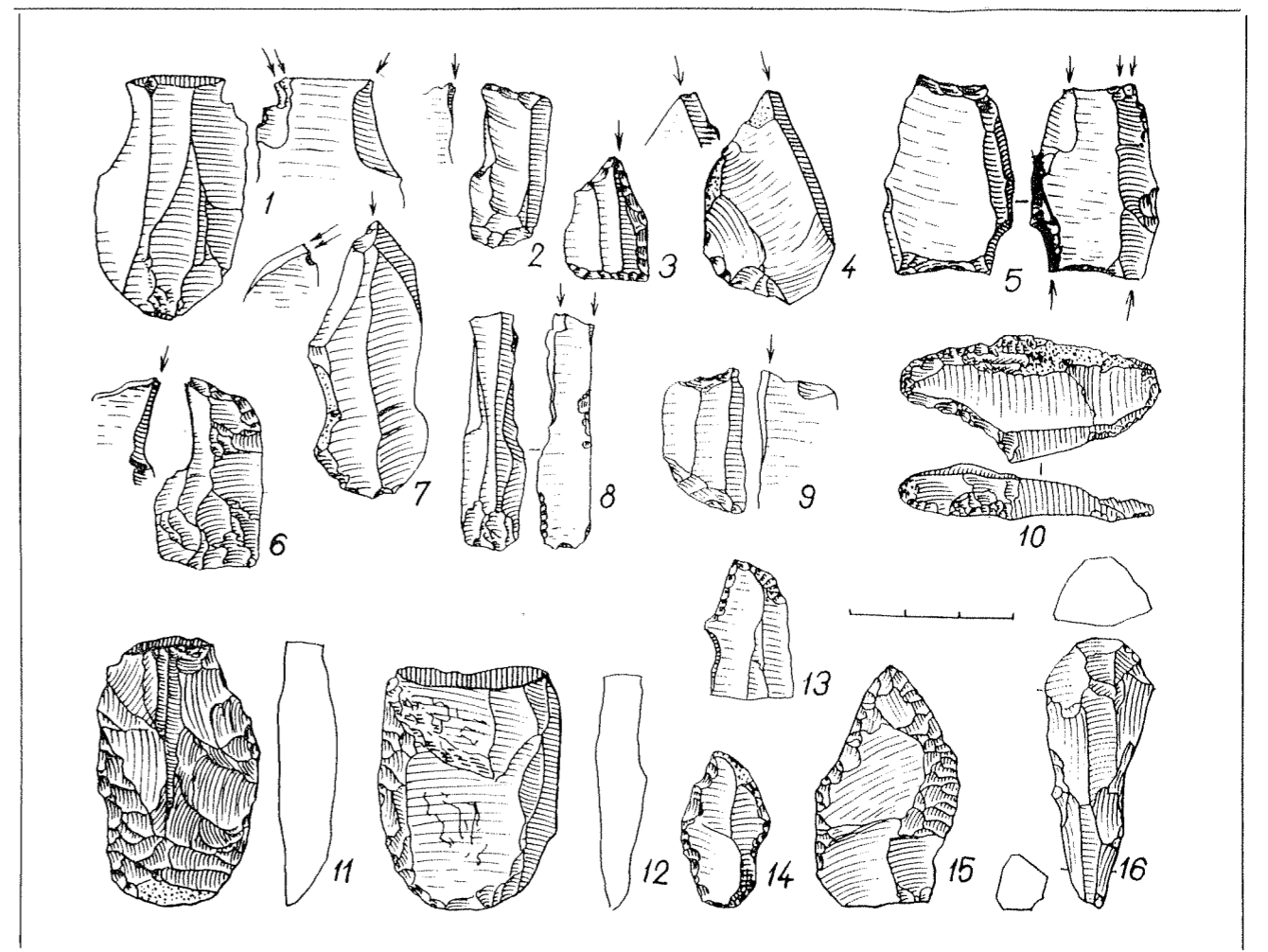

Рис. 127. Орудия стоянки За на склоне у пос. Мяркине

похожа на стоянку возле пос. Мяркине. Сходны с мяркинскими и здешние находки, хотя их и сравнительно немного. Это — наконечники эписвидерского типа, трапециевидные, разные ланцетовидные, а также вкладыши для гарпунов, маленькие скребки, ретушированные кругом, мелкие изделия специального назначения и ретушированные пластины.

Значительное количество стоянок того же типа обнаружено у дер. Мяргяжярис, на высоких берегах речки Дярежняча. Здесь встречаются смешанные находки нескольких периодов. Среди прочих выделяется стоянка Мяргяжярис 2, лежащая на второй надпойменной террасе, в широких, сильно выветренных песках, поросших редкими соснами. На поверхности найдено множество необработанных кусочков кремня и камня. Здесь же наконечники стрел эписвидерского типа и несколько трапециевидных, коротких ланцетовидных наконечников, небольшие короткие или удлиненные скребки, угловые резцы, ретуше-

ры, овальные топорики со сколотыми концами, нуклеусы (обычно одноплощадочные).

Инвентарь всех перечисленных в разделе стоянок в какой-то мере уже приближается к выделенной нами III хронологической группе: орудия здесь мельче по размеру. Наряду с этим во второй группе еще встречаются стоянки, изделия которых по величине настолько близки к стоянкам I хронологической группы, что, не зная топографии стоянок, трудно было бы их классифицировать. Такова, например, стоянка Жи вульчишке 1 (Алитусский р-н), на правом берегу Немана, на второй надпойменной террасе, в лесу. Это сильно выветренные пески в несколько сот метров длиной и в сто метров шириной, с небольшими донями, частью поросшими лесом. В рекогносцировочном раскопе, сделанном в местах, менее подвергшихся выветриванию, выявлены два слоя. Под дерном и лесным песком лежал тонкий слой ископаемой почвы, с которым можно увязать плохо сохранившуюся неолитическую (или даже не-

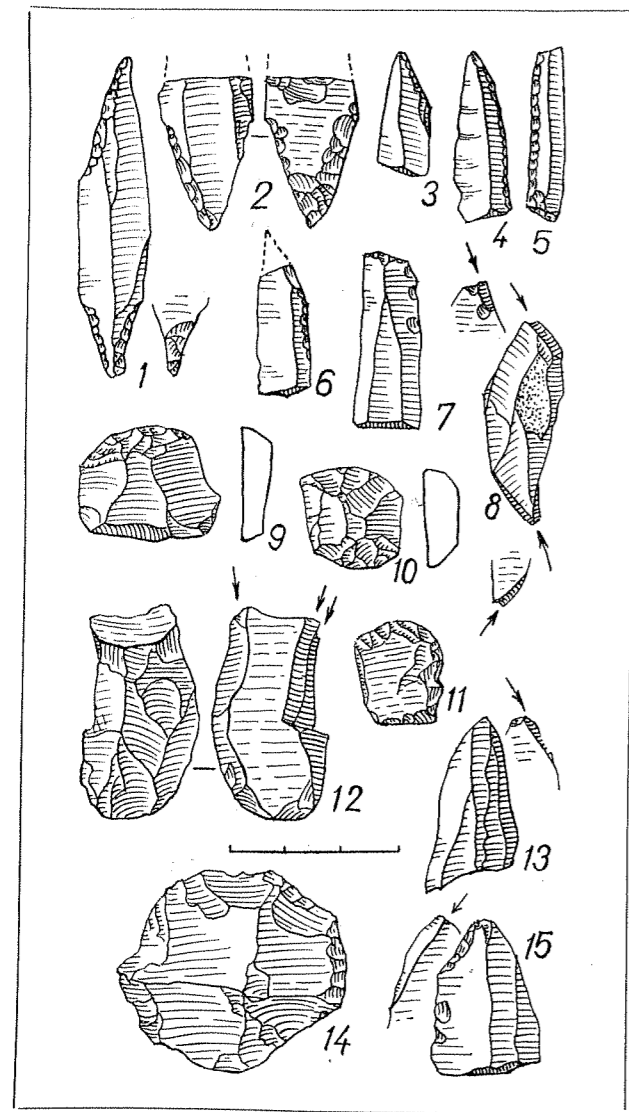

Рис. 128. Орудия стоянки Друскининкай 8

сколько более позднюю) керамику и обломок шлифованного кремневого топорика. Ниже залегал коричневый дюнный песок, в котором и находился весь многочисленный инвентарь мезолита. Большинство находок слабо патинированы. Для инвентаря характерны многочисленные крупные пластины. Среди кремневых изделий — черешок наконечника, похожий на сверло, два острия — наконечники копий, вкладыши для гарпунов, «микрорезец», скребки, мелкие изделия специального назначения, овальный топорик с острым обухом и правильный конусообразный нуклеус.

Стоянкой, относящейся к раннему периоду трансгрессии, является и Швяндубре 1 (Варенский р-н), расположенная к югу от Друскининкай, на западной окраине одноименного поселка, на склоне, спускающемся к Ня-

мушкштису — старице Немана. В пробном раскопе на высоте 10 м над урезом воды был выявлен коричневатый культурный слой. В нем найдены: пластины, такие же крупные, как и в Живульчишке, наконечник, массивные скребки, изделия типа топориков, неправильные конусообразные нуклеусы, ретушированные пластины и отщепы.

в) III, конечный, этап мезолита

Третью хронологическую группу в цепи развития местной культуры составляют стоянки, существовавшие после II литориновой трансгрессии. Этот период хорошо различается как в топографическом, так и в культурном отношении. Конец трансгрессии означал понижение уровня грунтовых вод, что создавало условия для расположения стоянок снова на более низких террасах — ближе к современным берегам рек. Правда, для освоения прибрежной зоны потребовалось какое-то время, и поэтому стоянки того периода мы находим при довольно различных обстоятельствах. Они,

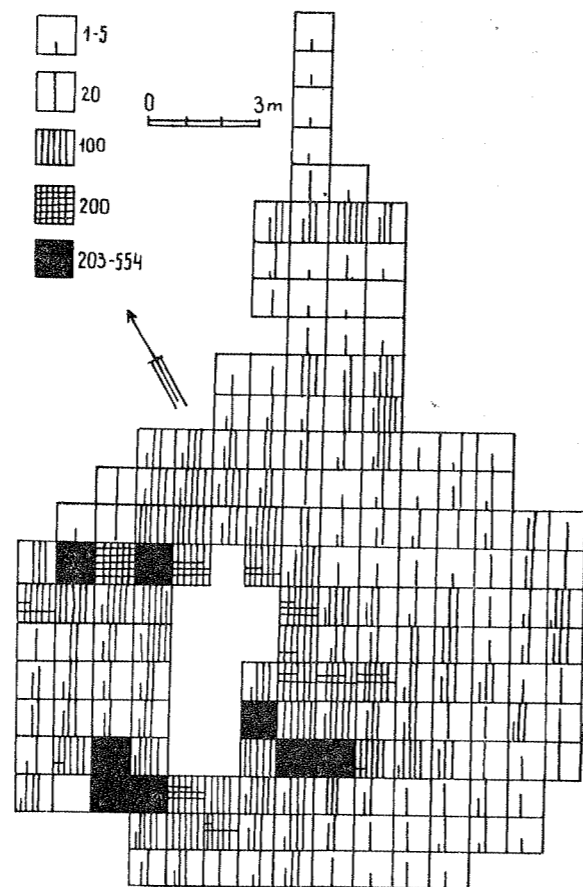

Рис. 129. Расположение находок в раскопе стоянки Лампеджэй

хотя и находятся на уровне поймы, однако расположены на некотором отдалении от современного берега, по-видимому, там, где тогда были ручьи или небольшие озера, сформированные трансгрессией.

В коричневатом слое находилось десять очагов (рис. 130), заполненных серым песком с золой. Угли очень плохо сохранились, пострадав от влаги, по-видимому, во время разливов Немана. Большинство очагов округлые,

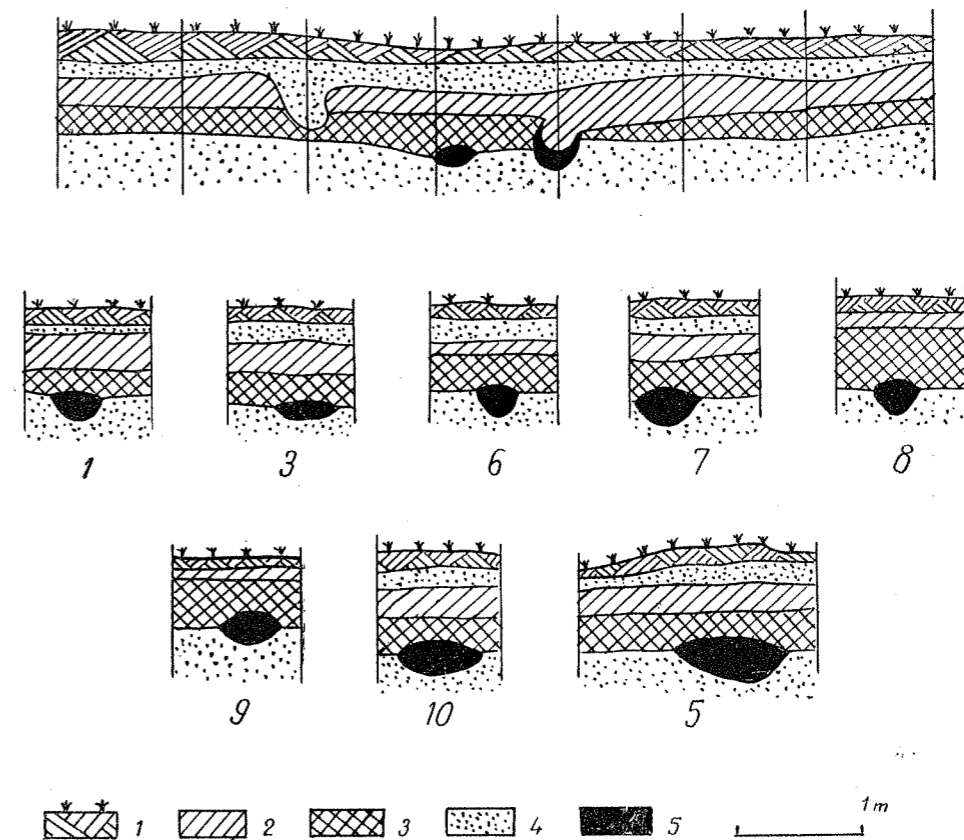

Рис. 130. Часть разреза с очагом № 2 и другие очаги стоянки Лампеджэй: 1 — дерн, 2 — ископаемая почва, 3 — подзол — светло-коричневый слой (культурный слой мезолита), 4 — светлый мелкозернистый песок, 5 — очаги

Одним из наиболее характерных примеров III периода мезолита является стоянка Лампеджэй (предместье гор. Каунаса) (Jablonskytė-Rimantienė, 1963, стр. 39—53), находящаяся в 140 м от Немана и в 4 м выше его уровня. Стоянка расположена у подножья гряды дюн на небольшом возвышении. За дюнами к северу тянутся болотистые луга и следы старицы Немана. Здесь исследована площадка в 177 м², что, судя по расположению находок (рис. 129), соответствует площади стоянки. Почти повсюду был замечен мезолитический культурный слой — коричневатый песок толщиной в 10—35 см, лежавший на белом материковом песке. Над культурным слоем лежал слой древней темно-серой почвы, в который попало некоторое количество сильно разбитого кремня; выше — светло-серый песок и дерн.

глубиной 20—35 см. Самый большой имел глубину 32 см и диаметр — 75 см. В том же слое обнаружено семь небольших ям, заполненных коричневатым песком. Какой-либо системы в расположении очагов и ям установить не удалось (рис. 131).

Изделия изготовлены из местного серого кремня с побережья Немана. Наконечники стрел разнообразны. Два из них принадлежат к позднему эписвидерскому типу с выделенными черешками (рис. 132, 1, 2). Шесть черешков наконечников (или сверл) имеют довольно вертикальную ретушь по краям (рис. 132, 10—13). Обнаружен и трапецевидный наконечник, сделанный из тонкого отщепы (рис. 132, 7). Остальные наконечники — это пластины, скошенные в одну сторону, с узко ретушированной вершиной (рис. 132, 4—6, 8, 9). Боль-

шинство из них короткие, ретушь на них мелкая. На стоянке обнаружено много ретушированных пластин, вершины которых иногда заострены; сами пластины довольно длинные, прямые. Характерно, что они имеют плоско-

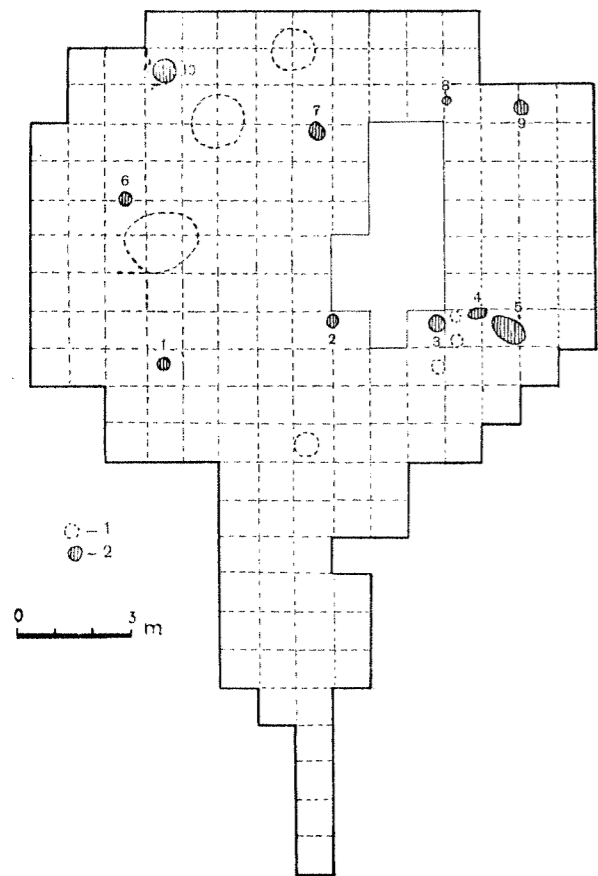

Рис. 131. Расположение ям (1) и очагов (2) в раскопе стоянки Лампеджэй

ретушированный прямой или косой конец (рис. 132, 20, 22). Другая часть ретушированных пластин — это вкладыши для гарпунов (рис. 132, 14—16), имеющие мелкую ретушь по краям или косо сколотый и ретушированный конец. Есть в инвентаре и специальные вкладыши для острий гарпунов. Сохранились «микрорезцы» (рис. 132, 27).

Наибольшую часть изделий стоянки Лампеджэй составляют скребки. Их число в 2 раза превышает количество резцов (см. табл. VIa), не считая неправильных отщепов, на которых ретушь такая же, как и на скребках. Несколько скребков имеет в длину до 4,5 см, большинство же — около 2,5 см в длину и 2 см в ширину. Следовательно, даже удлиненные скребки невелики по размерам (рис. 132, 18, 30—32). Вторую группу составляют небольшие

короткие и широкие скребки (рис. 132, 23, 28). Почти у всех их на поверхности сохранилась корка.

Среди резцов этой стоянки позднепалеолитические типы уже не встречаются. Местные резцы изготовлялись из узких длинных пластин (рис. 132, 21); некоторые экземпляры совсем короткие (рис. 132, 21, 37). Иногда рабочие углы бывают на обоих концах орудия.

Значительна по численности группа скреблей-резцов, характерных для всех микролитомакролитических стоянок (рис. 132, 33, 36). По форме они довольно однообразны, в большинстве массивные. Скреблей (рис. 132, 29) обнаружено только четыре.

Большинство нуклеусов — конусовидные, мелкие, величиной в несколько сантиметров (остатки использованных нуклеусов). Другую группу составляют карандашевидные нуклеусы или их части (рис. 132, 38, 39) с очень правильными негативами от пластин для вкладышей. Можно упомянуть один лодкообразный нуклеус-скребель с ретушью у овальной площадки (рис. 132, 40).

Достоин упоминания тонкий ретушер со сработанным концом, слегка напоминающий нуклеус (рис. 132, 34). Найдено также несколько небольших топоровидных или клинообразных орудий. Наиболее приметным является коротенький топорик с овальными ретушированными лезвиями, который, по-видимому, служил рабочей частью какого-то орудия (костяного или рогового) (рис. 132, 42). Имеются клинообразные изделия, ретушированные только по бокам (рис. 132, 41). Много кусочков специализированных форм отщепов, коротеньких обломков пластин с наискось сколотой и ретушированной вершиной или с ретушью по бокам (иногда такие изделия имеют толстую заостренную вершину) (рис. 132, 17, 25, 26).

Три стоянки того же типа обнаружены в Кампишкес (Пренайский р-н), у Немана, напротив устья реки Вяркне, на пойме, полого переходящей в первую террасу (рис. 133). Находки лежали в слое желтого песка, непосредственно под дерном и черноземом. Культурный слой имел около 15 см толщины. Инвентарь всех трех стоянок очень сходен. Стоянки, расположенные в аналогичной обстановке, относятся к одному и тому же периоду и типу, поэтому подробнее мы остановимся только на Кампишкес 1.

Ее инвентарь почти в точности повторяет находки Лампеджэй. В Кампишкес также найден фрагмент наконечника стрелы эписвидерского типа (рис. 134, 1) и маленький поперечный наконечник, сделанный из отщепы (рис. 134, 2). Большинство наконечников представляют собой пластины со скошенной в одну сторону ретушированной вершиной (рис. 134, 3—5,

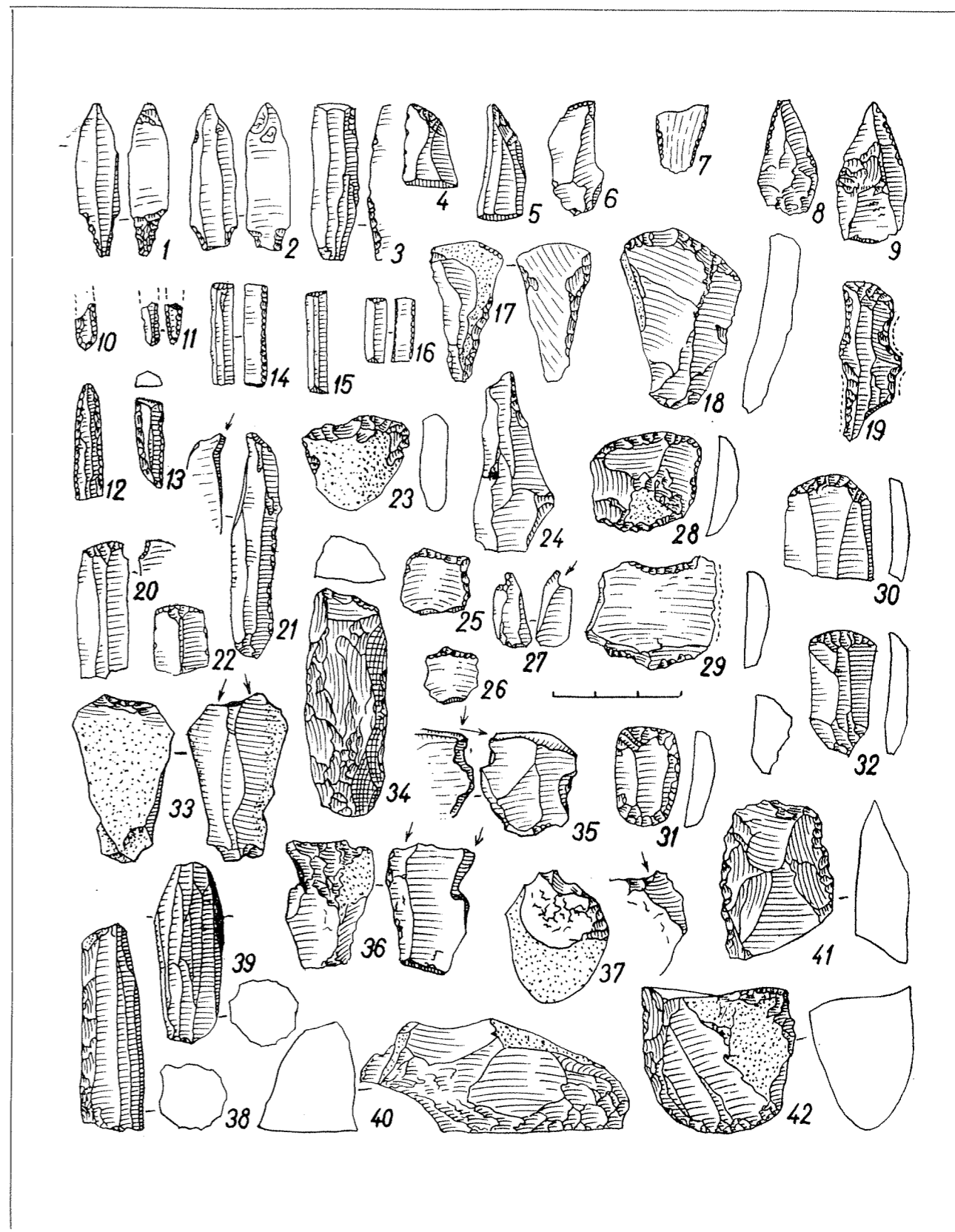

Рис. 132. Орудия стоянки Лампеджэй

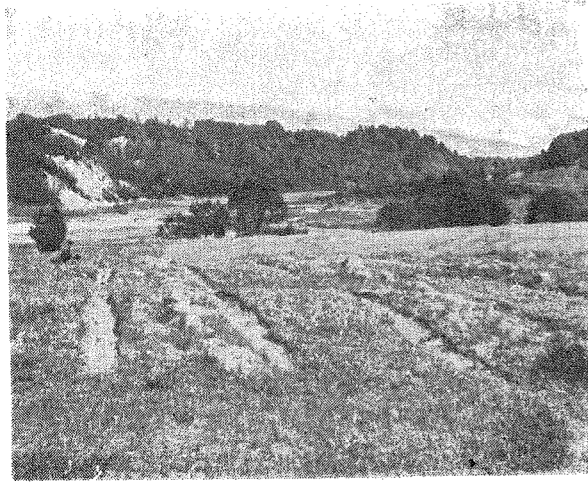

Рис. 133. Вид стоянки Кампишкес

7—9). Пластины зачастую прямые, длинные. Найдено много тщательно ретушированных вкладышей (рис. 134, 6), карандашевидных нуклеусов (рис. 134, 37), «микрорезцов» (рис. 134, 34). Почти все скребки мелкие, хорошо ретушированные, как и в Лампеджэй (рис. 134, 13, 15—19); только один скребок сравнительно большой (рис. 134, 14). Резцов очень мало; некоторые образованы посредством скалывания (рис. 134, 24), у большинства же рабочий угол оформлен коротким сколом на вершине пластины (рис. 134, 23, 30). Обнаружено несколько скобелей-резцов. Как и в Лампеджэй, здесь найдено значительное число мелких специализированных изделий, иногда ретушированных кругом (рис. 134, 20, 21, 26, 33). Из крупных предметов следует отметить ретушер (рис. 134, 35) и овалы топориков, у которых обработаны бока и лезвия (рис. 134, 38, 39). Нуклеусы большей частью неправильные, пирамидальные (рис. 134, 36); встречаются остатки нуклеусов.

Следует упомянуть также размытую стоянку Саялинкай 1 (Ионавский р-н), расположенную у р. Нярис в выветренных песках с остатками небольших дюн. Инвентарь ее однороден, близок в вышеописанному и лишь дополняет его. Среди находок имеются эписвидерские наконечники (рис. 135, 1, 2, 4, 5) очень тщательной работы. Широкий трапециевидный наконечник сделан из части пластины (рис. 134, 9). Значительное количество наконечников составляют короткие, наискось сколотые (рис. 135, 3), а наряду с ними — различные пластины, заостренные ретушью. Обнаружены ретушированный вкладыш для гарпуна (рис. 135, 6) и карандашевидный нуклеус с негативами прямых маленьких пластин (рис. 135, 14). Скребки большей частью мелкие, чуть продолговатые

(рис. 135, 10, 12, 13), очень близкие к комплексу Лампеджэй, как и разные специализированные изделия с довольно плоской ретушью по краям (рис. 135, 7, 8, 11).

Отдельное скопление Саялинкай 2а находится на той же высоте, что и Саялинкай 1. Создается впечатление, что все изделия, найденные в скоплении, результат деятельности одного мастера, настолько они похожи друг на друга по типу и технике изготовления (рис. 136). Это — обломки пяти эписвидерских наконечников стрел, две трапеции, удлиненный скребок с плоским лезвием и ретушированный отщеп кремня.

Множество маленьких стоянок данного типа обнаружено на юге Литвы. Среди них Дярежничя 27, расположенная у бывшего озера, где ныне по заболоченному лугу протекает речка. Площадку стоянки когда-то распахивали. Культурный слой ее разрушен, но находки, лежащие в скоплении, относятся к одному периоду. Это — трапециевидный и ланцетовидный наконечники, небольшие плоские скребки, маленький овальный топорик, пирамидальный и неправильный нуклеусы, ретушированные пластины и отщепы.

Можно упомянуть также стоянку Дярежничя 52, расположенную на левом берегу той же речки, на выветренном конце большого голого холма. Поверхность стоянки покрыта мелким камнем. Находок здесь обнаружено много, и все они относятся к одному периоду.

Высотные отметки стоянки несколько выше тех, которые мы только что рассмотрели. Допустимо предположить, что возраст у нее более ранний. Среди находок — ланцетообразный наконечник, верхушка длинного эписвидерского наконечника с ретушью с бруска, вкладыш гарпуна, мелкие скребки, резец, узкие ретушеры, сделанные из отщепов, маленькие топорикообразные орудия, одноплощадочные нуклеусы, отбойники, ретушированные пластины и отщепы.

Множество аналогичных находок поднято и по берегам р. Ула. К сожалению, в старых коллекциях они перемешаны. Разведки последнего времени позволили выделить здесь ряд небольших стоянок с чистым комплексом, среди которых достойна внимания стоянка в Кашетос «Гайджю Сала» — небольшие пески на вершине склона, по краям поросшие деревьями. Расположением стоянка напоминает Дярежничю 52. Находки здесь составляют ланцетовидные наконечники, мелкие удлиненные скребки (иногда вовсе миниатюрные), один угловой резец, а также изделия типа скобелей и топориков. Местные нуклеусы приспособлены к изготовлению вкладышей для гарпунов, но большей частью — короткие и толстые.

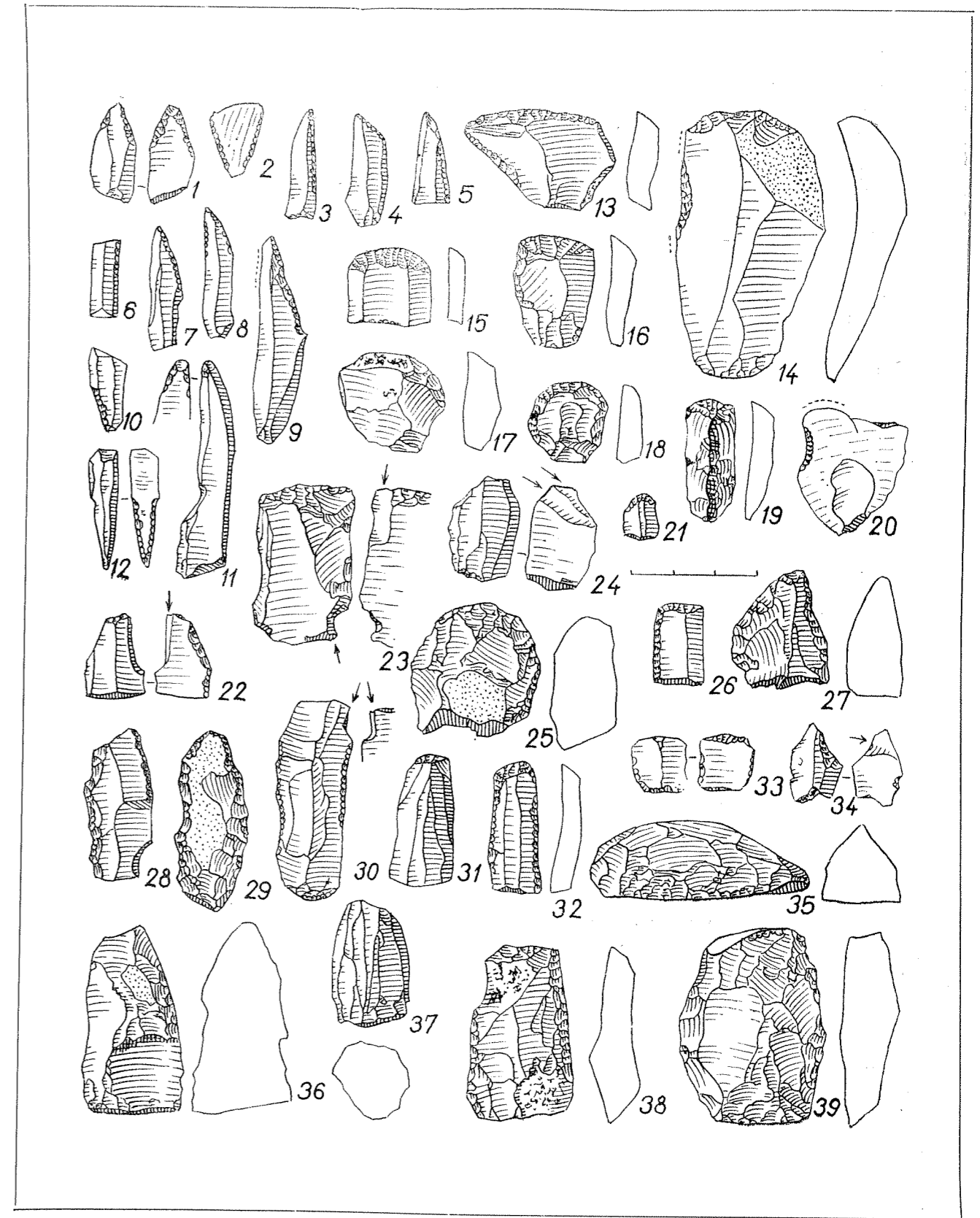

Рис. 134. Орудия стоянки Кампишкес

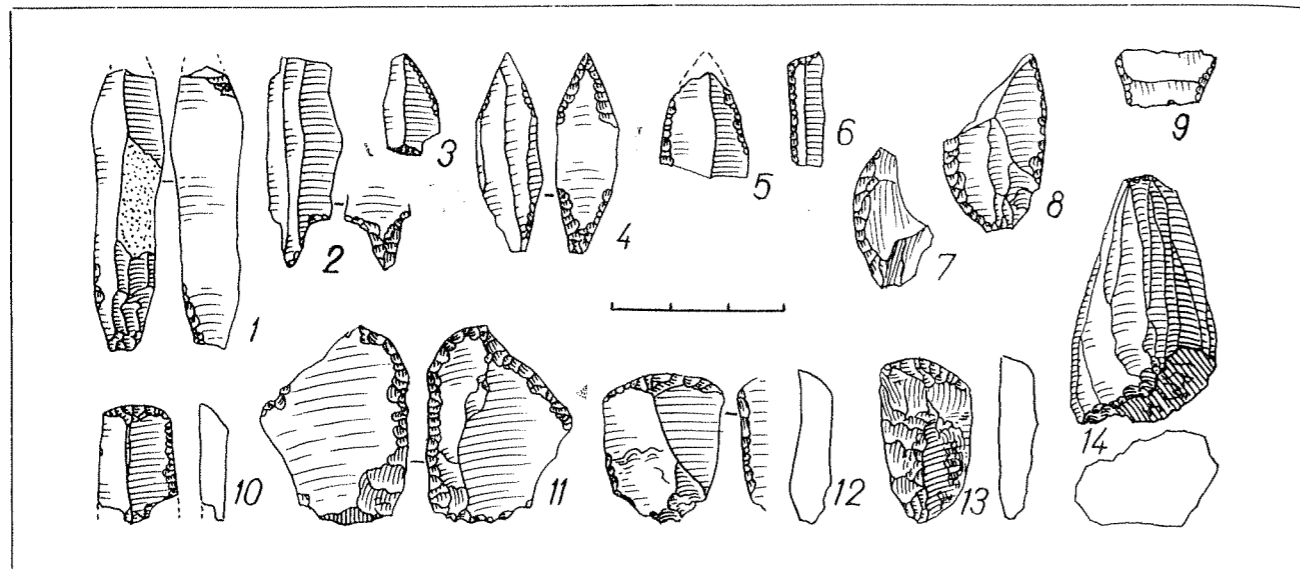

Рис. 135. Орудия стоянки Салаянникай I

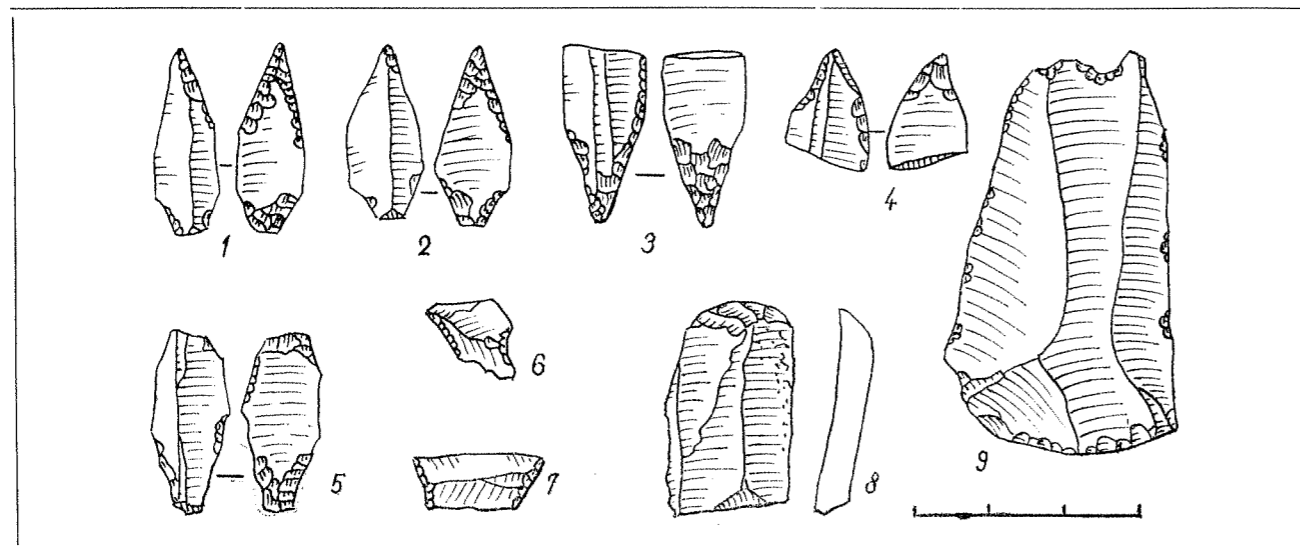

Рис. 136. Орудия скопления Салаянникай 2а

5. ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЗОЛИТА ЛИТВЫ

Изделия микролитно-макролитической культуры очень разнообразны и представлены в инвентаре стоянок численно неодинаково. При этом кремневые изделия могут быть датированы довольно точно, исходя из совокупности обстоятельств: месторасположения, типов и т. д. Костяные и роговые находки — случайные и преимущественно могут быть определены лишь по аналогичным предметам, встречающимся в материалах соседних стран.

Кремневые изделия можно объединить в несколько групп, отличающихся по форме.

Так, почти во всех микролитно-макролитических стоянках имеются наконечники эписвидер-

ского типа, которые, однако, во многом отличаются от свидерских палеолитических и эпипалеолитических. Важным признаком микролитно-макролитической культуры являются наконечники, сделанные из очень прямых пластин с параллельными боковыми гранями; на их поверхности заметны обычно две грани скола, а вершина резко сужена с обеих сторон и часто ретуширована с брюшка или со спинки. В некоторых случаях вершина бывает ретуширована свидерской ретушью только со спинки, а черешок выделен не слишком отчетливо и ре-

туширован со спинки свидерской ретушью по краям. В стоянках первого этапа такие наконечники обычно еще довольно крупные и правильные. Подобные им изделия встречаются и позже, в течение всего мезолита. В стоянках II хронологической группы к ним присоединяется много мелких наконечников, лишь отдаленно напоминающих классические свидерские. В группе стоянок наряду с мелкими правильными, по-свидерски ретушированными наконечниками, появляются изготовленные из пластин, с заостренными концами, у которых обработан узкой ретушью только самый край. Наряду с ними еще встречаются наконечники с ярко выделенным черешком. Они также имеют параллельные боковые грани, симметрично срезанное острие и, как правило, узкий округлый, шилообразный черешок, характерный для эпипалеолитических стоянок. Некоторое число таких наконечников встречается в течение всего мезолита. Кроме того, в стоянках I и II этапа постепенно появляются крупные изделия (наконечники дротиков?), которые еще не имеют строго определенной формы и отличаются друг от друга, но при этом заметно связаны со свидерскими изделиями. Изготовлены они из крупных длинных пластин. В стоянках I этапа некоторые изделия имеют свидерскую ретушь, а также появляются крупные острия, ретушированные только по краям. Кстати, обломки крупных острий мы находим и в стоянках эпипалеолита; они сохраняются при появлении микролитов, но для позднейших мезолитических стоянок, кажется, уже перестают быть характерными. Наиболее ярким образцом такого острия может служить экземпляр из нижнего культурного слоя стоянки Каниюкай I (рис. 119, I).

В течение мезолита форма эписвидерского наконечника мало изменилась; он стал лишь меньше по размеру, а обработка его упростилась. Твердо укоренившись в быту мезолитического наследия на территории Литвы, она стала признаком, отличающим эту область от соседних западных и юго-западных культур. Исследования памятников мезолита в основной области распространения свидерской культуры — Польше — показали, что конец палеолита (или, по крайней мере, конец иольдиевого периода) здесь совпадает с полным исчезновением свидерского наследия¹. В самых ранних польских микролитических стоянках коморницкой группы были обнаружены только так назы-

¹ Сейчас уже не говорят о «свидерско-тарденуазской культуре», как это было еще тридцать-сорок лет назад (Zotz, 1931), поскольку более поздние исследования показали, что термин этот возник необоснованно, только в результате механического смещения в один комплекс инвентаря разных культурных слоев (Schild, Więckowska, 1961).

ваемые «листьевидные» наконечники, и то лишь в Малой Польше. На самом же деле, это просто толстые ланцетообразные наконечники с черешками, по-свидерски ретушированными с оборотной стороны (Kozłowski, S. K., 1965, стр. 40). На этом основании строится предположение, что в мезолите носители свидерской культуры ушли из своей основной первоначальной области, где жили в эпоху палеолита. На окраинах, куда входила и современная территория Литвы, свидерская культура сохранилась дольше, образовав здесь своеобразную эпипалеолитическую группу. Однако, если взять культуру как комплекс, то, вероятно, в анциловом периоде свидерская культура, как таковая, ушла и с окраин. Разница по сравнению с Польшей заключается в том, что на территории Литвы осталась некоторая часть носителей свидерской культуры, которые и внесли свой вклад в формирование местной мезолитической культуры. Таким образом здесь сохранились не только некоторые технические навыки, как это наблюдается в южной Польше, но и отдельные эписвидерские типы изделий.

Кроме наконечников, других свидерских элементов в микролитно-макролитической культуре почти нет, за исключением разве некоторых типов резцов (например, срединных-клинообразных), которые, хотя и изредка, появляются в мезолитических стоянках. Некоторые затруднения представляет определение характера скребков, но ранней микролитно-макролитической культуре чужды те азильские формы скребков, которые в свое время восприняла поздняя свидерская культура. В литовских мезолитических стоянках мы не находим и таких элементов свидерской культуры, как мелкие сверла, топоры с перехватом, нуклеусы. Для свидерской культуры, как известно, характерны двухплощадочные, призматические нуклеусы, замененные позже конусообразными, пирамидальными, лодкообразными. Кроме того, появился дотоле неизвестный карандашевидный нуклеус. Интересно, что те формы изделий микролитно-макролитической культуры, которые имеют связь с палеолитом, близки к прибалтийскому мадлену, однако в мезолите среди них почти нет наконечников, напоминающих мадленские формы. Наконечники, похожие на свидерские, наряду с микролитическими и макролитическими изделиями сохраняются также к востоку и юго-востоку от Литвы (Левенюк, 1966, илл. 2: 1—8; 4: 1—9; Телегин, 1966, илл. 1: 24—28, 57—60; Кольцов, 1966, илл. 2: 2—3).

Микролитические типы изделий представлены, в основном, тремя группами: ланцетами, вкладышами и трапециями.

Ланцеты — это ножевидные пластинки с ретушированным с одного края острием, а иног-

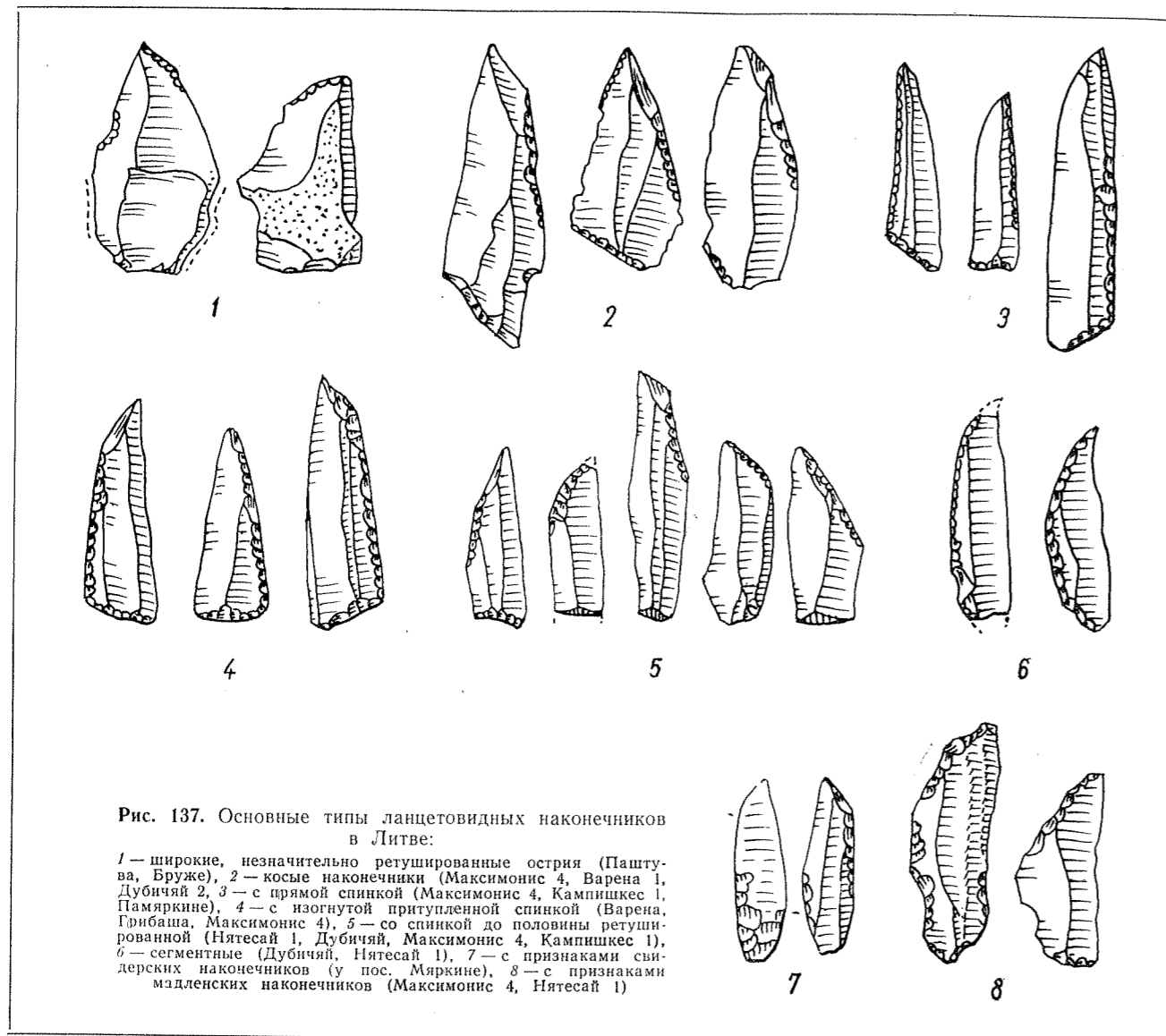

Рис. 137. Основные типы ланцетовидных наконечников в Литве:

1 — широкие, незначительно ретушированные острия (Паштува, Бруже), 2 — косые наконечники (Максимонис 4, Варена 1, Дубичай 2, 3 — с прямой спинкой (Максимонис 4, Кампишкес 1, Памяркане), 4 — с изогнутой притупленной спинкой (Варена, Грибаша, Максимонис 4), 5 — со спинкой до половины ретушированной (Нятесай 1, Дубичай, Максимонис 4, Кампишкес 1), 6 — сегментные (Дубичай, Нятесай 1), 7 — с признаками свидерских наконечников (у пос. Мяркине), 8 — с признаками мадленских наконечников (Максимонис 4, Нятесай 1)

да и основанием. Они могли употребляться как наконечники стрел, а может быть, и как вкладыши (хотя точного доказательства этому нет, но реконструкции подобного рода часто появляются в литературе). Близки к ним обыкновенные ножевидные пластинки с ретушированным острием (рис. 137, 1), обычно встречающиеся как в стоянках I этапа (Паштува, Бруже), так и в стоянках II этапа (изредка), однако на III этапе это уже большая редкость. Данный тип (если это вообще можно считать типом) может быть связан с прибалтийско-мадленскими палеолитическими остриями без геометрических очертаний. Геометрические типы изделий — это уже признак мезолита. Промежуточную между этими двумя типами группу, — ясно выраженную, хотя и малочисленную, — составляют косые наконечники

(рис. 137, 2). Характерно, что часто они имеют сравнительно большие размеры.

Косые наконечники свойственны тоже ранним стоянкам (Максимонис 4, Дубичай 2, Варена 1), хотя в Литве и нет для них прототипов. Ближайшие параллели подобным наконечникам имеются в аренсбургских стоянках западной Прибалтики (Schwantes, 1934, рис. 73, 74). В мезолите косые наконечники часто встречаются в стоянках Ютландии. Некоторые более примитивные их формы встречаются также в культуре Гюдено. В Омсе и в древнейшей культуре прибрежных зон Ютландии эта форма встречается в разных видах. Она известна также в северной Германии, Бельгии, Франции (Mathiassen, 1948, стр. 27), близкие экземпляры находят в Швеции (Niklasson, 1934; рис. 58). Восточной Европе эта форма не свойст-

венна. Ее не знают даже в мезолитических стоянках Польши. Таким образом, следует предполагать, что в Литве эта форма ланцетовидных наконечников появилась вместе с основной волной маглемозской культуры.

Вторую группу ланцетов составляют наконечники с прямой спинкой (рис. 137, 3). Их основание обычно ретушируется. Форма таким образом приближается к треугольнику, лишь острое лезвие несколько выгнуто. Это редкая форма наконечников, но бытует она в стоянках всех трех этапов.

Наконечники с прямой спинкой известны в стоянках западной Прибалтики, но встречаются, повторяем, редко (Mathiassen, 1948, стр. 26). Близкие к ним наконечники (вкладыши?) находят в Польше — в Яниславицкой культуре (Kozłowski, S. K., 1969, рис. I, A₁, C₁), но там они в большинстве имеют основание случайной формы (тип Ставиного).

Третий тип ланцетов — это треугольники с изогнутой, притупленной спинкой (рис. 137, 4), составляющие главный тип ланцетов в стоянках мезолита Литвы. Встречается он, начиная от раннего мезолита и до позднего неолита. Характерной чертой этого наконечника служит то, что верхушка его не ретушируется до конца, а отбивается длинным сколом. Между множеством наконечников данного типа треугольники с ретушью на основании встречаются редко. Основание ретушируется, составляя прямой или тупой угол. Наконечники с ретушью на основе встречаются и в самых ранних мезолитических стоянках и в неолите, а наконечники с тупым углом у основания лишь в древних комплексах.

Эта форма ланцетов свойственна Северной Европе и неизвестна Южной; например, в причерноморских стоянках таких наконечников нет (Формозов, 1959, стр. 79). В западной Прибалтике, так как и в Литве, они встречаются от раннего мезолита и до поздней Эртебелле (Mathiassen, 1948, стр. 26, рис. 82—85). В мезолите Польши они известны как яниславицкие треугольники (Kozłowski, S. K., 1969, рис. 1, Тх, стр. 76).

Близкими к описанной группе являются наконечники, в которых спинка ретушируется лишь отчасти (рис. 137, 5). Эта форма встречается в Литве в стоянках всех периодов. Она известна в западной Прибалтике, в Польше и на Украине (Телегин, 1966, рис. 1, 51—56).

К группе ланцетов в Литве следует причислить и редко встречающиеся сегменты. Часто они изготавливаются из отщепов и выглядят скорее как случайные формы, чем типичные (рис. 137, 6). Сегменты известны в Литве лишь в стоянках позднего мезолита, начиная с максимума литориновой трансгрессии (в пос. Мяркине и в Нятесай). В западной Прибалти-

ке сегменты тоже редкость, но там они появляются уже с начала мезолита (Mathiassen, 1948, стр. 26). Много сегментов в причерноморских стоянках. Малочисленность литовских наконечников этого типа и случайный характер их форм не позволяют пока делать какие-либо выводы насчет их происхождения.

Редко встречаются и такие ланцеты, в форме которых видны некоторые черты, унаследованные от палеолита. Речь идет о наконечниках со следами свидерской ретуши на брюшке (рис. 137, 7). Это местная форма ланцетов, встречающаяся даже в стоянках максимума литориновой трансгрессии (у пос. Мяркине и в Нятесай). Близки к наследию мадленских наконечников и ланцеты с суженным черешком. Но происхождение их следует искать за пределами Литвы. Например, ланцет, близкий наконечнику из стоянки Максимонис 4, найден в Клостерлунде (Brønsted, 1938, рис. 15).

Типичными для этой культурной группы являются вкладыши — небольшие разнообразные изделия из ножевидных пластин. Вкладыши для гарпунов не были известны в Литве ни в палеолите, ни в эпипалеолите. В микролитомакролитической культуре они встречаются на протяжении всего периода и переходят затем, несколько измененные, в неолит. Это — прямые узкие пластиночки. Нет смысла разбивать их по типам, так как они повторяются всюду в течение всего мезолита. Ширина их всего несколько миллиметров. Ретушированы они вдоль одного конца, который вставлялся в вырезанные пазы роговых наконечников (гарпунов?) и укреплялся при помощи смолы.

Вкладыши встречаются двух видов. Те из них, которые предназначались для боков гарпуна, имеют вертикально обломанные и тщательно отретушированные концы. Другие, предназначенные для жала, заострены. Вкладышей среди находок сравнительно немного, так как они терялись вместе с гарпуном во время ловли рыбы (охоты?). В стоянках вкладыши обнаруживаются небольшими кучками, по-видимому, на тех местах, где лежали гарпуны. Такие скопления вкладышей найдены, например, в стоянках Паштува и Каниюкай.

Наряду с узкими вкладышами надо отметить широкие пластины, ретушированные по краям, а иногда и по вертикально обломанному концу. Возможно, они вставлялись в роговое или деревянное орудие (в качестве наконечника или ножа?). Крупные пластины характерны только для ранних стоянок микролитомакролитической культуры (Паштува, Вирбалунай, Бруже). Значительно меньше их в стоянках II периода и очень мало в позднейших.

Вкладышевая техника — это мезолитический прием изготовления орудий труда, рас-

пространенный в то время по всей Европе и во всех культурных группах.

В Юго-Восточной Европе вкладышевая техника известна уже со времен позднего палеолита, но всеобщее признание она получила только в мезолите. В Средней Европе эта техника была известна в конце палеолита в культурной группе «Федермессер» (Tautz, 1963, карта 2). В юго-западной Прибалтике, в таких стоянках раннего мезолита, как Клостерлунд, вкладышей для гарпунов еще не было. Они не встречаются и в ранней фазе маглемозе Датских островов, хотя на более позднем этапе ее развития, а также в культуре Гюдено их количество сильно возрастает (Brønsted, 1938, стр. 82; Mathiassen, 1948, стр. 16, 26). В Литве наблюдается аналогичное явление. В ранних маглемозских стоянках нет ни вкладышей для гарпунов, ни карандашевидных нуклеусов, служивших для изготовления вкладышей. Они как-то сразу в значительном количестве появляются только в микролито-макролитической культуре.

В южной части территории Советского Союза вкладыши встречаются в течение всего мезолита на Украине (Телегин, 1966, стр. 99—107, рис. 1—4, 16) и в Волго-Окском междуречьи (Кольцов, 1966).

Хотя единая вкладышевая техника была широко распространена и в Восточной, и в Западной Европе, сама форма вкладышей неодинакова. В Западной Европе они обычно более широкие и, если ретушированы, то лишь на концах. В Волго-Окском междуречьи вкладыши часто имеют ретушь и на концах, и на спинке. Такие же изделия встречаются и к югу от Литвы, откуда, по всей вероятности, они и были заимствованы общинами, населявшими Литву, поскольку в Польше таких изделий нет.

Одним из главных типов мезолитических изделий является трапеция. По всему западному, южному и восточному побережью Балтики она появляется не в самом начале мезолита, а лишь с определенного времени. В наиболее ранних микролито-макролитических стоянках Литвы — Паштуве, Бруже, Вирбалунай — трапеций нет. Правда, в Паштуве было найдено изделие, похожее (несомненно, случайно) на трапецию (рис. 112, 27), но довольно толстое, с тупой поперечной гранью, отчасти близкое трапеции из стоянки Драсейкяй (рис. 95, 13). Единичные трапеции встречаются в некоторых стоянках, трудно поддающихся датировке. Однако крупные размеры изделий, немногочисленность микролитов и месторасположение стоянок на пойме или прибрежном крае I надпойменной террасы вынуждает относить их скорее к стоянкам типа Паштува, чем к группе Лампеджяй, т. е. к периоду, предшествовавшему атлантической трансгрессии.

В стоянках периода трансгрессии трапеции, как уже говорилось, встречаются тоже довольно редко. В Раудондварисе и Каниюкай I их не оказалось вообще (может быть, случайно?). На стоянке За у пос. Мяркине среди множества изделий обнаружены два маленьких поперечных наконечника: один широкий, другой продолговатый и узкий.

Поперечный трапециевидный наконечник был широко распространен в Европе. В Крыму трапеция появляется в первой половине мезолита (Воеводский, 1950, стр. 110—118; Формозов, 1954, стр. 39—42; 1959, стр. 71), на Украине — в позднем мезолите (Телегин, 1966). Во французском и бельгийском гарденуазе трапеция встречается на второй фазе этой культуры, когда начинают исчезать ланцетовидные наконечники. На территории современной Польши поперечные наконечники датируются путем сравнения со стоянками Северной Европы; их относят к атлантическому периоду (Kozłowski, S. K., 1965, стр. 35—38; 1969, стр. 445—447). Трапециевидный наконечник известен в культуре маглемозе Датских островов; в ранних стоянках Клостерлунда или Стар Карр¹ их нет. Появляются они здесь только в стоянках атлантического периода (Mathiassen, 1948, стр. 27—28).

Итак, на южном и западном побережье Балтийского моря трапециевидный наконечник появляется постепенно. Отсюда можно заключить, что микролиты не были принесены в Восточную Прибалтику в результате проникновения сюда какой-то определенной культуры в определенное время. Они распространялись здесь медленно, как общеевропейская форма кремневых изделий, как своеобразная мода времени, притом — в несколько приемов. В конце мезолита на юго-западном побережье Балтийского моря трапеция уже приобрела узкую, высокую форму (до Литвы она не дошла). Наиболее близкие параллели трапециям, обнаруженным в Литве, имеются в Польше. Таким образом, происхождение трапеции в Литве можно отнести к влияниям Юга или Юго-Запада.

Прежде чем перейти к третьей основной части микролито-макролитической культуры — макролитам, следовало бы несколько остановиться на общераспространенных типах — скребке и резце.

Скребки составляют значительную часть инвентаря микролито-макролитической культу-

¹ В литературе часто упоминается обнаружение древнейших трапеций в стоянке Свердборг, относящейся к раннему бореалу (Brønsted, 1938, стр. 52—56). Но это не трапеции, а лишь продолговатые вкладыши с ретушированными концами, напоминающие трапеции. К группе поперечных наконечников они не принадлежат, а потому и не имеют хронологического значения.

ры. В стоянках I группы преобладают скребки крупные, широкие, удлиненные или короткие. Размеры их являются одним из характернейших критериев при распределении микролито-макролитических стоянок по хронологическим группам. В стоянках II этапа крупных скребков уже почти нет. В Раудондварисе, например, их найдено всего два экземпляра (один удлиненный, другой короткий). В Нятесай — несколько штук. В Каниюкай и у пос. Мяркине За преобладают мелкие скребки, иногда узкие и удлиненные, а порой и почти округлые. Характерна их форма: слабо выгнутое лезвие и несколько суженное основание; сделаны скребки из нижней части пластины.

В стоянках III этапа крупные скребки почти исчезают. Встречаются лишь единичные крупные экземпляры, как, например, в Кампишкес, но всю массу скребков составляют мелкие изделия, правильные, обычно изготовленные из оснований пластинок. В известных случаях скребки заменяются орудиями специального назначения. В ранних стоянках это простые отщепы, частично обработанные ретушью, характерной для лезвия скребков.

Очень редко скребки приобретают более или менее правильную форму. В большом числе такие изделия имеются в стоянках II этапа. Здесь иногда они бывают ретушированными вокруг, с выступами или выемками; подобные формы сохраняются долго.

Если скребки являются общераспространенными во всех культурах, то так называемые изделия специального назначения (или атипичные скребки) появляются в более ограниченном ареале. Они не свойственны Западной Европе, встречаются больше на востоке, начиная с Польши.

То же самое относится и к основным типам резцов. Они характерны для микролито-макролитической культуры и встречаются большей частью в Восточной Европе.

Для микролито-макролитической культуры характерны два типа резцов: угловой и резец-скобель. Появившись в самом начале существования этой культуры, они существуют в течение всего мезолита, переходя в неолит. Прочие формы резцов встречаются лишь случайно.

В разных стоянках резцы изготовлялись из крупных толстых отщепов с помощью скалывания одного угла. Верхняя грань иногда ретушировалась и резец использовался как скребло. Резцы второго типа изготовлялись путем сколов обоих противоположных углов и ретуширования середины, в результате чего рождалось подобие скребла с вогнутым лезвием. В стоянках II этапа такие орудия стали изготовляться из пластины. Здесь же существо-

вали угловые резцы или резцы-скребла, сделанные из пластины или отщепов.

Устойчивым компонентом микролито-макролитической культуры являются крупные кремневые изделия. В первую очередь это овальные топорики, встречающиеся на всех этапах существования данной культуры, и часто в большом количестве. В неолите их заменяют шлифованные топоры.

Овальные топорики имели разнообразные формы. Отчасти это объясняется тем, что во время употребления лезвие быстро теряло остроту и его заново заостряли. Часть топориков имела лезвие на узком конце (как и более поздние шлифованные топорики). Топорики заострялись путем поперечного скалывания толстой пластинки. Встречаются также овальные топорики с обоими сколотыми концами.

Овальные топорики сохраняли указанные черты в течение всего мезолита. Часть из них происходит от уплощенного нуклеуса. Подобных топориков переходного типа еще очень много в эппалеолитической стоянке Памяркине. От передней части этих топориков сколоты продольные пластины, с боков — короткие отщепы. Кроме того, бока ретушированы; на конце — суженные (рис. 138, 7). С оборотной стороны обычно скалывались отщепы. Вертикальный конец одного топорика покрыт коркой, с бокового края — ретушью. Возможно, это незаконченное изделие, а может быть, для работы использовались лишь боковые края. У одних топориков оба конца сколоты, как у нуклеусов, у других — один. Из 15 топориков, найденных в Памяркине, лишь один имеет округлое ретушированное лезвие.

Больше всего овальных топориков, и притом самых правильных, обнаружено в стоянках II этапа, находящихся на высоких речных террасах, например, у поселка Мяркине За. Одни из найденных там топориков трудно отличить от нуклеуса, другие имеют законченные формы. В этой же стоянке имеются топорики, у которых ясно видны обе боковые плоскости уплощенного нуклеуса (рис. 138, 5). Интересным переходным типом можно считать экземпляр, у которого одна сторона тщательно покрыта плоской ретушью, а на спинке видны две косые площадки нуклеусов. Этот экземпляр интересен и тем, что узкий конец его покрыт коркой.

Найденные у Мяркине За топорики достигают 7,6 см в длину и 4,5 см в ширину, однако имеются и более мелкие, форма которых далеко не совершенна. Многие из топориков обработаны с лицевой стороны при помощи скалывания продольных пластины. Здесь же обнаружены изделия с ретушированными концами (рис. 127, 12). Конец одного топорика, а также узкая полоска, идущая по всей его спинке,

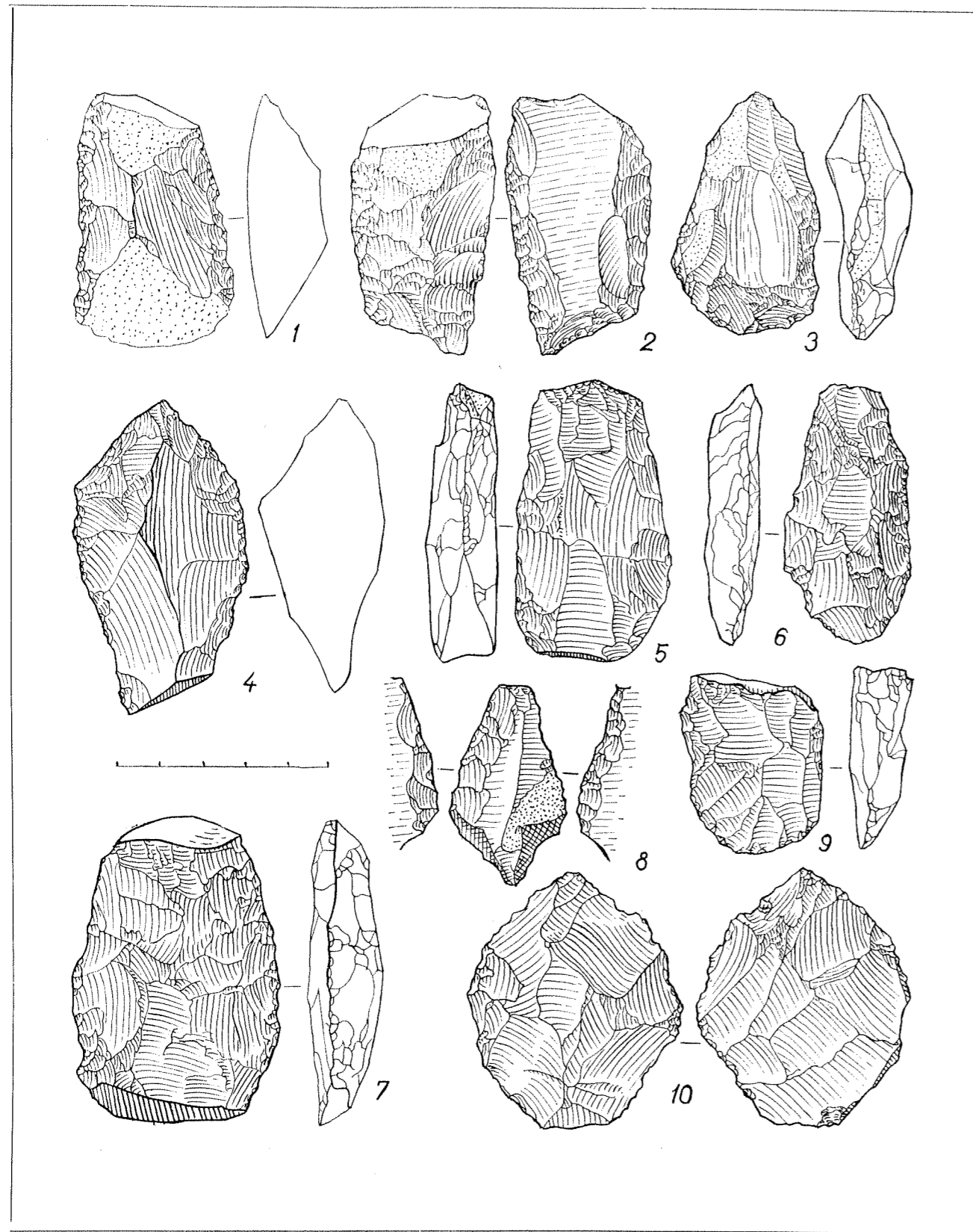

Рис. 138. Овальные топорики и клинья:

1 — межозерная стоянка у оз. Глинас; 3, 8, 10 — Максимонис I; 2, 4, 5, 7 — у пос. Мяркине За; 6 — Йонёнис, 9 — Памяркине

покрыты коркой (рис. 127, 11). Обратная сторона обработана плоскими сколами. У второго топорика оба конца ретушированы, а на его узком конце видны явные признаки употребления. Несколько таких же овальных топориков обнаружено в стоянке Канокай (рис. 120, 36, 37); все они — с отрубленными концами.

Очень много различных топориков, относящихся к мезолитическому комплексу, найдено в стоянке Максимонис I. Большинство их со сколотыми концами. Многие близки к нуклеусам. Один напоминает нуклеус из стоянки Глинас — с явными негативами пластины на поверхности, — с других сколоты отщепы. У одних топориков концы обрублены вертикально, у других — косо. Обнаружены также топорики с ретушированными лезвиями (рис. 138, 3), плоской формы (рис. 138, 10), обработанные при помощи скалывания довольно глубоких отщепов. Один конец топорика заострен; возможно, что процесс его изготовления не был завершен. Топорики, имеющие ретушированные концы, напоминают древние палеолитические — на округлом лезвии видна ретушь и следы работы. У одного короткого изделия (рис. 138, 9), сделанного из беловатого кремня, четко видны лезвия. Один конец изделия круто сколот и слегка ретуширован; боковые края почти лишены ретуши, лезвие округлое. Серия аналогичных топориков находилась в среднем слое стоянки Нятесай I (рис. 125) и в других стоянках II этапа.

Указанная форма топориков сохранилась и в стоянках III этапа, только здесь они приобрели несколько меньшие размеры. Встречаются топорики, обрубленные с обоих концов, как в Кампишкес (рис. 134, 39), или с коротким, округло ретушированным лезвием, как в Лампеджый (рис. 132, 42). Эту группу дополняет серия топориков Йонёниса (Варенский р-н), где они составляют значительно меньший процент изделий, чем это было в стоянках II этапа. Многие топорики продолжают оставаться похожими на нуклеусы; боковые края их ретушированы, концы обрублены; встречаются изделия и с округлым лезвием. Один экземпляр (рис. 138, 6) сколот со всех сторон, но ретуширован частично только с краев.

Особенно тщательно обработанный овальный топорик (рис. 139) найден в стоянке Книзлаукис (Укмяргский р-н), на острове р. Швянтойн. В Историко-этнографическом музее Литовской ССР хранятся топорики из старых собраний В. Шукевича, долгое время считавшиеся образцами «кампинийской» культуры, якобы существовавшей в Литве. Говоря о них, обычно упоминают 4 стоянки или, вернее, группу стоянок — Кашетос, Рудня, Грибаша и Маргяй (Antoniewicz, Wl., 1935, стр. 44—45).

Фактически же топорики Шукевича относятся ко всем трем хронологическим группам микролитно-макролитических стоянок. Это топорики со сколотыми и ретушированными, иногда с несколькими суженными округлыми лезвиями. Очень похожие экземпляры имеются и в раннем неолите — с частичной пришлифовкой лезвия. В позднем неолите встречаются подобные заготовки для топориков, еще не отшлифованные, с угловатыми лезвиями.

Вторым типом крупных мезолитических орудий в Литве являлся клин. От овальных топориков он отличается тем, что изготовлялся не из нуклеусов или нуклеусовидных кусков кремня, а из кремневых пластин. Поэтому, в отличие от топориков, их обратная сторона обычно бывает не обтесана, а сколота одним ударом. В то же время со спинки образуется крышеобразный бугорок, который обтесывается и ретушируется. Нередко на лицевой стороне оставлялась узкая полоса кремневой корки. Изделия подобного типа встречались уже в некоторых эпипалеолитических стоянках, а затем в стоянках конца палеолита, таких, как, например, Эжяринас или Глинас (рис. 138, 1), где был обнаружен клин, ретушированный по бокам только с лицевой стороны и с треугольниками кремневой корки на концах. В продольном и поперечном сечении клин представляет треугольник. Похожий клин был найден и в Бруже — стоянке первой микролитно-макролитической группы (рис. 114, 13). В отличие от предыдущего он не имеет на поверхности корки. В Памяркине найдены такие клинья, у которых один конец напоминает нуклеус, а второй сколот одним ударом; остался лишь кусок с коркой. В стоянке Памяркине найдены также клинья с ретушированной обратной стороной. Лишь один из них имел сплошь обтесанную обратную сторону; большинство же составляли такие, у которых одно ребро ретушировано сверху, другое — снизу. Эти изделия часто бывают похожи на треугольник. В стоянках второй группы их мало. В Нятесай I обнаружен клин, очень напоминающий находку из межозерной стоянки Глинас; обратная сторона его чуть-чуть выровнена; на противоположной имеется полоса корки; бока в обеих сторонах косо сколоты и ретушированы.

Мало клинообразных изделий и в стоянке у пос. Мяркине За. Их боковые грани тоже круто ретушированы, а концы уплощены. Однако некоторые из изделий близки к овальным топорикам. Одна из находок (рис. 138, 2) сверху обработана как клин, обратная ее сторона плоско ретуширована, узкий конец скошен и ретуширован. Там же найден и второй клин, но не такой правильной формы.

К мезолитическому комплексу следует отнести серию аналогичных клиньев из стоянки

Максимонис I. Среди них — экземпляр с плоской коркой на спинке. У некоторых проступают признаки нуклеусов. Большинство клиньев из Максимонис I принадлежит к ранним типам, хотя встречаются экземпляры и с выровненной оборотной стороной.

В стоянках третьего этапа клинья в большинстве не имеют четкого характера и приближаются к топорикам. В небольших стоянках их мало. Наиболее крупная серия была обнаружена на стоянке Ионёнис, в том числе два узких продолговатых клина, плоские с брюшка. К концу они уплощены, а в поперечном сечении представляют треугольник. Имеются экземпляры, обитые только с лицевой стороны, а также обработанные с обеих сторон. Одна из находок похожа на широкую трапецию.

В целом зона распространения мезолитических топориков и клиньев совпадает с зоной находок культуры маглемозе. Начиная от Британии, через Ютландию с ее островами, северную Германию с Шлезвиг-Гольштейном и Мекленбургом топорики идут дальше к востоку — в Саксонию, Силезию, остров Рюген, Померанию. Известны они и в Калининградской области, но вот в центральной Польше их нет (Kozłowski, S. K., 1967, стр. 22). Еще дальше, к востоку от Литвы, мезолитические овальные топорики встречаются только в Западной Белоруссии и в Припятской низменности. К югу от упомянутых областей вместе с микролитами их не находят, за исключением некоторых Донецких стоянок (Телегин, 1959, стр. 160—162, рис. 1), где их, вероятно, следовало бы связать с некоторыми пережитками влияния из области распространения свидерской культуры. В Донецких стоянках они встречаются вместе с эписвидерскими наконечниками стрел, а форма их близка к свидерским топорикам с перехватом. Видимо, южные области получили свою микролитическую культуру не с запада, а с территорий, лежащих еще дальше к югу.

Микролитно-макролитическая культура характерна, как таковая, только для южной Прибалтики. Овальные топорики и другие макролиты, которых в свое время пытались причислить к мнимой «кампинийской» культуре, оказались неолитическими (Гурина, 1962, стр. 24—28).

В Литве овальные топорики появляются в самом начале мезолита. Разумеется, этим мы еще не отвечаем на вопросы: откуда овальный топорик появился в таких эппалеолитических стоянках, как Дубичяй 2 или Памяркине; являются ли эти стоянки более ранними или более поздними, чем Максимонис 4; чем объяснить появление топорика — влиянием маглемозской культуры или наследием позднего палеолита (из таких комплексов как Эжяри-

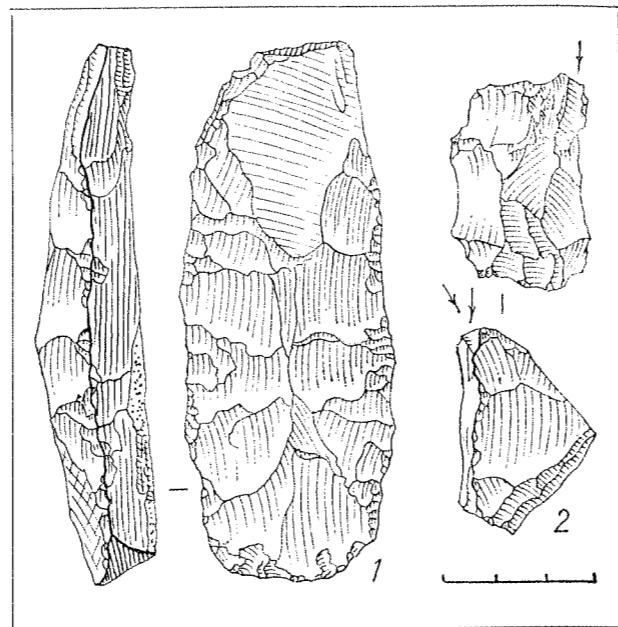

Рис. 139. Орудия стоянки Кизлаукис

нас)? Пока что эти вопросы остаются открытыми, поскольку и в западной Прибалтике овальный топорик не является изобретением маглемозской культуры.

Топоры были найдены уже в раннемезолитической стоянке Пиннберг, которую следовало бы отнести к прибалтийскому мадлену (группа Бромме-Льонгбю). Поэтому в типологическом отношении топоры считаются как бы границей между палеолитом (в аренсбургских стоянках их еще нет) и мезолитом (Schwabedissen, 1951, стр. 161—164). Наиболее ранний топор, известный в Дании, идентичен тем, которые мы находим в литовских маглемозских стоянках. Он чаще всего имеет обрубленное лезвие и в поперечном сечении представляет неправильную линзу, прямоугольник или ромб. В юго-западной части Балтийского побережья такие топоры встречаются во всех культурных группах, но в особенности в более древних (Маглемозе, Гюдено, Эртебелле). Только на последних стоянках культуры Эртебелле лезвия этих топориков начинают ретушировать. В позднейших стадиях неолита там, как и в Литве, они встречаются только изредка, и то видоизмененные (Mathiassen, 1948, стр. 22—25).

В области распространения свидерской культуры топоры известны с палеолита, причем в двух формах — овальные и с перехватом. Топоры с перехватом в Литве исчезают еще в палеолите. Но уцелел ли овальный топорик в эппалеолитической культуре, пока мы не можем ответить. Как уже отмечалось, в Польше мезолитических овальных топориков почти нет, но с палеолитом там исчезают и свидерские наконечники, а в Литве они сохраняются.

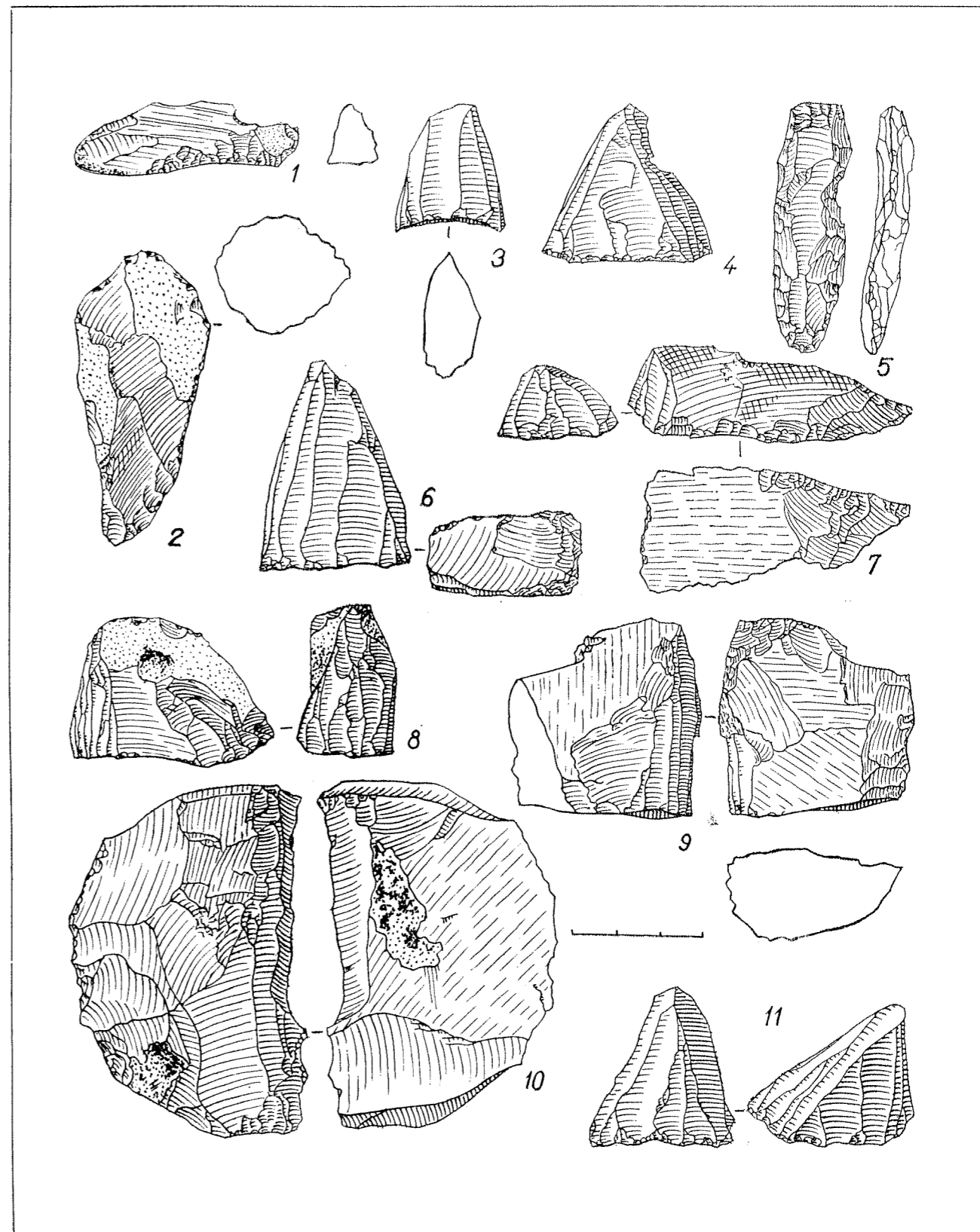

Рис. 140. Ретушеры и нуклеусы:

1, 4, 11 — Ионёнис; 2, 3, 6, 7, 9, 10 — Максимонис I; 5 — Поцонай; 8 — у пос. Мяркине За

Таким образом, теоретически мог уцелеть в Литве и свидерский топорик. Не исключая возможности, что некоторые топорики могли быть унаследованы от палеолита через эппалеолитическую культуру, тем не менее большинство их, пожалуй, следует связывать с маглемозской культурой, так как распространены они в узкой приморской полосе и на островах, т. е. по пути движения маглемозской культуры.

Среди других изделий этой группы для микролитно-макролитической культуры очень характерен тонкий ретушер (рис. 140, 1) — продолговатый, в сечении в виде высокого треугольника, с плоским основанием и ретушью по бокам; конец его обычно округлый и сильно сносенный. Такой ретушер появляется только в стоянках микролитно-макролитической культуры, сохраняется на всем ее протяжении и в большом количестве встречается затем в раннем неолите. Для I группы стоянок характерны тонкие ретушеры из Паштувы. В разрезе они тоже имеют вид высокого треугольника; концы сработаны. Довольно широкий ретушер, обнаруженный в Няманюнай (Пренайский р-н), от работы сильно сносен со всех сторон.

Количество ретушеров (так же, как и других крупных изделий) сильно увеличивается в стоянках II этапа. Такие ретушеры обнаружены, в частности, в стоянке у пос. Мяркине За. Основание у них чаще всего бывает плоско сколотым, иногда ретушированным. Выделяются по своей форме изделия, изготовленные из толстого отщепы, довольно широкого, суженного только у острия. По общему виду они напоминают наконечник (рис. 127, 10), но конец мнимого черешка довольно толст, ретуширован и изношен. Некоторые из ретушеров, по-видимому, сделаны из карандашевидных нуклеусов (по всей длине идут негативы от снятых пластин).

Ретушеры данного типа обнаружены и в мезолитическом комплексе стоянки Максимонис I. Чаще всего их основание плоское, однако встречаются ретушеры и ромбовидного сечения. У некоторых один бок бывает ретуширован, а второй явно указывает на то, что ретушер сделан из нуклеуса. Встречаются изделия плоской формы (рис. 140, 5). Следует упомянуть еще несколько орудий труда, близких к ретушерам, хотя они и редко встречаются в мезолитических стоянках. Это изделия, суженные только у вершины и довольно толстые на противоположном конце, напоминающие орудия типа «пик». К подобным изделиям относится экземпляр, найденный в стоянке Поцюнай (рис. 140, 2); на нем во многих местах остались следы от нажимов.

К тонким ретушерам и лодкообразным нуклеусам очень близки своеобразные и редкие орудия треугольной формы, представляющие и

в разрезе тоже треугольник (рис. 140, 7). Три таких орудия обнаружены в стоянке Максимонис I, что является свидетельством принадлежности их ко второму этапу микролитно-макролитической культуры. Изделия имеют вид составленных из четырех треугольников. Их основание бывает несколько выровненным. Два подобных изделия известны еще в Памяркине. Одно правильное, довольно высокое, с несколько выгнутой передней частью; на спинке имеется немного корки. Второе изделие короче и не такой правильной формы.

Далее следует остановиться на нуклеусах, хотя они и не относятся к изделиям. Нуклеусы располагают характерной формой и зачастую хорошо определяют принадлежность стоянки к той или другой культуре.

Двухплощадочные нуклеусы не характерны для микролитно-макролитической культуры. Иногда они (плоские) использовались только в качестве заготовок для овальных топориков, что отчетливо видно в стоянке Каниюкай I (рис. 120, 38). Микролитно-макролитической культуре свойственны конусообразные и пирамидальные нуклеусы различных форм. Начиная со стоянок I этапа встречаются нуклеусы, использовавшиеся для изготовления широких пластин и узких вкладышей для гарпунов.

Длинные широкие пластины скальвались с высоких, длинных, одноплощадочных, конусообразных нуклеусов. Такие нуклеусы встречаются в стоянках всех трех групп. Часть подобного нуклеуса найдена в Паштуве (рис. 112, 35), часть — в Максимонисе (рис. 141, 1). Пластины, сколотые с них, очень прямые, площадка нуклеуса — овальная, горизонтальная, выровненная путем скальвания. Аналогичный нуклеус обнаружен в Зависишке (Зарасайский р-н) (рис. 141, 2). В длину он имеет 15 см, негативы его пластин прямые, ровные, и только одна пластина сбоку имела выщербину, образовавшую значительную выемку. Площадка, как и у нуклеуса из Максимонис I, чисто выровнена путем скальвания, а края сильно отжаты (быть может, нуклеус позже употреблялся как отбойник). В свое время этот нуклеус попал в недостаточно точно паспортизированные коллекции Музея древностей, и поэтому мы точно не знаем, какому именно комплексу он принадлежит. Судя по ширине и крупным размерам пластин, можно предполагать, что музейный нуклеус был поднят в одной из стоянок первого этапа (Tyszkiewicz, 1850, илл. IV: 5).

Примеры нуклеусов, найденных в стоянках III этапа, можно найти в инвентаре Йонёнис. Они несколько напоминают пирамидальные нуклеусы, только значительно длиннее их. Площадки выровнены путем скальвания довольно плоских отщепов, но сами нуклеусы не очень

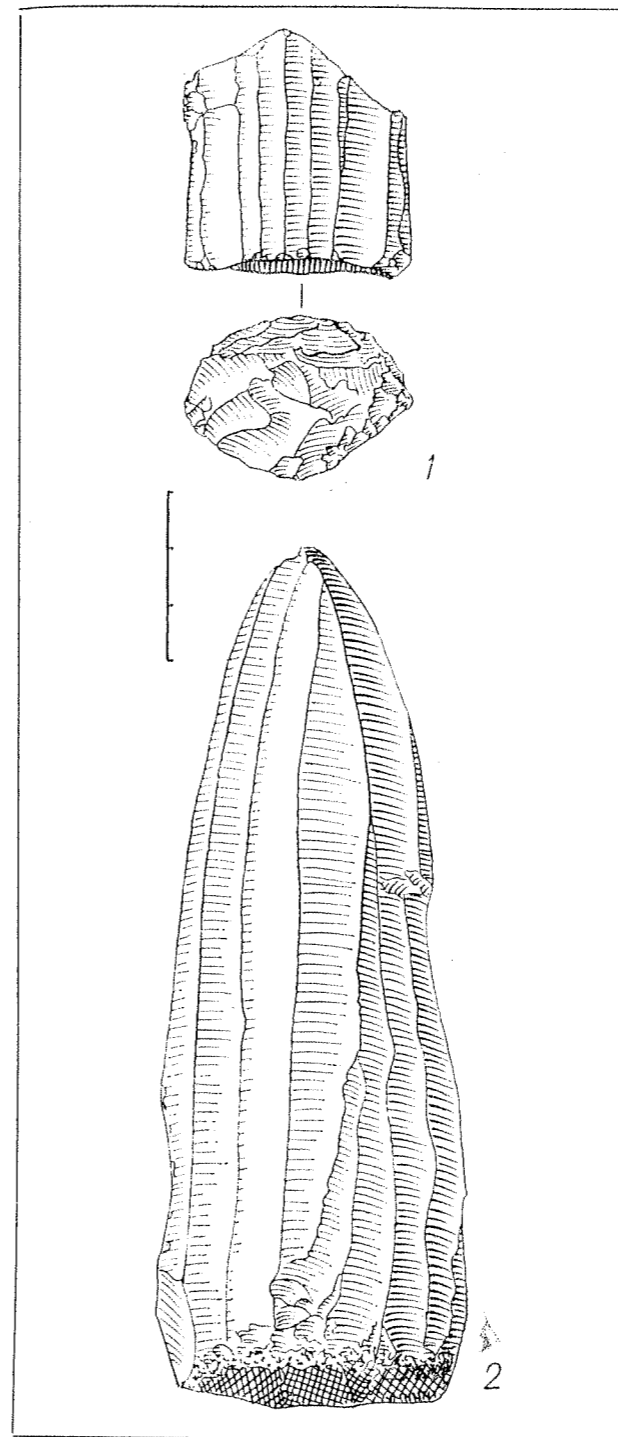

Рис. 141. Крупные нуклеусы стоянок Максимонис I (1) и Зависишке (2)

правильные, а пластины, сколотые с них, не совсем прямые.

На протяжении всей микролитно-макролитической культуры встречаются очень красивые карандашевидные нуклеусы, с которых скальвали вкладыши для гарпунов. Во всех стоян-

ках они тождественны и уже поэтому могут служить одним из характерных признаков данной культуры. При изготовлении вкладышей для гарпунов использовались также лодкообразные нуклеусы, которые позже, судя по оставленным на краях следам работы, служили высокими скребками. Площадки их овальные; узкие прямые пластиночки скальвались только с узкого конца. Наибольшее количество таких нуклеусов обнаружено в стоянках II этапа, таких, как у пос. Мяркине За (рис. 140, 8), Максимонис I (рис. 140, 9), Памяркине, Йонёнис.

Для того, чтобы получить короткие, широкие пластины, обитатели стоянок пользовались пирамидальными нуклеусами с более или менее правильной четырехугольной площадкой. Самые совершенные экземпляры таких нуклеусов мы находим в стоянках II хронологической группы, например, в Максимонис I (рис. 140, б). Очень характерные экземпляры имеются и в стоянках III этапа, например, в Йонёнис (рис. 140, 4, 11).

Роговые и костяные мезолитические изделия, найденные в Литве (рис. 142), пока не поддаются распределению по выделенным нами трем хронологическим этапам микролитно-макролитической культуры. Только в очень редких случаях можно проследить некоторую их связь с кремневыми изделиями, которые датируются лучше. В частности, одним из изделий, уверенно отнесенных (по кремневым деталям) к микролитно-макролитической культуре, является гарпун со вставленными по бокам вкладышами. Вкладыши ретушированы по краям или по вертикально обрубленным концам. На вершине использован заостренный вкладыш. В Литве пока что известно 7 экземпляров таких гарпунов: три с вкладышами с обеих сторон и четыре — с одной.

Двухрядный гарпун был найден в Будвечай¹ (Капсуковский р-н) (Grewingk, 1865, стр. 55; 1882, стр. 42—3, табл. III: 33; Puzinas, 1935^a, стр. 285, илл. 5; Antopiewicz, Wl., 1935, стр. 43, табл. X: 5), в торфянике на глубине около 1,5 м, под торфом, на мелком песке. Вершина его (рис. 142, 5) тонкая, острая, черешок — толще и более тугой; одна сторона гарпуна плоская, другая — выгнутая. Пазы, служившие для укрепления пластинок, имеют ширину и глубину около 2 мм, пластинки — 6 мм в ширину

¹ В старой литературе эта находка часто имеет неверный паспорт — «Potwjesse» к югу от Марьямполье (ныне г. Капсукас). Вероятно, именно этот гарпун упоминает также Л. Козловский (Kozłowski, L., 1924, табл. I: 10 а, б, с), указывая местом его обнаружения окрестности г. Вилкавишкиса. Предположение Козловского повторяет А. Спицын (Спицын, 1925, стр. 115). З. Глогер пишет о месте обнаружения гарпуна: «над Немем» (Gloger, 1903, стр. 36). В настоящее время гарпун хранится в Краковском музее.

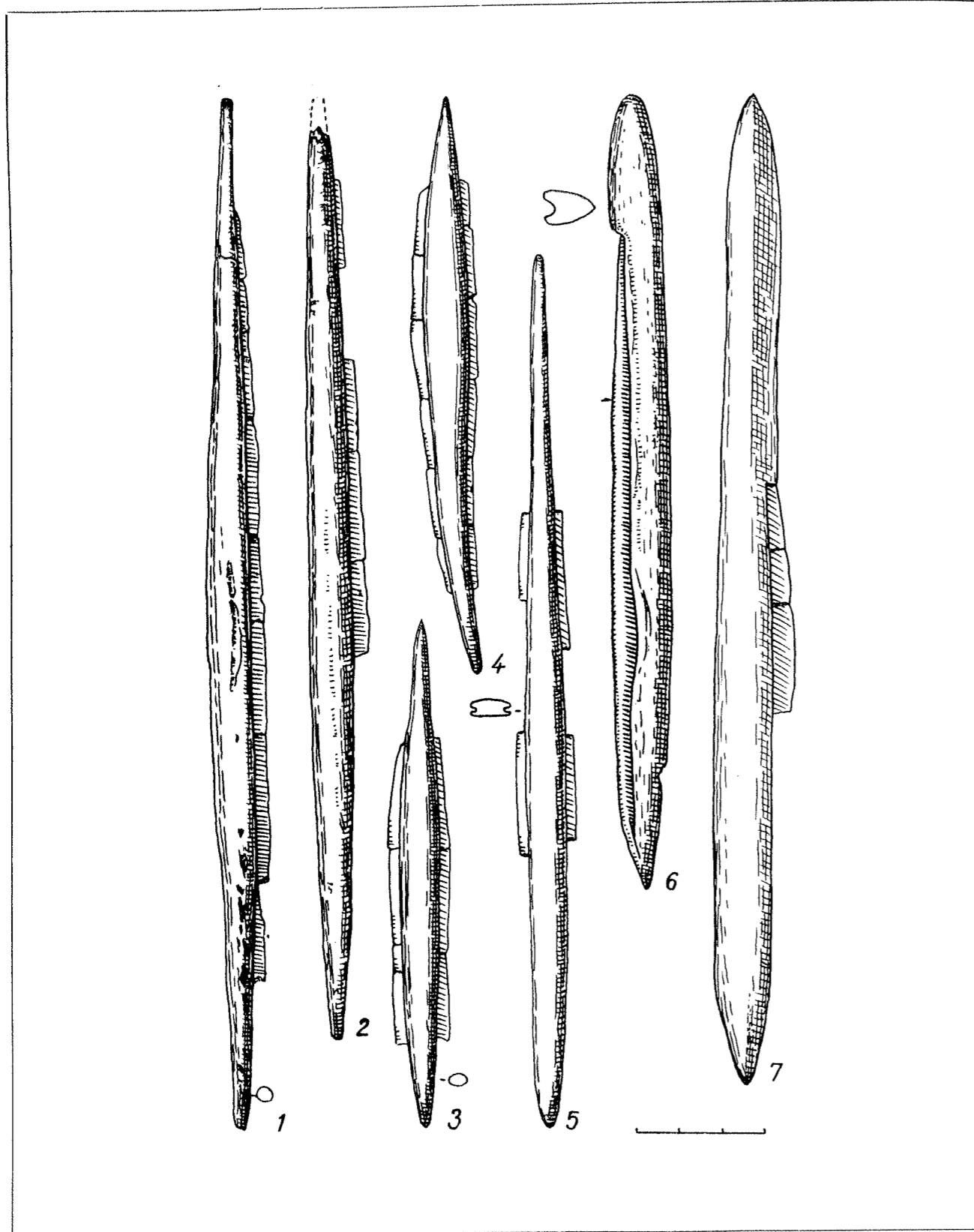

Рис. 142. Роговые наконечники с вкладышами:

1 — Вайкантонис, 2 — Опшрутай, 3 — Жюряй-Гудяляй, 4 — Гульбинишкяй, 5 — Будвечай, 6 — Иляй, 7 — Эжярелис

и 20—40 мм в длину. Длина самого гарпуна — 20,9 см, ширина — 0,9 см, толщина — 0,6 см.

Второй двухрядный литовский гарпун тоже знаком нам только по архивным материалам и литературе¹ (рис. 142, 4). Он обнаружен в Гульбинишкяй (Капсукский р-н) в торфянике. Гарпун чуть выгнут. Один конец его толще, другой очень тонкий. По обеим сторонам гарпуна вставлены пластинки.

Третий двухрядный гарпун в свое время был найден в торфянике в соседнем с Капсукским Вилкавишкском р-не, в местности Жюряй-Гудяляй. Он, по-видимому, лежал в слое торфа, так как приобрел темную окраску. Оба конца гарпуна острые, поперечный разрез — плоский овал. Гарпун отличается весьма небольшой величиной — 11,9 см в длину; ширина вместе с вкладышами — 1,9 см (рис. 142, 3). Вкладыши тщательно отретушированы и аналогичны тем, которые встречаются в микролитомакролитических стоянках.

Остальные четыре известных в Литве гарпуна имеют вкладыши с одной стороны. Два из них — длинные и очень сходные между собой. Хорошо сохранился гарпун из Опшрутай (Вилкавишкский р-н) (рис. 142, 2)², найденный в торфянике Элксне под нижним слоем торфа на глубине около 2,5 м. Острие его обломано. Остаток имеет 21,4 см в длину; сечение — овальное поперечное, наибольшая ширина по середине — 1,5 см, толщина — 0,7 см. Цвет желтоватый. По краю остались 4 вкладыша (Puzinas, 1935^a, стр. 285, илл. 6; 1938, илл. 2 : 7; Antopiewicz, Wl., 1935, табл. X : 6). Второй, очень близкий предыдущему, гарпун обнаружен в Вайкантонис (Алитусский р-н) (рис. 141, 1) в илистой земле на глубине около 0,5 м. Нашли его во время работ по выпрямлению русла речки Варене. Он имел 24,5 см в длину, 1,8 см в ширину и 0,6 см в толщину. Пластинки сохранились все, за исключением самой верхней. Светло-коричневый цвет указывает на то, что он, как и гарпун из Опшрутай, попал в ил еще до образования торфяника.

Несколько иными представляются два гарпуна, имеющие длинные острые роговые вер-

¹ Гарпун хранился в Марьямпольском музее, но был утерян. Данные о нем публиковались в литовской официальной газете «Легувос айдас», № 492, 29.X.1938 г.

² По недоразумению этот гарпун иногда значится в археологической литературе как «гарпун из Кирсны» (хутор Якимавичюса). Говорится даже о двух гарпунах: из Опшрутай и из Кирсны. На деле же в Кирсне никогда никакого гарпуна со вставными лезвиями не находили. Неточность возникла из-за того, что, публикуя материал о черепе мезолитического человека, обнаруженном в Кирсне, д-р Жилинскас на одной и той же иллюстрации, вместе с черепом, поместил рисунок гарпуна, найденного в Опшрутай. Точного паспорта его автор не указал, лишь мимоходом упомянув в тексте, что в окрестностях Кирсны, мол, находят, кроме костей человека, и мезолитические орудия труда (Zilinskas, 1931, стр. 12, илл. 9).

шины. Вкладыши у них лишь в нижней части. Один из этих гарпунов найден в Иляй (Плунгеский р-н) (рис. 142, 6), на пне в торфянике, на глубине 2 м. Вершина его широкая и плоская. Ниже ее располагается паз для вкладышей, которые не сохранились (второй конец гарпуна и поверхность местами обструганы лицом, обнаружившим это орудие). Сохранившаяся часть гарпуна имеет в длину 18,7 см; цвет его — темно-коричневый (Puzinas, 1935^a, стр. 285, илл. 7; 1938^a, илл. 2 : 5).

Такой же гарпун был обнаружен в Эжярелис (Каунасский р-н) (рис. 142, 7), в торфянике, на глубине около 4 м. Светлый цвет гарпуна указывает на то, что он лежал под слоем торфа. Вершина в разрезе имеет форму ромба и длину 9,2 см. Ниже на одной стороне прорезан паз, в котором сохранились две кремневые пластины. Книзу гарпун несколько расширяется, а самый конец его заострен. Длина орудия — 23,2 см.

Все гарпуны, которые мы назвали, являются, повторяем, случайными находками, и поэтому увязать их с какими-то определенными стоянками нельзя. В музеи они попали «чистыми», хорошо отмытыми, что исключило возможность проведения пылевого анализа. Только по косвенным данным можно судить, что они попали на дно озер и рек еще до того, как начался процесс формирования торфяников или в ходе этого процесса. Судя по вкладышам, найденным в стоянках, можно полагать, что гарпуны, о которых идет речь, типичны для микролитомакролитической культуры. Начиная с наиболее ранних стоянок, таких, как Паштува, вплоть до позднейших — Лампеджяй, Кампишкес, — вкладыши для гарпунов повсюду одинаковы.

Аналогичные гарпуны, найденные на территории Калининградской области и датированные путем пылевого анализа, позволяют отнести соответствующие литовские находки частью к анциловому периоду (Gross, 1937^a, стр. 147; 1938^a, стр. 88—91, илл. 3), а некоторые — к раннему литоринговому (Gross, 1941, стр. 34—36). В Ютландии подобные гарпуны путем пылевого анализа были датированы анциловым периодом, но употреблялись они там еще долго после конца бореального (Børsted, 1938, стр. 68, 69, илл. 41с).

К северу от Литвы — в Латвии и Эстонии — тоже были найдены мезолитические гарпуны. Как и в Литве, в самых ранних стоянках там их нет. В Куде, например, найдено всего несколько обломков гарпунов, а вот в Пярну этих орудий уже довольно много (Indreko, 1948, стр. 271—3, илл. 71 : 2—4). В Латвии гарпуны в большинстве однорядные, с вкладышами-пластинками, ретушированными таким же способом, как и в Литве (Лозе, 1966, стр. 108,

илл. 2:4, 13). Дальше к востоку гарпуны, изготовленные с помощью той же техники, встречаются и в неолите (Брюсов, 1952, стр. 149). Наконечники гарпунов из стоянок Иляй и Эжя-релис можно отнести, вероятнее всего, к поздним типам развития этого орудия, так как их вершины очень близки к плоским наконечникам, образующим в поперечном разрезе острый треугольник. Такие наконечники мы знаем по литовской неолитической стоянке Янаполе (Тельшяйский р-н) (Puzinas, 1938^a, илл. III:8) или эстонской стоянке Пярну (Indreko, 1926, стр. 287, илл. I:27). В Финляндии и Скандинавии наконечники такой формы в большинстве уже относятся к неолитическим, изготовленным из кости или камня (Indreko, 1948, стр. 254—8).

Гарпуны с вкладышами являются очень распространенной мезолитической формой изделий. Они встречаются и в Западной и в Восточной Европе в азильских культурах (Бибиков, 1949, стр. 16—19). В Дании они распространены мало, встречаясь лишь на Седанских островах и на Борнхольме (Brønsted, 1938, стр. 68—9, рис. 41^c). Причем западные гарпуны во многом отличаются от литовских. Нет сомнения, что гарпун с вкладышами не мог попасть в Литву с основной волной маглемозской культуры. Вероятно, идея изготовления этих орудий проникла в Литву с юга, а форма родилась на месте.

Без сомнения, дальше бытуют и те типы гарпунов, которые можно связать с ранней волной маглемозской культуры (мелкозубый гарпун с длинными вытянутыми зубьями), тем более, что, по находкам других стран Прибалтики, они более характерны для второй половины мезолита.

В литориновом периоде добавляются еще некоторые типы костяных изделий, которые не могли быть принесены основной волной маглемозской культуры, хотя все-таки принадлежат к ассортименту типов упомянутой культуры. К таким типам относится также кинжал с рукояткой (LAV, 1961, илл. 21:10), найденный в Арёгале (Расейнский р-н) в месте впадения речки Таурупис в реку Дубиса (рис. 143). Это довольно ровное и плоское изделие имеет в длину 18 см и в ширину — 3 см; темно-коричневого цвета, с обломанным острием. Вместе с ним был найден гарпун с 3 зубчиками (утерян нашедшим его лицом). Обнаруженные в Эстонии экземпляры имеют острые вершины и тупые лезвия, такие же, как у кинжала из Арёгалы. Подобные кинжалы были обнаружены в Кунде, Пярну, Тырвала, а в Латвии — у озера Лубана, в местности Цепельникс. Р. Индреко датирует их первым периодом литорина (Indreko, 1948, стр. 279—282, илл. 75:5).

Редкие изделия, имеющие прямую связь с микролита-макролитической культурой, это роговые рукоятки для овальных топоришков. Два известных нам изделия этого рода хранились в старых музейных собраниях. Одно, найденное в Чяпялунай (Варенский р-н) (рис. 144, 1), имеет 27 см длины. Второе, поднятое в Кашетос (рис. 144, 2), явно неоконченное работой. Такие изделия встречаются в зоне распространения овальных топоришков (Schwantes, 1934, рис. 98).

Труднее всего датировать или поместить в рамки какой-либо одной культуры роговые топоры, в особенности если они представляют собой случайные находки. В Литве мы знаем немало топоров с просверленным или пробитым отверстием для черенка; с поверхности они плохо обработаны; сохраняются натуральные особенности куска рога. По форме топоры можно разделить на короткие и длинные. Более ранними следует считать короткие. Существовали они в течение очень длительного периода, на что указывают некоторые находки на Куршской косе (Kulikauskas, 1959^a, стр. 73, 2:3, 4 илл.). Здесь топоры не могли появиться раньше неолита, поскольку только в неолите образовалась сама коса. К мезолиту, пожалуй, относится короткий топорик из Дарсунишкис (Кайшядорский р-н) (Puzinas, 1935^a, стр. 285, илл. 20; 1938, илл. 4:4; LAV, 1961, илл. 22:8), имеющий 10,2 см длины, 5,8 см ширины и 4,4 см толщины. Очень похожий топорик найден в Литве, но, к сожалению, неизвестно, где именно; длина его — 8,1 см (Puzinas, 1935^a, стр. 286, илл. 21; 1938^a, илл. 4:5). К мезолиту могут быть отнесены также топор, поднятый около г. Панявежиса (рис. 145, 2), на берегу р. Нявежис; длина его — 12 см, толщина у обуха — 5 см (Puzinas, 1935^a, стр. 285, илл. 18; LAV, 1961, стр. 523), и с ним несколько других топоров.

В разных частях Европы топоры появляются в анциловом периоде. В Прибалтике часть их относят к мезолиту, а в Восточной Европе, в частности в области Трипольской культуры, — только к неолиту (Indreko, 1948, стр. 196—198).

В литориновом периоде появляется длинный топор с просверленным или выдолбленным отверстием на месте среза ответвления рога. Это изделие встречается в явно неолитических комплексах, таких, как стоянка Паланга (Kulikauskas, 1959^a, стр. 35, илл. 2). Однако часть их, несомненно, можно отнести и к концу мезолита, как, например, топор из Шарняле (рис. 146, 5), имеющий 26,5 см длины. Он несколько выгнут, с выдолбленным на месте разветвления отверстием, с выровненной розеткой. В косо срезанном лезвии выскоблено небольшое углубление для вкладыша, изготовленного из крем-

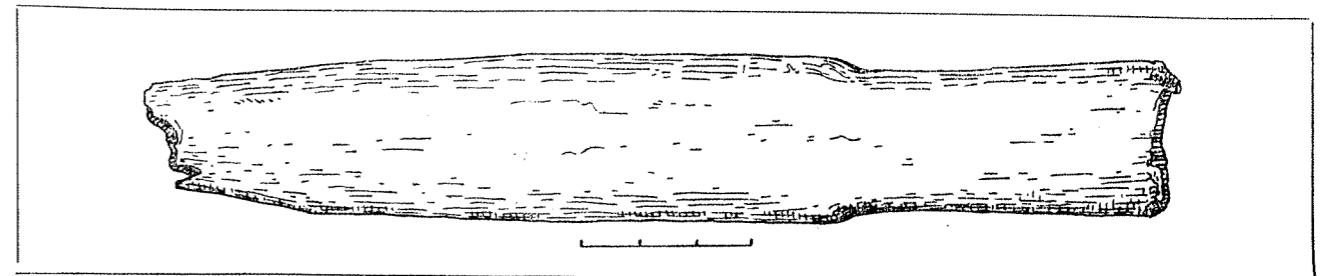

Рис. 143. Кинжал из Арёгалы

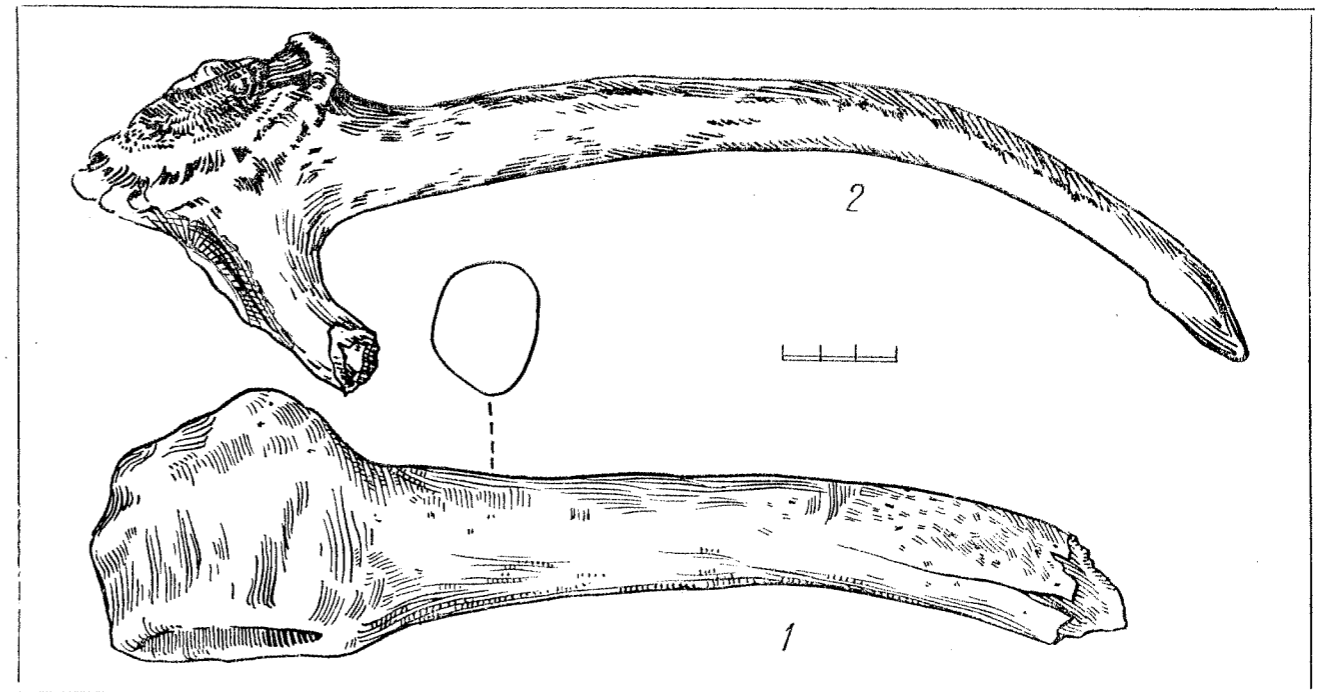

Рис. 144. Рукоятки из рога для овальных топоришков: 1 — Чяпялунай, 2 — Кашетос (не окончена)

ня или рога. Очень похожий топор был найден и в Рокай (Ражишкяй) (Каунасский р-н) на размытом правом берегу р. Еся (рис. 145, 3). Отверстие у него тоже выдолблено — с одной стороны четырехугольное, с другой — овальное. Топор имел светлую окраску. Длина его — 25 см, ширина — 4,9 см (Puzinas, 1935^a, стр. 286, илл. 23; 1938^a, илл. 416). К сожалению, рядом с данным орудием нет стоянки, по которой можно было бы датировать находку.

Изделие, напоминающее рассмотренные выше длинные топоры, было найдено и в Дубичай. Оно относится, надо полагать, к концу мезолита. В длину топор имеет 28 см, обух шириной 4 см. Вершина круто срезана, а лезвие косо расколото. На месте среза ответвления рога выдолблено овальное отверстие для

рукоятки. Точно датировать изделие невозможно.

К мезолиту могли относиться и некоторые другие, укороченные, топоры, такие, как, например, найденный в Моколай (Капсукский р-н), у реки Шяшупе. Длина его всего 16,2 см (Puzinas, 1938^a, илл. 4:3). Другой такой топор (длина — 22 см) был обнаружен у той же реки в гор. Кудиркос-Науместис (Шакяйский р-н) (LAV, 1961, илл. 22:4). Допустимо, что к орудиям этого типа относится и топор, найденный в окрестностях г. Утына (Tyszkiewicz, 1850, стр. 68—9, илл. II:1).

Разные топоры, чаще всего с выемкой на конце для лезвия из другого, более прочного материала, встречаются в области культуры маглемозе, начиная с древнейших ее фаз (Mathiassen, 1948, стр. 30—31). Характерно, что

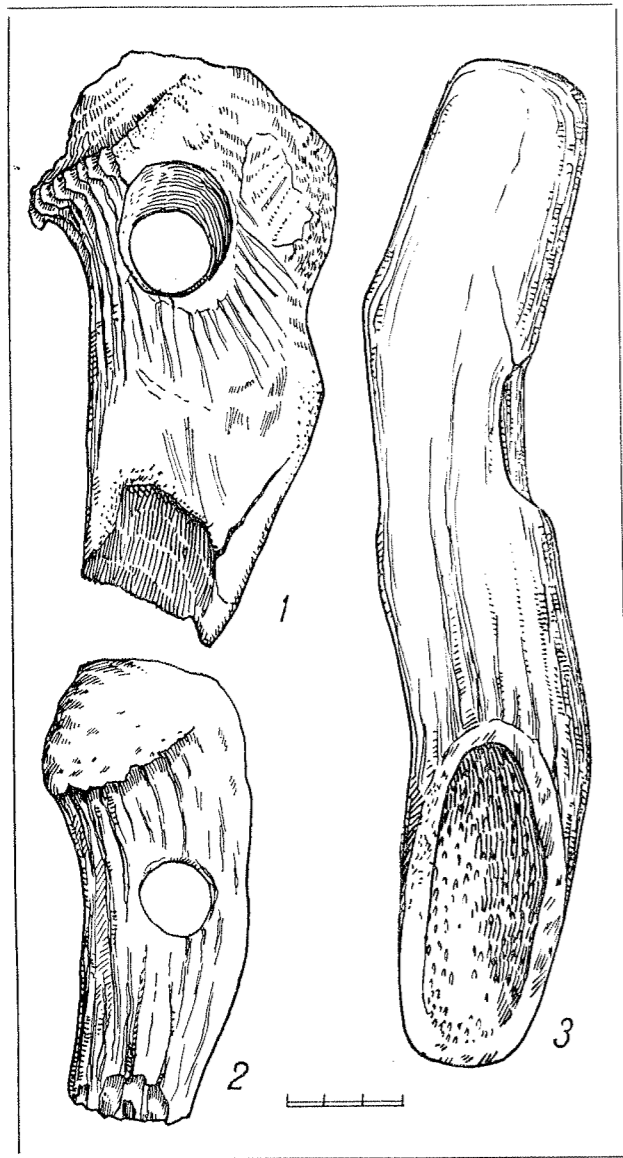

Рис. 145. Роговые топорки:

1 — Камшай (р. Кирсна), 2 — Панявежис, 3 — Рокай (Ражийский)

роговые розетки у таких топоров срезаны. В ранних стоянках топоры короткие, и только в атлантическом периоде появляются длинные, с отверстием, просверленным на месте среза ответвления рога (Brønsted, 1938, илл. 71a).

Весьма своеобразны роговые изделия из торфяника Шарняле. Их, скорее всего, следовало бы причислить к изделиям, которые в археологической литературе принято называть «жезлами». Одна из таких находок (рис. 146, 1) имеет 22 см длины и 2,2 см ширины; вершина ее (где должно находиться отверстие) обломана. Осталась лишь нижняя часть, несколько уплощенная и украшенная надрезами. Надрезы не составляют правильного орнамента,

хотя и напоминают характерный для мезолита сеткообразный узор. Второй обнаруженный экземпляр (рис. 146, 2) несколько крупнее: 20,5 см в длину и 10,3 см в ширину в месте, где расположено отверстие. Низ орудия заострен (Valatka, 1968).

Указанные находки не являются типичными образцами «жезлов», однако надрезы на первой из них как будто подтверждают принадлежность находок к «жезлам» — изделиям, существовавшим, начиная с палеолита и вплоть до раннего неолита. В мезолите этот вид встречается по всей зоне распространения культуры маглемозе (Indreko, 1948, илл. 58). Точнее датировать «жезлы» трудно, однако в восточной Прибалтике они, кажется, присущи позднему мезолиту. В Кунде их нет. Похожая на «жезл» находка, но сильно фрагментированная, лишенная орнамента, была обнаружена в Пярну (Indreko, 1948, стр. 197—209). Подобное изделие известно и в Латвии — найдено в р. Ужава (Вентспилский р-н) (Лозе, 1966, стр. 119). Судя по всему, находки в Шарняле относятся к самому концу мезолита. Такие изделия, по-видимому, существовали и в неолите. К последнему периоду, вероятно, относится и обломок предмета, поднятого в Клайпедском порту (Kulikauskas, 1959^a, илл. 2:1).

Надо отметить, что костяные-роговые орудия, присущие периоду распространения микролитно-макролитической культуры, своими корнями в большинстве уходят в маглемозскую. Но те типы, которые распространены в Восточной Европе шире, чем маглемозская культура, не совпадают с упомянутой культурой в хронологическом отношении. Другие изделия, как, например, трехгранные наконечники копий, веретенообразные наконечники, разные топоры, происхождение которых не следует искать в культуре маглемозе, тем не менее принадлежат к ассортименту типов этой культуры. На север от Литвы маглемозская культура образовала отдельную культуру Кунда, в которую, надо думать, будет включена и северная Литва.

В стоянках северной и северо-западной Литвы, как и в стоянках Латвии и Эстонии, трапеций и овальных топорилов (рис. 148) нет, редко встречаются ланцетовидные и эписвидерские наконечники стрел.

Таким образом, микролитно-макролитическая культура на территории Литвы и Западной Белоруссии образовалась в то время, когда здесь уже чувствовалась своеобразная этнокультурная стабильность. Возможно, что эта стабилизация связана с увлажнением климата в атлантическом периоде, а также с окончательным утверждением таких промыслов, как рыболовство, охота на мелкую дичь и птицу и, видимо, соби́рание моллюсков.

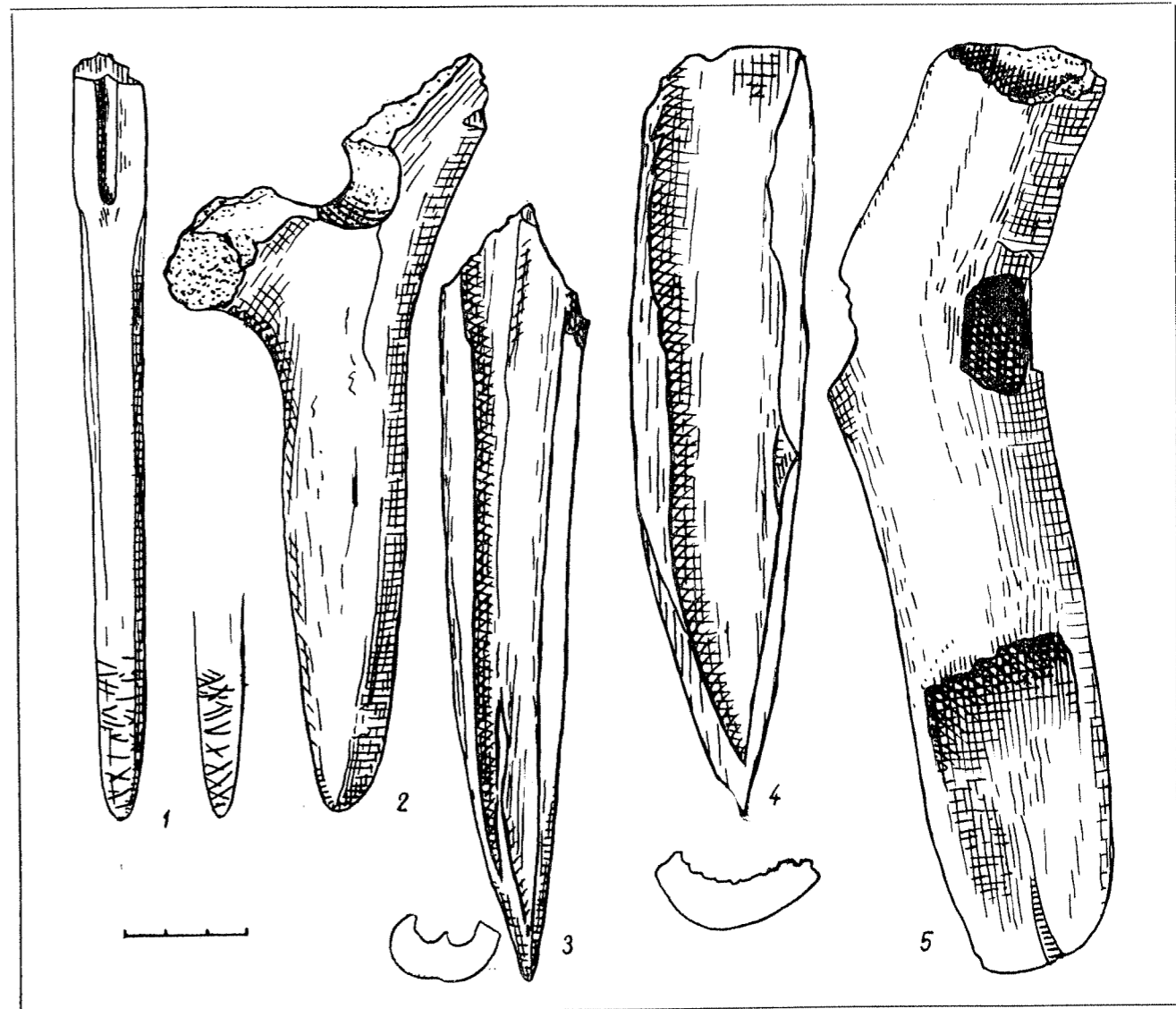

Рис. 146. Роговые и костяные орудия стоянки Шарняле

Данные о форме хозяйства носителей микролитно-макролитической культуры в Литве очень скудны. О ней можно судить по орудиям труда и результатам исследования угля очагов, относящихся к разным фазам развития мезолитической культуры.

К раннему мезолиту относятся, в частности, угли очага стоянки Максимонис 4. Очаг существовал длительное время. В нем обнаружены кусочки перегоревших камней с комками пепла: песок стенок очага сплавился с пеплом. Как видно, топливом служил в основном сосновый валежник, сильно изъеденный жуком-короедом. Кроме того, в очаге были обнаружены кусочки корней папоротника и скорлупа водяного ореха. Там же лежали об-

горевшие кусочки костей водоплавающей птицы и позвоночника крупной рыбы.

Стоянки времен II литориновой трансгрессии представлены очагами нижнего культурного слоя Канюкай 1. В них тоже обнаружен сосновый уголь. Рядом с трухлявой древесиной валежника видны кусочки твердой древесины, что можно связать с освоением хорошо обработанных кремневых топорилов.

Те же находки наблюдаются и в очагах стоянки Нятесай 1. В очаге № 5, например, были найдены разного вида щепки сосны, причем крупных деревьев, а рядом — мелкие обломки сучьев. В том же очаге были остатки источенного короедом сухостоя. Судя по содержанию очага № 6, обитатели стоянки поль-

зовались как легко доступной древесиной, так и твердой, добыча которой требовала хороших орудий. Небольшие сплавившиеся куски сажи и сцементированный пепел указывают на то, что огонь в очагах поддерживался постоянно.

для получения извести, шедшей на выработку шкур, для изготовления краски и т. п. Учитывая, что в очаге обнаружен также сплавившийся песок, второе предположение более вероятно.

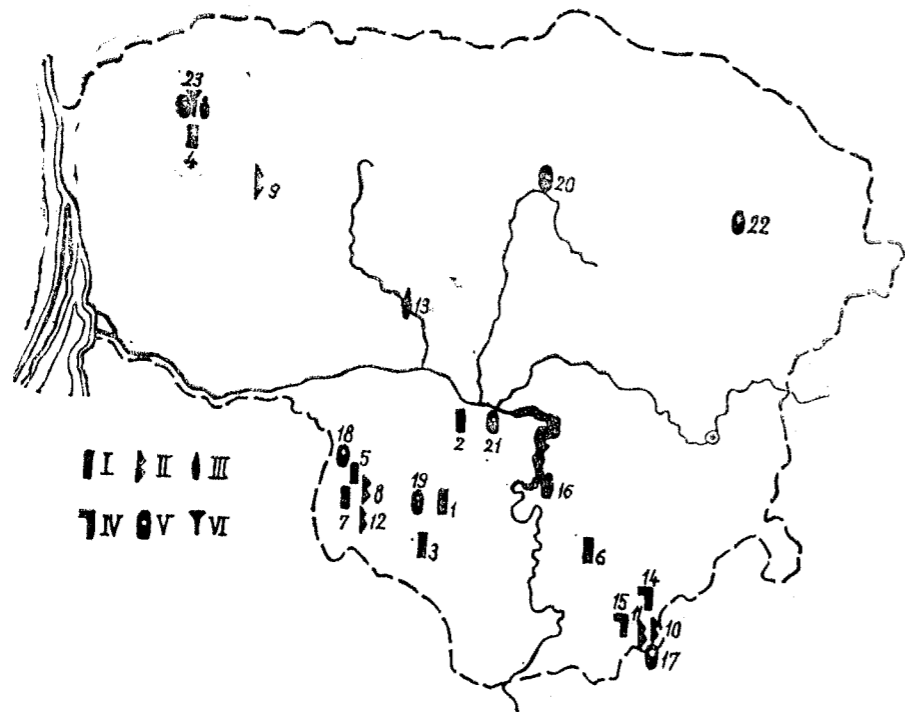

Рис. 147. Распространение мезолитических роговых и костяных изделий, упоминаемых в тексте:

I — гарпуны с вкладышами: 1. Будвечай, 2. Эжярелис, 3. Гульбиншкяй, 4. Илай, 5. Опшрутай, 6. Вайкантонис, 7. Жюрья-Гудялай. II — гарпуны с зубчиками: 8. Бябринкай, 9. Янаполе, 10. Каравишкес, 11. Маргяй, 12. Вилкавишкис. III — кинжал: 13. Арёгала. IV — рукоятки для топорилов: 14. Чярялунай, 15. Кашетос. V — топорики: 16. Дарсуншкис, 17. Дубичай, 18. Кудиркос-Науместис, 19. Моколай, 20. Панявежис, 21. Рокай (Ражшкяй), 22. Утяна. VI — жезлы (?): 23. Шарияле.

В отличие от предыдущих, в очаге № 2 сжигались только шишки, гнилая древесина и мелкие сучья. Либо это был очаг какого-то специального назначения, либо пользовался им очень слабый человек, не способный срубить дерево.

В очагах стоянки Нятесай I (кроме очага № 2), помимо угля, содержится костяной детрит, а в очаге № 17 — и кости рыб, птиц, обломки раковины крупного моллюска. В очаге № 6 найдено несколько кусков спаявшейся сажи, отличающейся от древесной; допустимо, что она жирового происхождения. В очагах найдены также некоторые остатки растительной пищи. Например, в очаге № 15 обнаружено семя конского щавеля, кусок какого-то небольшого плода, мелкие остатки плодов кизила или калины.

В одном из очагов найдены остатки сгоревших кораллов. Трудно сказать, попали они в очаг случайно или их сжигали специально

Анализ угля из очага № 6 под микроскопом показал, что здесь сожжено было хорошо обработанное лыко липы. Возможно, что это была тонкая веревка. Без сомнения, рыбаки того времени должны были употреблять сети из лыка, как это установлено по находкам в раннеолитической стоянке Швянтойи 2.

Шишки, найденные в очагах, были мелкими или средними, т. е. присущими низкорослым деревьям, росшим на болотах. В очаге № 5 найдена кора березы (*Betula pubescens* Ehrh), тоже растущей на влажной почве. Все это говорит за то, что стоянка была обитаемой во влажный период.

Очаги стоянки Лампеджяй относятся к более позднему периоду мезолита. В них обнаружен только сосновый уголь. Очаги топились сучьями, пнями, сухостоем. Огонь поддерживался длительное время — в очагах обнаружен спекшийся с пеплом песок. Во многих из очагов найдена скорлупа ореха: тонкая, мало

выгнутая, с острыми углами надлома. Видимо, орехи были довольно большими, с тонкой и мягкой скорлупой, близкими к орехам южных стран Европы. Найдены также следы водяного ореха и косточка какого-то сорта дикой сливы. В очагах обнаружены обуглившиеся

Среди находок микролита-макролитической культуры имеется довольно много гарпунов, но датируются они косвенным путем. Также косвенным доказательством рыболовства является и тот факт, что в области распространения культуры маглемозе (охватывавшей и

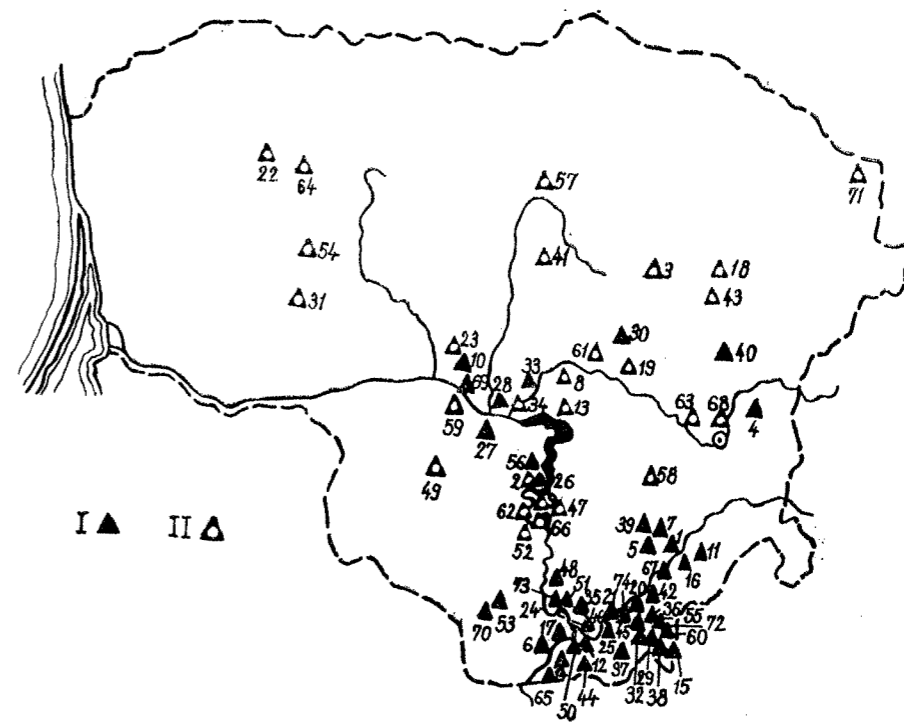

Рис. 148. Распространение мезолитических стоянок в Литве:

1. Акмуо, 2. Альскянемис, 3. Анкшкяй, 4. Антавилис, 5. Бабришкес, 6. Балташишке, 7. Бартялай, 8. Бартонай, 9. Биштонас, 10. Бруже, 11. Бяжулис, 12. Чясукай, 13. Довайнонис, 14. Друскинкай, 15. Дубичай, 16. р. Дяржничя, 17. Гайлюнай, 18. Гайляй, 19. Гавснонис, 20. Гиряжарис, 21. оз. Глинас, 22. Янаполе, 23. Яучяй, 24. Ионёнис, 25. Кайбучяй, 26. Кампишкес, 27. Каяргине, 28. Канокай, 29. Кашетос, 30. Кизлаукис, 31. Купсчяй, 32. оз. Лависас, 33. Ляшшишкяй, 34. Лянтайнай, 35. Максимонис, 36. Манчягре, 37. Марцинконис, 38. Маргяй, 39. Маскаука, 40. Матялай, 41. Микалишкис, 42. Митришкес, 43. Мьяльдиний, 44. оз. Мьяльничеле, 45. Мьягяжарис, 46. Мяркине, 47. Няманюнай, 48. Нямунайтис, 49. Няндринай, 50. Няравай, 51. Нятесай, 52. Норку-Мьяльничеле, 53. Павейсникай, 54. Палукнис, 55. Паусосупе, 56. Поцонай, 57. Прусялай, 58. Пурвинай, 59. Риоглишкяй, 60. Рудня, 61. Саялянкай, 62. Сяпонис, 63. Шиленай, 64. Шукшкяй, 65. Швяндубре, 66. Ванагай, 67. Варена, 68. Вильнос, 69. Вирбаюнай, 70. р. Зависе, 71. Зависе, 72. Зервинос, 73. Живульшишке, 74. Жюрай. I — стоянки с овальными топорилами, II — стоянки без овальных топорилов.

остатки костей, однако происхождение их установить не удалось.

Литовское население периода микролита-макролитической культуры так же, как и представители культуры маглемозе в других странах (Clare, 1964, стр. 79—81), отличалось от носителей более ранних культур тем, что лучше было приспособлено к условиям жизни в лесу, к добыче крупного лесного зверя — на западном побережье в стоянках маглемозе находят кости оленей, лосей, кабанов, туров. Помимо охоты, люди в этот период интенсивно начали заниматься и рыболовством.

территорию Литвы) уже в мезолите были известны рыболовные сети из лыка, с поплавками из древесной коры и каменными грузилами. Знали здесь и деревянное весло. Одно весло известно даже из пребореала (стоянка Стар Карр). Наличие весел свидетельствует о существовании лодок. Кстати, очень хорошо выдолбленная лодка из Прессе (Голландия) датирована радиоуглеродным методом 6250 г. до н. э. (Clare, 1964, стр. 80). Остатки мезолитических рыболовных сетей были обнаружены в Финляндии, недалеко от Корпилахти, округ Антреа (Pälsi, 1920; Ailio, 1922; стр. 7—8;

Аугярäй, 1950, стр. 6), и в Эстонии, в местности Сийверси (Indreko, 1936, илл. 3:3; 1948, стр. 325, илл. 79:6).

На тот факт, что в атлантический период рыболовство в Литве было распространено широко и достигло значительного совершенства, указывает множество рыболовного снаряжения, раскопанного в последние годы в

стоянке Швянтойи (Кретингский р-н), — остатки лодок, весел, разнообразных рыболовных сетей, сплетенных из веревок или свитых из лыка липы. Мастерское изготовление этих находок говорит о том, что мы сталкиваемся здесь с продуктом длительного культурного развития (стоянки в Швянтойи 2 датируются по C^{14} серединой III тысячелетия до н. э.).

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предоставляя читателю обзор литовского палеолита и мезолита, мы ставили целью обнародовать основные материалы последних археологических исследований, свести воедино все имеющиеся по теме данные и, опираясь на них, дать оценку современному состоянию проблемы.

Материал излагался в тесной связи с геоморфологическими и палеоклиматическими явлениями (табл. VII) того времени. Границу литовского палеолита с мезолитом автор проводит между поздним дриасом и пребореалем, т. е. между плейстоценом и голоценом.

Изменения в развитии жизни первобытных охотников невозможно объяснить без должной оценки перехода от ледникового периода к послеледниковому. Перемены в растительном и животном мире приводили к преобразованиям в жизни людей, что отчетливо подтверждают археологические исследования. Вместе с появлением лесов мы наблюдаем распространение новых орудий труда. После исчезновения кочующих стад северного оленя отпала необходимость в дальних переходах и люди стали охотиться на относительно узкой, ограниченной территории. Постепенно кочевой образ жизни сменился определенной привязанностью к привычным, обжитым местам (что отличается, однако, от жизни в неолите, когда человек уже был привязан к конкретному участку земли).

В культурном отношении граница между палеолитом и мезолитом в Литве может показаться довольно расплывчатой. В раннем мезолите здесь еще существовала, как пережиток палеолита, культурная группа, которую мы назвали эпипалеолитической. Более ощутимая граница между палеолитом и мезолитом наблюдается лишь с появлением культуры маглемозе, не совпадающей с началом литовского

мезолита. Однако автор придерживается мнения, что столь поздняя датировка может пока зависеть просто от недостатка соответствующих археологических данных, так как в Ютландии и Британии стоянки того же типа известны уже с начала пребореала. Поэтому при разделении палеолита и мезолита на хронологические группы пришлось в равной мере учитывать два момента: зависимость явлений как от природных, так и от этнокультурных факторов.

Исследователи неолита считают отражением этнических различий стилистические особенности керамики. В позднем палеолите и мезолите таким же признаком могут служить некоторые стилистические особенности кремневых и костяных изделий, хотя, как подчеркнуто нами выше, нельзя все особенности формы объяснять исключительно этническими отличиями их носителей.

Обзор имеющегося в Литве материала по палеолиту и мезолиту должен показать сложные этнокультурные процессы, происходившие здесь до неолита. Поэтому было особенно важным отделить элементы, говорящие о передвижении этнических групп, от явлений, имеющих характер межкультурных связей и влияний. Таким образом были определены три основных этапа, когда на территорию Литвы вступали новые этнические группы, и два этапа, когда с особой интенсивностью распространялись межкультурные элементы.

Все три этнические волны связаны с потеплением климата. Наименее ясной является первая волна — появление в Литве отдельных небольших групп охотников в период бёллинга. Располагая весьма ограниченными данными, касающимися непосредственно самой Литвы, мы привлекли некоторые материалы по Калининградской области и северной Польше, т. е.

территориям, составлявшим вместе с Литвой одну общую культурную область. Обобщение этих данных позволяет вести речь о первом заселении территории Литвы. Еще не выяснено значение этого расселения и не определено, оставило оно здесь какое-то наследие или не оставило. Некоторые данные, представленные в настоящей работе, свидетельствуют о том, что такое наследие могло сохраниться, если не в самой Литве, то где-то поблизости, и воздействовать оттуда на последующее развитие жизни первобытного человека.

Вторая, более мощная волна пришельцев — представителей различных культур и этнических групп нахлынула в аллереде, вероятнее всего в его конце. Новые люди в процессе общения между собой образовали в позднем дриасе и пребореале некую общую культурную группу. Можно, хотя еще не вполне строго, определить и приблизительные границы этой общности. На западе, следуя по южному побережью Балтийского моря, она достигает примерно долины Одера, на юге идет по северной окраине Польши, на востоке охватывает западную половину Белоруссии, а на севере не выходит за пределы современной Литвы. Часть предствителей второй волны осталась здесь, а другая, не менее значительная, в начале мезолита ушла к северо-востоку.

Разнообразие культур в конце палеолита и начале мезолита — существование по соседству нескольких фаз культурных групп, которые невозможно вставить в ясные типологически-хронологические рамки, это характерная черта истории обширнейших пространств Европы. Вспомним многослойные стоянки района Костенки-Боршева, в которых так хорошо видно переплетение различных культурных слоев (Рогачев, 1957, стр. 9—134). Существование по соседству различных культур конца палеолита прослеживается в комплексах стоянок Шлезвиг-Гольштейна (Rust, 1958). Аналогичное переплетение культур начала мезолита наблюдается и в Польше (Chmielewska, Chmielewski, 1961).

Третья волна, шедшая с Запада на Восток по южному побережью Балтийского моря, была культурой маглемозе. Слившись с местным населением и постепенно приобретая микролитические элементы, распространившись в мезолите по всей Европе, культура маглемозе образовала в Литве местную постоянную этнокультурную группу. Ее границу можно определить уже с достаточной точностью.

Из всего сказанного следует вывод, что местная литовская микролитико-макролитическая культура ведет начало от взаимодействия нескольких культур и культурных влияний. Значительную роль в этом процессе сыграла культура маглемозе, но микролитико-макролити-

ческую культуру отождествлять с ней мы не можем — слишком много было тогда на территории Литвы других инородных элементов. Литовскую микролитико-макролитическую культуру допустимо считать местной потому, что с конца бореала, через весь атлантический период и до раннего неолита (Jablonskytė-Rimaitienė, 1969) прослеживается неразрывное самостоятельное ее развитие, не знающее постороннего этнокультурного влияния (если не считать распространения общеевропейских форм, не меняющих этнической стороны дела). Именно по этому признаку можно очертить ее границы.

Правда, следует заметить, что явлений, выделяющих литовскую микролитико-макролитическую область, существовало меньше, нежели черт, сближавших ее с соседними культурными ареалами. Основным отличием местной культуры от западных соседей (культурой Маглемозе, а позже ранней культурой Эртебёлле и других групп позднего мезолита) является существование на территории Литвы в мезолите эписвидерского наконечника. Провести соответствующую четкую границу на карте не легко, потому что число таких памятников на южном побережье Балтийского моря, и в особенности на польском побережье, а также в северо-восточной Германии, весьма ограничено. Калининградская область также дает лишь отдельные немногочисленные находки. Поэтому, без сомнения, известное основание имеет гипотеза, согласно которой мезолитические стоянки типа маглемозе могли быть распространены непосредственно на берегу Анцилового озера, а потом были затоплены разлившимся Литориновым морем. Опорной точкой этой гипотезы является материал острова Рюген. Там найдено, например, много мезолитических овальных топориков, почти неизвестных в Польше (Kozłowski, S. K., 1967, карта) и дальше к востоку, на южном балтийском побережье, а затем опять появившихся в большом количестве в Литве.

Некоторые косвенные данные позволяют делать предположение, что на Балтийском взморье, от Литвы до Вислы, а может быть, и дальше — до Одера¹, в мезолите была распространена та же микролитико-макролитическая культура, что и в Литве. За это говорит тот факт, что на вышеуказанной территории в инвентаре неолитических стоянок имеется так же, как и в Литве, немало элементов, унаследованных от микролитико-макролитической культуры (Kostrzewski, 1931). Они не могли быть

¹ В свое время к предполагаемому ареалу «свидерско-тарденуазской культуры» относили также Силезию, считавшуюся его западной границей (Rotherth, 1936, стр. 23—29).

принесены откуда-то извне, это — местное явление. В позднем неолите в стоянках, расположенных к югу от Литвы, они уже не встречаются. По отдельным находкам Калининградской области можно судить о том, что она тоже входила в территорию распространения микролитико-макролитической культуры. На юго-востоке граница микролитико-макролитической культуры шла по Припятской низменности, где есть стоянки с соответствующим инвентарем. Наряду с ними здесь обнаружены и стоянки с чисто микролитическим инвентарем, принадлежавшие населению, пришедшему сюда с юга (Кухаренко, 1962, стр. 8; Исаенко, 1966, стр. 27—31).

В свое время Вл. Антоневич (Antoniewicz, Wl., 1935, стр. 41) восточную границу так называемой «тарденуазской» культуры проводил по озерам Свирь и Нарочь. По К. Поликарповичу, она достигала Сожи и верховьев Днепра (Поликарпович, 1934, стр. 84; Polikarpowitsch, 1935, стр. 79). Однако находки, обнаруженные на упомянутой выше территории, в большинстве своем относятся к более позднему времени, чем в Литве. Кроме того, здесь в мезолите соприкасались и смешивались между собой несколько культурных групп (Левенюк, 1966). Отсюда можно делать вывод, что область распространения микролитико-макролитической культуры охватывала западную часть Белоруссии, а в бассейнах Сожи и Десны проявлялось лишь некоторое влияние этой культуры.

Еще дальше на восток (в междуречьи Волги и Оки), куда, как уже было сказано, ушла через территорию Литвы часть эпипалеолитического населения, в конце мезолита сложился культурный комплекс, похожий на тот, который встречается и в Литве (Кольцов, 1966), однако в этот, по существу эписвидерский, комплекс микролиты пришли с юга.

На севере Литвы границы микролитико-макролитической культуры достигают нижнего течения Немана и Нярис. Большая часть северной и особенно северо-западной Литвы в область упомянутой культуры не входит. В инвентаре стоянок, распространенных в Тяльшайском, Плуңгском, Кяльмесском, Панявешском, Утянском и др. районах северной и северо-западной Литвы значится, что овальных топориков (рис. 148), трапеций и правомерных ланцетов там не обнаружено, хотя обычно встречаются вкладыши, а иногда и эписвидерские наконечники. Вместо формальных скребков в упомянутой области встречаются обычно лишь изделия специального назначения, а вместо наконечников геометрических форм — малообработанные листовидные. На правом берегу нижнего течения Немана можно от-

метить только три стоянки с овальными топориками — Бруже, Вирбалюнай и Канюкай. Но и они расположены непосредственно на берегу реки. На север от р. Нярис известны лишь две стоянки с овальными топориками — Книзлаукис в Укмяргском районе и Матяляй — в Моветском. Мелкий кремневый инвентарь характерен для более северных территорий Латвии и Эстонии. Это уже область распространения Кундской культуры. Возможно, что распространение случайных костяных находок в северной Литве тоже связано с Кундской культурой.

С Кундской культурой, как это было подчеркнуто при анализе роговых-костяных мезолитических изделий, литовский мезолит был, несомненно, в контакте. Однако в данном случае основным отличительным признаком Кундской культуры является то, что в ней наряду с изделиями, унаследованными от культур Лянгбю и Маглемозе, прослеживается влияние юго-востока. Можно думать, что даже эписвидерские наконечники стрел, встречающиеся в Кунде и сохраняющиеся в стоянках Нарвской культуры (Jaaniits, 1965, рис. 6 : 8, 9), пришли в Эстонию не с юга (т. е. через Литву), а с юго-востока, чем и объясняется отсутствие в Эстонии полного комплекса микролитико-макролитического инвентаря, характерного для Литвы.

Родство или различие между носителями этих культур не могла бы установить и антропология, так как культура и раса часто не совпадают. Кроме того, в нашем распоряжении имеются лишь незначительные фрагменты антропологического материала. В Литве обнаружен древнейший в восточной Прибалтике человеческий череп. Он поднят у р. Кирсна, в юго-восточной Литве, вместе с эпипалеолитическим роговым гарпуном (см. стр. 113). Череп отличается сильной долихокранностью, значительной массивностью, несколько покатым лбом и ярко выраженными надбровными дугами, однако имеет в то же время узкое и высокое лицо и особенно узкий нос. Нижняя челюсть не сохранилась (Žilinskis, 1931). Согласно этим признакам, череп был отнесен к древне-средиземноморскому типу южного происхождения и приравнен к эпипалеолитическим черепам Волошского могильника (Дебец, 1955, стр. 62—73). Он явно отличается от кроманьонских черепов верхнего палеолита и мезолита Европы. Поэтому антропологи предполагают, что в восточную Прибалтику еще в очень раннем периоде должны были проникнуть какие-то элементы с побережья Средиземного моря (Витов, Марк, Че-

боксаров, 1959, стр. 146)¹, хотя в культуре это не замечается.

Второй череп конца мезолита (или начала неолита), датированный методом анализа пыльцы, происходит из западной Литвы (Кябяляй, Шилутского р-на). К сожалению, от него сохранилась только крышка (Гудялис, Повилонис, 1952). По ней видно, что череп был долихокранийный.

Хотя приведенные выше антропологические данные довольно скудны, все же следует отметить, что оба долихокранийных черепа были найдены в западной части современной Литвы. Кроме того, имеются данные, что в Литве, в особенности на восточной ее территории, с древнейших времен обитал и другой — короткоголовый антропологический тип, относящийся к неолиту и более позднему периоду. Однако, как известно, в раннем неолите на территории Литвы мы не знаем следов каких-либо переселений, и на этой основе можем заключить, что присутствие брахикранийного типа здесь связано с наследием более раннего, по крайней мере, мезолитического времени. Такой череп был, например, обнаружен в неолитическом захоронении в торфянике Турлоншке (Капсуковский р-н)².

Все антропологические данные каменного века, которые мы привели, являются очень фрагментарными и случайными, и вряд ли подтверждают, что уже в мезолите в Литве обитали представители различных этнических групп. Имеющийся антропологический материал не дает возможности связать его с определенными палеолитическими или мезолитическими культурными группами. Во всей Северной Европе мы не имеем никаких достоверных находок захоронений позднего палеолита. Только в двух местах (у Пиннберга и Ремуша-

¹ Напрасно В. П. Алексеев связывает долихокранийный узколицый тип, сохранившийся в Литве и в более поздние эпохи, с черепами носителей культуры шнуровой керамики (Алексеев, 1969, стр. 106—107). Не подлежит сомнению, что если часть долихокранийного населения Литвы и пришла сюда в качестве носителей культуры шнуровой керамики, то здесь они уже нашли людей, живших с давних пор.

² В свое время антропологи (Витов, Марк, Чебоксаров, 1959, стр. 213) пытались связывать брахцефальные восточнолитовские черепа, относящиеся к началу нашей эры, с культурой гребенчато-ямочной керамики. Однако на изучаемой нами территории нет никаких археологических данных, которые свидетельствовали бы о наличии здесь существенных примесей этой культуры; во всяком случае, в первой половине неолита. Для литовского брахикранийного типа характерно ясно выраженное профилирование лица и носа (Алексеев, 1963, стр. 106).

ма) обнаружены человеческие останки, но и в этих случаях остается неясным, можно ли их связывать с найденными наподобие кремневыми находками раннего мезолита (Taute, 1968, стр. 154, 160). Поэтому в настоящее время этнические проблемы приходится решать только на основе археологического материала.

Вторая половина мезолита — это уже время известной стабилизации, период зарождения отдельных относительно замкнутых культурных областей. К таким выводам можно прийти, рассмотрев судьбы мезолитических культур в раннем неолите.

Как уже говорилось, в процессе заселения территории Литвы во время палеолита и мезолита различаются юго-восточная и северо-западная ее области. Эти две области более четко определились в раннем неолите. Надо думать, что границы данных областей можно было бы установить уже в мезолите, если бы мы располагали достаточным для этого материалом. Во всяком случае в обеих областях инвентарь стоянок раннего неолита является несомненным продолжением мезолитических культур.

Кремневый инвентарь юго-восточной Литвы времен раннего неолита содержит наконечники явно свидерского происхождения, как это видно на примерах стоянок Дубичай 3 (Римантене, 1966, рис. 1), Эжяринас 23 (Jablonskytė-Rimantienė, 1969, рис. 5) и др. Такие наконечники встречаются даже в развитом неолите, когда вместе с орнаментикой раннего типа мы уже находим шнуровые отгиски, как это было, например, в стоянке Дубичай 1 (Римантене, 1966, рис. 2). Наряду с этим сохраняются и другие формы мезолитических изделий, такие, как трапеции, вкладыши для гарпунов, ланцетовидные наконечники, овальные топоры и т. д.

Границы северо-западной области в мезолите не так ощутимы, но не случаен, по-видимому, факт, что здесь мы не встречаем свидерского наследия, а местные роговые изделия, как и в раннем неолите, более близки к находкам с территории современной Латвии. Наиболее убедительно это прослеживается по раскопкам последних лет (1966—1971 гг.) в Швянтюйи (предм. г. Паланги). В северо-западной области наконечники стрел изготавливались исключительно из кости или даже из дерева. Нет здесь ни овальных топориков, ни трапеций. Характерны мелкие кремневые скребки.

Подобное разделение северо-западной и юго-восточной областей наблюдается затем как в период культуры шнуровой керамики, так и в более поздние времена.

Табл. VII

До н. э.	Климатические периоды (по Бяйт-Сернан-деру)	Даты по С ¹⁴ (по К. Шуля и др.)	Споро-пыльцевые зоны и фазы развития растительности (по М. Кабайлене)	Развитие озер и озерных котловин (по А. Гаруниктису)	Развитие рек и речных террас (по А. Басаликасу)	Развитие Балтийского моря	Расположение стоянок на территориях	Культура Литвы			Археологические периоды
								неолит	мезолит	палеолит	
2000	суббореальный	Vs-8 (3450 ± 150) Vs-9 (3800 ± 160) Vs-11 (4000 ± 170)	III — уменьшение ели IV — распространение ели и постепенное сокращение широколиственного леса	Сильное понижение уровня воды, интенсивное заторфованье, уровень воды неустойчивый	Развитие рек и речных террас (по А. Басаликасу)	Литвина	пойма, далеко от русла	Верхне-неманская керамика	Верхне-неманская керамика	Верхне-неманская керамика	Археологические периоды
3000	атлантический	Vs-12, 13 (5350 ± 180)	V — максимальное распространение широколиственного леса	Повышение уровня воды, разрушение приозерных торфяников, увеличение степени проточности, формируются верхние озерные террасы и террасовые равнины. Прослеживаются два незы, понижения и два повышения уровня воды	заполнение поймы	III транстр.	пойма	III	III	III	Археологические периоды
4000		Vs-14 (6350 ± 240) Vs-15 (6600 ± 170) Vs-16 (6900 ± 190)	VI — начальное время широколиственного леса	Сильное понижение уровня воды, интенсивное заторфованье; в конце периода уровень воды начинает повышаться	заполнение поймы	III транстр.	пойма	II	II	II	Археологические периоды
5000		Vs-17 (7750 ± 260) Vs-18 (8100 ± 290)	VII — распространение орешника и соснового леса	Окончание термокарстовых процессов, разв. гидрографической сети	III врезание рек, формирование I надпойм. террасы	Анцлус	край I надпойм. терр.	I	I	I	Археологические периоды
6000	бореальный	Mo-34 (8500 ± 300) Mo-203 (8580 ± 270) TA-189 (8790 ± 90)	VIII — максимум соснового леса	Формируется нижняя терраса	III врезание рек, формирование I надпойм. террасы	Иольдия	I надпойм. терраса, далеко от русла	маглемозская	маглемозская	маглемозская	Археологические периоды
7000	пребореальный	Mo-204 (9860 ± 300)	IX — распространение березового леса	Формируется нижняя терраса	III врезание рек, формирование I надпойм. террасы	Иольдия	край III надпойм. террасы	маглемозская	маглемозская	маглемозская	Археологические периоды
8000	верхний дриас		X — растительность лесотундрового типа	Формируется нижняя терраса	III врезание рек, формирование I надпойм. террасы	Иольдия	край III надпойм. террасы	маглемозская	маглемозская	маглемозская	Археологические периоды
9000	аллерд	Mo-205 (11200 ± 340) Vs-19 (11300 ± 300) TA-190 (11530 ± 110) Vs-20 (11800 ± 300)	XI — распространение дубовидной березы и редкого соснового леса	II основной этап термомокровых процессов, формируется сток из бассейна озера, понижается уровень воды	III врезание рек, формирование II надпойм. террасы	Иольдия	I надпойм. терраса, далеко от русла	маглемозская	маглемозская	маглемозская	Археологические периоды
10000	средний дриас	Mo-340 (12260 ± 160) TA-191 (12660 ± 130) Mo-339 (12710 ± 315)	XII — растительность тундрового и лесотундрового типа	I этап термокарстовых процессов, формируются верхние террасы, понижается уровень воды	III врезание рек, формирование III надпойм. террасы	Балт. лесников. озеро	II надпойм. терраса	маглемозская	маглемозская	маглемозская	Археологические периоды
11000	беллинг нижний дриас							маглемозская	маглемозская	маглемозская	Археологические периоды

- Алексеев В. П.
1969. Происхождение народов Восточной Европы.
- Басаликас А. Б.
1955. Основные черты строения долины реки Немана. Известия АН СССР, сер. геогр., 3, 45—48.
1961. Некоторые вопросы развития рельефа Литвы в послеледниковое время. Вопросы голоцена, Вильнюс, 211—230.
1965. О приледниковых водоемах южной Прибалтики. Материалы к симпозиуму по истории озер Северо-Запада, Л., 33—43.
- Бибиков С. И.
1949. Производительная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднеледниковых обществ Крыма. Уч. зап. Ленингр. университета, сер. истор. наук, 13, 16—19.
- Борисковский П. И.
1953. Палеолит Украины, МИА, 40.
- Брюсов А. Я.
1952. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, М.
- Будько В. Д.
1966. Памятники свидерско-гревской культуры на территории Белоруссии. У истоков древних культур, МИА, 126, 35—46.
- Векилова Е. А.
1961. К вопросу о свидерской культуре в Крыму (стоянка Сюрень II). КСИА, 82, 143—9.
- Виноградов А. П., Девиц А. Л., Добкина Э. И., Маркова Н. Г.
1963. Определение абсолютного возраста по C¹⁴. Сообщение 4. Геохимия, 9.
- Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н.
1959. Этническая антропология восточной Прибалтики. Труды прибалт. экп. 2, М.
- Воеводский М. В.
1941. Стоянка Гремяче. МИА, 2, 1942—8
1950. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, 31, 96—119.
- Воеводский М. В., Формозов А. А.
1950. Стоянка Песочный Ров на реке Десне. КСИИМК, 35, 42—54.
- Вольтер Е.
1889. Археологические коллекции частных лиц в Северо-западном крае. Виленский вестник. 13 декабря, № 269.
- Гуделис В.
1957. Основные черты стратиграфии и палеогеографии голоцена Литвы. Инст. геологии и географии АН Лит. ССР, Научные сообщения, 4, 153—174.
1961. Очерки по геологии и палеографии четвертичного периода (антропогена) Литвы. Odbitka z tomu 34 Prac czwartorzęd Europy środkowej i wschodniej. Warszawa, 423—497.
- Гуделис В., Повилонис С.
1952. Череп ископаемого человека. Природа, 6, 118.
- Гурин Н. Н.
1956. Оленеостровский могильник. МИА, 47.
1960. Новые мезолитические памятники лесной полосы европейской части СССР, СА, № 1, 125—136.
1962. К вопросу о макролитах верхней Волги. ВСИА, 92, 24—28.
1965. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии. Палеолит и мезолит СССР, 5, МИА, 131, 141—203.
- Дебец Г. Ф.
1955. Черепа из эппалеолитического могильника у с. Волоцкого. Советская этнография, 3, 62—73.
- Долуханов П. М.
1963. Послеледниковая история Балтики. Новые методы в археологии, М.-Л.
- Долуханов П. М., Вигдорчик М. Е., Знаменская О. М., Саммет Э. Ю.
1967. Локальные различия в развитии растительности северной Европы в поздне- и послеледниковое время и проблема датировки археологических культур. Baltica, 3, 251—271.
- Ефименко П. П.
1938. Первобытное общество, Л.
1953. Первобытное общество, Киев.
- Замятин С. И.
1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Труды Института этнографии АН СССР, в. с., 26.
1960. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. Труды института этнографии, 54, 80—108.
- Исаенко В. Ф.
1966. Мезолит и неолит Припятского Полесья. Древности Белоруссии, 22—53.
- Кабайлене М. В.
1965^a. Некоторые вопросы стратиграфии и палеогеографии голоцена. Стратиграфия четвертичных отложений и палеогеография антро-

- погена юго-восточной Литвы. Труды Инст. геологии, 2, Вильнюс, 302—335.
- 1965^b. Стратиграфия доинных отложений озер Литвы. Материалы к симпозиуму по истории озер Северо-Запада. Л., 148—151.
1967. Развитие косы Куршо-ярня и залива Куршо-марес. Вопросы геологии и палеогеографии Четвертичного периода Литвы, 5, 181—207.
- Киркор А.
1858. Перечневый каталог предметов, хранящихся в Виленском музее древностей, Вильно.
- Кольцов Л. В.
1965. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. СА, 4, 17—26.
1966. Новые раскопки стоянки Ели Бор. У истоков древних культур, МИА, 126, 178—184.
- Кудаба Ч. П.
1969. Краевые ледниковые образования Балтийской гряды и диагностика динамики края ледника. Материковое оледенение и ледниковый морфогенез. Вильнюс, 155—216.
- Кухаренко Ю. В.
1962. Первобытные памятники Полесья. Археология СССР, Б 1—18, М.
- Левенок В. П.
1962. Раннеолитическая стоянка у с. Долгое на верхнем Дону. КСИА, 92, 76—82.
1966. Мезолит среднерусского Днепровско-Донецкого междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. У истоков древних культур, МИА, 126, 88—98.
- Лисицина Г. Н.
1959. К вопросу об аллереде Прибалтики и о возрасте стоянки территории Северо-Запада Европейской части СССР. Ледниковый период на территории Европейской части СССР и Сибири, М.
- Лозе И. А.
1964. Мезолитические находки Лубанской низменности. Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas vēstis, 3(200), 7—20.
1966. Некоторые мезолитические находки на территории Латвии. МИА, 126, 108—113.
- Малахов М. В.
1884. Стоянки доисторического человека на берегу Немана. Известия Имп. Русск. Геогр. Общ., 19.
- Покровский Ф. В.
1893. Археологическая карта Виленской губернии. Труды Виленского отделения московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. Вильна.
1895. Археологическая карта Гродненской губернии. Труды IX археологического съезда в Вильне, I, М.
1899. Археологическая карта Ковенской губернии. Труды X археологического съезда, III, М.
- Поликарпович К. М.
1934. Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья. Труды II международной конференции АИЧП Европы, V, Л.-М., 75—87.
1957^a. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг. Материалы по археологии БССР, Минск, 5—29.
1957^b. Стоянки среднего Посожья. Материалы по археологии БССР, Минск, 45—148.
- Римантене Р. К.
1960. Стоянка каменного и бронзового века Самантонис. СА, 2, 115—127.
1962. Периодизация и топография поселений каменного и бронзового веков в Литве. Автореферат канд. диссертации. Вильнюс.

1966. Стоянки раннего неолита в юго-восточной Литве. Древности Белоруссии. Минск, 54—62.
1968. Исследования стоянок каменного века в Литве, проводившиеся в 1948—1967 гг. 20 лет археологическим и этнографическим экспедициям Института истории АН ЛССР. Вильнюс.
- Рогачев А. Н.
1957. Многослойные стоянки Костенковского-Боршевского района на Дону. МИА, 59, 9—134.
- Рудинский М. Я.
1928. До питання про культури «мезолітичної» доби на Україні. Антропологія, I, Київ.
1931. Деякі підсумки та ближчі завдання палео-етнологічних вивчень в межах УРСР. Антропологія, 4.
- Сейбутис А.
1970. О чередовании болото- и озерообразовательных процессов в голоцене. История озер СССР. Вильнюс.
- Серебряный Л. П.
1961. К палеогеографии голоцена в районе Балтики (в свете данных радиоуглеродного метода). Вопросы голоцена, Вильнюс, 177—199.
- Серебряный Л. П., Раукас А. В.
1967. Сопоставление готтигляциальных краевых ледниковых образований во впадине Балтийского моря и прилегающих к ней странах. Baltica, 3, Vilnius, 235—249.
- Спицын А. А.
1925. Литовские древности. Tauta ir Zodis, 3, Kaunas, 112—171.
- Телегин Д. Я.
1959. Неолитические памятники среднего течения северного Донца. СА, XXIX—XXX, 159—171.
1966. Мезолит левобережной Украины и его место в сложении Днепровско-Донецкой неолитической культуры. У истоков древних культур, МИА, 126, 99—107.
1968. Дніпро-Донецька культура, Київ.
- Тышкевич Е.
1843. Беглый взгляд на источники местной археологии. Виленский Вестник, 21.
- Формозов А. А.
1954. Периодизация мезолитических стоянок европейской части СССР, СА, 21, 38—51.
1959. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке, М.
- Фосс М. Е.
1941. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье, МИА, 2, 212—235.
- Черныш А. П.
1959. Поздний палеолит Среднего Поднепровья. Труды комиссии по изучению Четвертичного периода, 15.
- Шварцбах М.
1955. Климаты прошлого, М. [M. Schwarzbach, Das Klima der Vorzeit. Stuttgart, 1950].
- Шукевич В. А.
1893. Реферат В. А. Шукевича об археологических местностях в Лидском и Трокском уездах. Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда, Вильна, 96—97.
- Шуля К. С.
1969. Датирование по радиоуглероду голоцена Литвы. Автореферат. М.

- Шуля К. С., Луянас В. Ю., Кибида З. А., Банис Ю. Ю., Генутене И. К.
1967. Стратиграфия и хронология озерно-болотных отложений котловины озера Бебрукас. Вопросы геологии и палеогеографии четвертичного периода Литвы, 5, Вильнюс, 231—239.
- Эдинг Д. Н.
1940. Новые находки на Горбуновском торфянике, МИА, 1, 41—57.
- Яблонските-Римантене Р. К.
1952. Мезолит Литвы. КСИМК, 42, 40—52.
1959. Стоянка каменного века Эйгуляй. Труды прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, 1, М., 11—31.
1966. Периодизация мезолитических стоянок Литвы. У истоков древних культур, МИА, 126, 75—87.
- Янитс Л. Ю.
1966. Новые данные по мезолиту Эстонии. У истоков древних культур, МИА, 126, 114—123.
- Айло, J.
1922. Fragen der russischen Steinzeit. SMYA, 29: 1, Helsingfors.
- Аугрāпā, А.
1959. Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. Acta Archaeologica, 21, 1—43.
- Andree, J. I.
1932. Beiträge zur Kenntnis des norddeutschen Paläolithikum und Mesolithikum, Leipzig
1939. Der eiszeitliche Mensch in Deutschland und seine Kulturen, Stuttgart
- Antoniewicz, J.
1948. Nasz dotychczasowy stan wiedzy o życiu człowieka paleolitycznego w Prusach, Instytut Masurski w Olsztynie, Komunikat działy informacji naukowej, Nr. 1 (19), 1—24.
- Antoniewicz, Wl.
1928. Archeologia Polski, Warszawa
1930. Czasy przedhistoryczne i wczesnodziejowe ziemii Wileńskiej. Wilno i ziemia Wileńska, 1, Wilno, 103—122
1935. Les plus anciens vestiges de l'homme dans la Pologne du nord-est et en Lithuanie. Transactions of the II international conference. . . V, L.-M., 29—46
- Aspelin, J. R.
1877. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, I, Ages de la pierre et du bronze, Helsinki
- Basalykas, Alf.
1955. Geomorfologinė Nemuno upyno slėnių Lietuvos TSR ribose charakteristika. LTSR MA Geologijos ir geografijos inst. Moksliniai pranešimai, Geografija, 1, 48—66
1956. Nemuno upės paleodinaminės fazės Alytaus—Kauno atkarpoje ir kai kurie neotektoninio aktyvumo klausimai. LTSR MA Darbai, Ser. B., 4, 55—68.
1956. Lietuvos TSR fizinė geografija, II. Fiziniai geografiniai rajonai, Vilnius
- La Baume, W.
1925. Zur Kenntnis der frühesten Besiedelung Norddeutschlands. Elbinger Jahrbuch, 4, 86—99
1942. Knochengeräte der Alt- und Mittelsteinzeit aus dem Kreise Mohrunen Ostpr. Altpreussen, 7: 2
- Bernotaitė, A.
1959. Rudnios (Varėnos raj.) akmens amžiaus stovyklos. Iš lietuvių kultūros istorijos, II, Vilnius, 86—102, 346—7
1960. Kašėtu k. (Varėnos raj.) akmens amžiaus stovyklos. LTSR MA Darbai, ser. A, 1(8), 49—73
- Breuil, H.
1937. Les subdivisions du paléolithique supérieur et leur signification. Congrès international d'Antropologie et d'Archéologie préhistoriques. Compte rendu de la XIV session, 2e edit, Seine-et-Marne
- Breuil H., Lantier, R.
1959. Les hommes de la pierre ancienne (paléolithique et mésolithique), Paris
- Bronstedt, J.
1938. Danmarks Oldtid, I, København
- Büttner, P.
1940. Der eiszeitliche Wohnplatz am Pennemoor bei Cuxhaven. Mannus, 32, 448—454.
- Chmielewska, M.
1957^a. Badania stanowiska mezolitycznego w Witowie w pow. Łęczyckim. Sprawozdania Archeologiczne, 3
1957^b. Stanowisko mezolityczne w Cichmianie w pow. Kolskim. Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi, Ser. Archeol., 2
1962. A late palaeolithic and mesolithic site at Witów, district Łęczyca. Archeologia Polska, 4, 77—87
- Chmielewska, M., Chmielewski, W.
1960. Stratigraphie et chronologie de la dune de Witów, district de Łęczyca. Biuletyn Peryglacialny, 8, 133—141; 321—326; 449—453
1961. Les rapports entre la civilisation swidérienne et la civilisation tardénoisienne en Pologne. Bericht Hamburg, 187
- Clark, J. G. D.
1936. The mesolithic settlement of Northern Europe, Cambridge
1954. Excavations at Star Carr, Cambridge
1964. Frühgeschichte der Menschheit, Stuttgart (World Prehistory — An Outline, London, 1962)
- Dowgird, T.
1881—1888. Dziennik badań archeologicznych. Wilniaus V. Kapsuko v. U-to Rankraščiu skyrius
- Dvareckas V., Basalykas A.
1959. Šventosios slėnio struktūros ir slėnių varvų kilmės klausimu. Geografinis metraštis, 2
- Ekholm, G.
1925. Die erste Besiedlung des Ostseegebietes. Wiener Prähistorische Zeitschrift, XII
1926. Lygby-Kultur. Ebert, Reallexikon, VII, 324—6
- Engel, C.
1935. Vorgeschichte der altpreussischen Stämme, Königsberg
- Engel, C., La Baume, W.
1937. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande, Königsberg
- Federowski, M.
1912. Zygmunt Gloger, odbitka z „Ziemi“, Warszawa
- Firbas F.
1961. Anwendbarkeit der Pollenanalyse. Bericht Hamburg, 280—283
- Fromm, E.
1963. Absolute chronology of the late quaternary Baltic. Baltica I, Vilnius, 46—59
- Gaerte, W.
1926. Auf den Spuren des ostpreussische Mammut- und Rentierjägers, Mannus, 18, Leipzig, 253—257
1927. Ostpreussen. Ebert, Reallexikon, 9, 246—269
1929. Urgeschichte Ostpreussens, Königsberg
1931. Ein mesolithischer verzierter „Komandostab“ aus Ostpreussen. Prussia, 29, Königsberg, 92—97
1933. Die mesolithische Feuersteinindustrie Ostpreussens und ihre Stellung innerhalb Europas, Prussia, 30, 227—240
- Garunkštis, A., Stanaitis, A.
1959. Vilkokšnio ežero raida vėlyvajame ledynmečiuje ir poledynmečio pradžioje. Moksliniai pranešimai, 9, Vilnius
- De Geer, E. H.
1954. Skandinaviens geokronologi. Geologische Forsknings i Stockholm, Förhandlingar, 76: 2
- Gloger, Z.
1873. Osady nad Niemnem i na Podlasiu z czasów użytku krzemienia. Wiadomości Archeologiczne, 1, 97, III, 115
1888. Podróż Niemnem. Wisła, 2, 30—84, 248—305
1903. Dolinami rzek, opisy podróży wdluz Niemna, Wisła, Bugu i Biebrzy, Warszawa
- Gramsch, B.
1957. Neufunde von Feuersteigeräten bei Münchhofe, Kr. Strausberg. Ausgrabungen und Funde, 2, 158
- Grewingk, C.
1865. Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland und einiger angrenzenden Landstriche. Schriften der Gelehrten estnischen Gesellschaft, 4, Dorpat
1867. Ueber die frühere Existenz des Renntiers in den Ostseeprovinzen und dessen Kenntnis bei den Eingeborenen derselben. Schriften der Gelehrten estnischen Gesellschaft, 6, Dorpat
1871. Zur Kenntnis der in Liv-, Est-, Kurland und einigen Nachbargegenden Aufgefundenen Steinwerkzeuge heidnischer Vorzeit. Verhandlungen der Gelehrten estnischen Gesellschaft, 7, Dorpat
1882. Geologie und Archeologie des Mergellagers von Kunda in Estland, Archiv für Naturkunde Liv-, Est- und Kurlands, ser. I, 9, Dorpat, 1—72
1884. Die Neolithischen Bewohner von Kunda in Estland und deren Nachbarn. Verhandlungen der Gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat, 12, Dorpat
- Gross, H.
1937^a. Auf den Spuren der Steinzeitjäger vor 8000 bis 2000 Jahren in Altpreussen. Altpreussen, 2: 4, 145—157
1937^b. Der erste sichere Fund eines paläolithischen Geräts in Ostpreussen, Mannus, 29: 1, 113—118
1937^c. Nachweis der Allerödschwankung im süd- und ostbaltischen Gebiet. Beihefte zum Botanischen Centralblatt, 57, Abt. B, Praha, 167—218
Auf den ältesten Spuren des Menschen in Altpreussen Prussia, 32: 1, 84—139
1938^b. Die ältesten Steinzeitfunde Altpreussens (Stand vom 1.4.1938). Altpreussen, 3: 3, 83—85
1939^a. Ein ostpreussischer Vorgeschichtsfund aus der Abschmelzzeit des Inlandeseises, Altpreussen, 4: 2, 33—35
1939^b. Die Bedeutung des Rentierjägerfundes von Bachmann, Kreis Memel. Altpreussen, 4: 3, 65—67
1939^c. Die subfossilen Rentierreste Ostpreussens. Schiften der Phys.—Ökon. Gesellschaft, 71, H. 1
1940. Das Rentier in der Ostpreussischen Vorgeschichte. Altpreussen, 5: 1, 1—4
1941. Mittelsteinzeitliche Funde aus Zinten. Altpreussen, 6: 3, 34—6
1943. Die Altsteinzeit Ostpreussens im Rahmen der Späteiszeitlichen Entwicklung des Südbaltikums. Quartär, 1943
1958. Der heutige Stand der naturwissenschaftlichen Datierungsmethodik im Dienste der Vorgeschichtsforschung. Jahreschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, 41—43, Halle, 73—96
- Gudelis, V.
1955. Lietuvos TSR Baltijos pajūrio geologinės raidos vėlyvajame glaciale ir postglaciale pagrindiniai etapai. Vilniaus Valst. V. Kapsuko v. Un-to Mokslo darbai, 7, Vilnius, 119—139
1958^a. Lietuvos geografinės aplinkos raida geologinėje praeityje. Lietuvos TSR fizinė geografija, 1, Vilnius
1958^b. Vėlyvojo kvartero stratigrafijos ir paleogeografijos klausimai Europoje ir Siaurės Amerikoje naujaisiais duomenimis. Geografinis metraštis, 1, Vilnius
- Gudelis, V., Kabailienė, M.
1958. Alerodinis ir priešalrodinis laikotarpiai Lietuvoje Nopaičio pelkės palinologinių tyrimų šviesoje. LTSR MA Geologijos ir geografijos institutas, Moksliniai pranešimai, 6
- Hohmann, K.
1927. Ein neues Vorkommen der Lyngbystufe in der Mark Brandenburg. Prähistorische Zeitschrift, 18; 3/4, 186—207.
- Indreko, R.
1926. Die Rambachsche Sammlung. Beschreibung der in dem Pernaischen Museum deponierten Rambachschen Sammlung neolithischer Gegenstände. Sitzungsberichte der Altertumsforschenden Gesellschaft in Pernau, 8, 283—344
1936. Vorläufige Bemerkungen über die Kunda-Funde. Sitzungsberichte der Gelehrten estnischen Gesellschaft, 1934
1948. Die mittlere Steinzeit in Estland, Handlungar 66, Stockholm
- Iversen, J.
1937. Undersøgelser over Litorina — transgressioner i Danmark (Forelobig meddelelse). Meddelelser fra Dansk geologisk Forening, 9: 2
1946. Geologisk datering of en senglacial boplads ved Bromme. Aarbøger
1953. Radiocarbon Dating of the Allerød Period. Science, 118
- Jaanits, L.
1965. Die frühneolithische Kultur in Estland. Congressus secundus internationalis Fennougristarum, 2, 12—25.
- Jablonskis, K.
1938—1960. Archeologinių tyrinėjimų dienoraščiai. LTSR MA Centrinės bibliotekos rankraštynas.
- Jablonskytė, R.
1941^a. Mezolitinė stovykla Puvočiuose. Lietuvos praeitis, 1: 2, 3—27
1941^b. Akmens amžiaus stovykla Skaruliuose (Jonavos vls., Kauno ap.). Vytauto Didžiojo Kultūros Muziejaus metraštis, 3—20
- Jablonskytė-Rimantienė, R.
1963^a. Žemųjų Kaniūku IV—I tūkstantmečio pr.m.e. stovyklos. LTSR MA Darbai, ser. A, 1 (14), 65—90
1963^b. Vėlyvojo mezolito stovykla Lampėdžiuose. LTSR MA Darbai, ser. A, 2 (15), 39—53
1964. Kai kurie Lietuvos paleolito klausimai. LTSR MA Darbai, Ser. A, 1(16), 35—51
1965. Radikių akmens amžiaus stovyklos. LTSR MA Darbai, Ser. A, 1(18), 33—45

- 1966^a. Paleolitinės titnago dirbtuvės Ežerų kaime (Alytaus rajone, Raitininkų apyl.). LTSR MA Darbai, Ser. A, 2(21), 87—109
- 1966^b. Maglemozinė ankstyvojo mezolito stovykla Maksimonyse IV (Varėnos raj., Merkinės apyl.). LTSR MA Darbai, Ser. A, 3(22), 43—54
1969. Ankstyvojo neolito stovykla Ežerų kaime. LTSR MA Darbai, ser. A, 2(30), 101—109
- Jorgensen, S.**
1961. Zur Frage der ältesten Küstenkultur in Dänemark. Bericht Hamburg, 440—447
- Kabailienė, M.**
1959. Augalijos raida vėlyvajame ledynmetyje ir poledynmetyje Lietuvos ir pietinės Latvijos pajūrio zonoje. Geografinis metraštis, 2, Vilnius
- Klima, B.**
1957. Übersicht über die jüngsten paläolithischen Forschungen in Mähren. Quartär, 9, 85—130
- Kostrzewski, J.**
1923. Wielkopolska w czasach przedhistorycznych, II, Poznań
1931. Über jungsteinzeitliche Besiedlung der polnischen Ostseeküste. Congressus secundus archaeologorum Baltiorum Rigae, 55—64
- 1939—1948. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów. Prehistoria ziem polskich. Encyklopedia Polska, IV, część I, dział V, Kraków, 118—359
1955. Wielkopolska w pradziejach, Warszawa—Wrocław
- Kozłowski, J. K., Schild, R.**
1964. Über den Stand der Erforschung des späten und ausgehenden Paläolithikums in Polen, Forschungsberichte zur Ur- und Frühgeschichte, 7, Wien, 83—105
- Kozłowski, L.**
1924. Młodsza epoka kamienna w Polsce (neolit), Lwów
- Kozłowski, S. K.**
1965. Niektóre uwagi o polskim mezolicie. II Konferencja, poświęcona problematyce prahistorii pleistocenu i wczesnego holocenu Polski, Warszawa
1967. Z problematyki Polskiego mezolitu (cz. 3), Kultura komornicka na tle mezolitu Europy środkowej. Światowit, 28, 5—32
1968. Z problematyki Polskiego mezolitu (cz. 8), W sprawie tzw. górnego i późnego mezolitu. Archeologia Polski, 13, 2, 443—454
- 1969^a. Z problematyki Polskiego mezolitu. Wybrane zagadnienia z pradziejów dorzecza górnej i środkowej Wisły we wczesnym holocenie. Wiadomości archeologiczne, XXXIV, 1, 70—149
- 1969^b. Z problematyki Polskiego mezolitu (cz. 9). W sprawie granicy paleolitu i mezolitu w Polsce. Światowit, 30, 117—134
- 1969^c. Z problematyki Polskiego mezolitu (cz. 10). Kosciane harpuny i ostrza mezolityczne. Światowit, 30, 135—152
- Kraszewski, J. I.**
1860. Sztuka u Słowian, szczególnie w Polsce i Litwie przedchrześcijańskiej, Wilno
- Krukowski, S.**
1927. Inventarze krzemienne paleolityczne w zbiorze Z. Glogera—M. Federowskiego w Muzeum Archeologicznym PAU. Polska Akademia Umiejętności, Sprawozdania w czynności i posiedzeniu, 31 : 5, 10 : 11
- 1939—1948. Paleolit. Prehistoria ziem polskich. IV, dział V, 1—117
- Kulikauskas, P.**
1959^a. Seniausieji Kuršių Neringos gyventojai. Iš lietuvių kultūros istorijos, 2, 72—85
- 1959^b. Naujai aptikta akmens-žalvario amžių gyvenvietė Palangoje. LTSR MA Darbai, ser. A, 2(7), 33—41
- Kulikauskas, P., Mačionis, A., Žeiba, S.**
1957. Vilniaus mamutas, Mokslas ir gyvenimas, 1, 16—20
- LAB**
1961. **Kulikauskas, P., Kulikauskienė, R., Tautavičius, A.** Lietuvos archeologijos bruožai, Vilnius
- Mathiassen, Th.**
1937. Gudena — Kulturen. Aarbøger
1941. Two new danish implements of reindeer antler. Acta archeologica, 12
1946. En senglacial Boplads ved Bromme. Aarbøger
1948. Danske Oldsager. I Aeldre Stenalder. København
- Mey, W.**
1957. Vorbericht über die Grabung 1957 auf dem endpaläolithischen Fundplatz Berlin—Tegel, Berliner Blätter für Vor- und Frühgeschichte, 6
1960. Jungpaläolithikum und Mesolithikum in Brandenburg. Quartär, 12, 1—51
- Molyn, J. Ch. M. de**
1954. The Bromme Culture, Quartär, VI : 2, 109—117
- Narbutis, T.**
1835—40. Dzieje strożytnie narodu Litewskiego, Wilno
- Nicolescu-Ploşor, C. S.**
1961. Sur le Swidérien en Roumanie. Bericht Hamburg, 614
- Niklasson, N.**
1934. **Alin, J., Niklasson, N., Thomasson, H., Stenaldersboplatsen pa Sandarna ved Göteborg,** 59—150
- Pälsi, S.**
1920. Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpolahti im Kirchspiel Antrea, Län Wiborg, SMYA, 28, 2, 3—19
- Petersen, E.**
Archeologica, 37, 78—185
- Polujanski, A.**
1966. Klosterlun-Sønder Hadsund Bøllund. Acta
1859. Wędrówski po gub. Augustowskiej w celu naukowym odbyte, Warszawa
- Polikarpowitsch, K.**
1935. Das paläolithikum und mesolithikum der Weisrussischen SSR und einiger Nachbargebiete am oberen Dnjepr. Transactions of the II international conference... V., 70—83
- Puzinas, J.**
1935^a. Poledinio Lietuvos gyventojų kultūra, Naujoji Romuva, 12—13 nr., 281—287
1935^b. Vorgeschichtsforschung und Nationalbewusstsein in Litauen, Kaunas
1938^a. Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys (1918—1938 metų Lietuvos proistorinių tyrinėjimų apžvalga). Senovė, IV
1938^b. Stand der archäologischen Forschungen in Litauen. Pirmā Baltijas Vēsturnieku konference Rīgā, 62—69
- Rimantienė R.**
1965. Pirmykštis Zervynų apgyvendinimas. Zervynos, Vilnius, 30—44
- Rothert, L.**
1936. Die Mittlere Steinzeit in Schlesien, Leipzig
- Rust, A.**
1937. Das altsteinzeitliche Rentierjägerlager Meindorf, Neumünster
1944. Über die endglaziale Kulturentwicklung im rechtseibischen Nordeuropa. Offa, 6—7.
1958. Die jungpaläolithischen Zeltanlagen von Ahrensburg, Neumünster
- Sauramo, M.**
1955. Land Uplift with Hinge-Lines in Fennoscandia. Annales Acad. Scienc. Fenn., Ser. A, 44
- Sawicki, L.**
1933. Przemysł świdurski I stanowiska wydmowe-go Świdry Wielkie I. Przegląd archeologiczny, V : 1
1936. Das Alter der Swiderien-Industrie im Lichte der Geomorphologie des Weichselurstromtales der Umgebung von Warschau. Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte anlässlich der Hundertjahrfeier des Museums vorgeschichtlicher Altertümer in Kiel, 8—52
- Schild, R.**
1960. Extension des elements de type tarnovien dans les industries de l'extrême fin de Pleistocène. Archaeologia Polona, 3, 7—64
1964^a. Chronologie du cycle Mazovien. INQUA, Rapport of the VIth international Congress on Quaternary, Warsaw 1961, IV, 363—382
1964^b. „Świdurskie“ stanowiska górnej Wolgi i środkowej Oki a cykl mazowszanski. Archaeologia Polski, 9 : 1
- Schild, R., Więckowska, H.**
1961. O tak zwanym przemyśle swidersko-tardenuaskim. Archeologia Polski, 6 : 2
- Schuld, E.**
1954. Mecklenburg-urgeschichtlich, Schwerin
1958. Mittelsteinzeit, Mecklenburg, Ausgrabungen und Funde, 3, H. 48/5, 162—165
1961. Hohen Viecheln. Ein mittelsteinzeitlicher Wohnplatz in Mecklenburg-Berlin
- Schwabedissen, H.**
1951. Das Vorkommen des Magdalénien im nordwest — europäischen Flachland. Eiszeitalter und Gegenwart, 1, 152—165
1954. Die Federmesser Gruppen des nordwest-europäischen Flachlandes. Offa-Bücher, Neumünster
1957. Das Alter der Federmesser — Ziwilisation auf Grund neuer naturwissenschaftlicher Untersuchungen. Eiszeitalter und Gegenwart, 8
1964. Sinngehalt und Abgrenzung des Mesolithikums nach den Forschungsergebnissen im nördlichen Teil des Europäischen Kontinents. INQUA, Łódź, 383—404
- Schwantes, G.**
1923. Das Beil als Scheide zwischen Paläolithikum und Neolithikum. Archiv für Anthropologie. N.F. 20, H. 1, Braunschweig
1925. Der frühneolithische Wohnplatz von Duvensee. Prähistorische Zeitschrift, 16 : 3
1934—39. Vorgeschichte. Geschichte Schleswig-Holsteins, I, Neumünster
- Seibutis, A., Suknikavičienė, F.**
1960. Apie holoceninių pelkių susidarymo pradžią Lietuvos TSR teritorijoje. Geografinis metraštis, 4
- Stieda, L.**
1888. Constantin Grewings archäologische Arbeiten. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia, 44, 219—253
- Stimming, R.**
1917. Die Rentierzeit in der märkischen Havelgegend, Mannus, 8, Würzburg, 233—240
1928. Die Ancyluszeit in der märkischen Havelgegend. Archiv für Anthropologie, N. F, 49
- Szmit, Z.**
1929. Badania, osadnictwa epoki kamiennej na Podlasiu. Wiadomości archeologiczne, 10, 36—118
- Szukiewicz, W.**
1901^a. Poszukiwania archeologiczne w powiatach Lidzkim i Trockim (gub. Wileńska). Światowit, 3, 3—29
1901^b. Szkice z archeologii przedhistorycznej Litwy, I. Epoka Kamienna w gub. Wileńskiej, Wilno
1907. Poszukiwania archeologiczne w powiecie Lidzkim gub. Wileńskiej. Materiały komisji antropolog.—archeolog. i etnograficzn. Akademii umiejętności w Krakowie, 10.
1910. Ślady epoki kamiennej w gub. Wileńskiej. Kwartalnik Litewski, 1, 18—62
- Sturms, Ed.**
1939. Mezolita atradumi Latvijā. Senatne un Māksla, 1, 31—44
- Talko-Hrynciewicz, J.**
1920, 1923. Z moich wspomnień o dawnych archeologach. Wiadomości archeologiczne, 5 : 1, 2, 65—72; 8 : 2—4, 187
- Tarasenko, P.**
1922. Ieškojimai Neries ir Sventosios santeklyje. Mūsų senovė, 4—5
1924. Panerio pirmykštės kultūros sėdybos (Nuo Kernavės iki Kauno). Kultūra, 7—8, 299—310
1928. Lietuvos archeologijos medžiaga, Kaunas
- Taute, W.**
1957. Spätaltsteinzeitliche Funde aus Berlin-Tegel. Berliner Blätter für Vor- und Frühgeschichte, 6, 1—13
1963. Funde der spätpaläolithischen „Federmesser-Gruppen“ aus dem Raum zwischen mittlerer Elbe und Weichsel. Berliner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte, 62—111
1968. Die Stielspitzen — Gruppen im nördlichen Mitteleuropa, Köln.
- Tyszkiewicz, E.**
1842. Rzut oka na źródła archeologii krajowej, Wilno
1847. Ein Blick auf die Quellen der Archäologie Litthauens. Baltische Studien, 13 : 2, Stettin, 178—218
1850. Badania archeologiczne nad zabytkami przedmiotów sztuki rzemiosł... w dawnej Litwie i Rusi Litewskiej, Wilno.
1872. Archeologia na Litwie. Rocznik dla Archeologów, Numizmatyków i Bibliografów Polskich, Rok 1871, 2—8
- Tyszkiewicz, K.**
1868. O kurchanach na Litwie i Rusi Zachodniej, Berlin
- Toepfer, V.**
1958. Mittelsteinzeit, Sachsen—Anhalt. Ausgrabungen und Funde, 3, H. 3/4, 167—169
- Valatka, V.**
1968. Šarnelės stovykla. Muziejai ir paminklai, 39—42
- Wilczyński, J. K.**
1862. Musée archéologique à Wilno, Paris
- Zilinskas, J.**
1931. Akmens periodo žmogus Žemaitijoje ir Suvalkijoje, Kaunas
- Zotz, L.**
1931. Das Tardenoisien in Niederschlesien. Alt-schlesien, 3, 121—153
- Zotz, L., Freund, G.**
1951. Die paläolithische und mesolithische Kulturentwicklung in Böhmen und Mähren. Quartär, 5, 7—40

Zusammenfassung

I. EINLEITUNG. FORSCHUNGSÜBERSICHT DER ALT-UND MITTELSTEINZEIT IN LITAUEN

Während der ersten Forschungsetappe die von 17. Jahrhundert bis achtziger Jahren des 19. Jahrhunderts dauerte, wurden meistens nur zufällig gefundene neolithische Steinäxte angesammelt und bei den Privatkollektionären aufbewahrt. Seit Mitte des 19. Jahrhunderts wurde das in Ostlitauen gefundene Material auch in das von E. Tiszkiewicz 1856 gestifteten „Museum der Altertümer“ an der Universität Vilnius gesammelt. Das in Westlitauen gefundene Material häufte sich in den Museen der „Alttertums-gesellschaft Prussia“ (gest. 1844) und der „Physikalisch-ökonomischen Gesellschaft“ (gest. 1790) in Königsberg.

Die Funde Ostlitauens wurden von E. Tiszkiewicz, I. J. Kraszewski, C. Grewingk und J. R. Aspelin bekannt gegeben. Die genannten Forscher führten das Material der Steinzeit Litauens als Erbe dieser Periode in die wissenschaftliche Literatur ein. Doch aus dem uns interessierenden Zeitabschnitt (Alt- und Mittelsteinzeit) wurden in die wissenschaftliche Literatur nur drei Fundstücke eingeführt (eine Geweihaxt, ein Vogelpfeil und ein Kernstein). Während der zweiten Etappe begannen die Forscher selbst das Material auf den Feldern zu sammeln. Die berühmtesten Forscher dieser Zeit in Ostlitauen sind Z. Gloger, W. Szukiewicz, in Mittellitauen T. Daugirdas und in Westlitauen O. Tischler, A. Bezenberger, E. Hollac. Zu dieser Zeit wurde das Material oft bekanntgegeben. In den Jahren 1893, 1895 und 1899 wurde das ganze Material Ostlitauens in die F. Pokrowskis Archäologischen Karten von Kaunas—, Vilnius— und Grodnogouvernement, und das Material Westlitauens— in die 1908 von E. Hollac zusammengestellte Ostpreussische Archäologische Karte eingetragen und veröffentlicht. Die III. Etappe der Forschungen zeichnete sich zwischen dem I. und dem II. Weltkrieg ab. Die Sammlun-

gen der Steinzeit gelangten in die Museen drei Staaten (Litauens, Polens und Deutschlands). Zu dieser Zeit bereicherte sich das Kulturmuseum in Kaunas an Steinzeitfunden.

Eine Übersicht über die litauische Archäologie veröffentlichte A. Spicin im Jahre 1925, aber die Funde der Altsteinzeit und der Mittelsteinzeit in Litauen waren ihm noch beinahe unbekannt. Er wies nur allgemeine Richtpunkte dieses Zeitabschnittes hin. Im Jahre 1928 erschien P. Tarasenkas Verzeichnis des archäologischen Materials mit einer Landkarte, in der schon etwa 115 Steinzeitfundorte bezeichnet waren. Seine Erklärungen beruhen auf A. Spicins Schema. Eine mehr auf einheimischen Material begründete Periodisierung der Steinzeit in Litauen veröffentlichte Wl. Antoniewicz (1930, 1935) auf Grund der alten Sammlungen in Vilnius. Das neu angesammelte Material gab J. Puzinas (1935 a, 1938 a) bekannt. Während der III. Etappe waren schon ziemlich viele Funde aus der Alt- und der Mittelsteinzeit angesammelt und nun folgte die qualifizierte Interpretation dieses Materials. Die IV. Etappe begann nach dem zweiten Weltkrieg. Für sie sind systematische Ausgrabungen kennzeichnend. Das Altsteinzeit- und das Mittelsteinzeitmaterial wurde von P. Kulikauskas (LAB 1961) und der Verfasserin (1959, 1960, 1962, 1963 a, 1963 b, 1964, 1966 a, 1966 b, 1966 c) bekanntgegeben und charakterisiert.

Das Ziel dieses Werkes ist, auf Grund des ganzen angesammelten Material das Prozeß der Ansiedlung des litauischen Territoriums von den ersten Bewohnern bis Neolithikum zu kennzeichnen. Die Geschichte der Lebensweise wird nur so weit behandelt, wie es unentbärlich ist, um die ethnokulturellen Fragen zu lösen. Zum Teil für dasselbe Ziel, zum Teil, um die Chronologie genauer zu bestimmen, werden in diesem Werk die geomorphologischen Angaben angezogen.

1. **Naturverhältnisse während der Arktischen Periode.** Als das Gletschereis das Territorium Litauens zu befreien begann, bot der Überfluß vom Wasser und das Klima der Altdryaszeit dem Menschen keine Ansiedlungsmöglichkeiten. Geringe Lebensbedingungen entstanden nur in der Böllingerschwankungszeit, als der Rand des Gletschers an den Endmoränen Mittellitauens lag (Abb. 1). Zu dieser Zeit konnten nur einzelne kleine Jägergruppen auf einem Ort einige Zeit verweilen, zur Erhaltung dieser Kulturschichten sollten aber besondere Verhältnisse

gewesen sein müssen. Zu dieser Zeit gab es in Litauen Eiszeittiere, unter ihnen auch Mammute, es ist trotzdem kein bearbeiteter Mammutenknochen gefunden worden.

2. **Die Spuren der allerersten Ostbaltischen Bewohner** sind aus dem Kaliningrader Gebiet und aus Nordpolen bekannt (La Baume, 1925, Gross, 1937 a, 1938 a, 1938 b). Das sind Renngeweihe mit eingeritzten Rillen und ein Dolch aus Knochen. Die Bewohner waren wahrscheinlich aus dem Hamburger Kulturkreis gekommen.

III. ALTSTEINZEIT

1. **Naturverhältnisse in der Allerödschwankungszeit und im Spätdryas.** Die Bedingungen für das ständige Leben in Litauen entstanden nur in der Allerödschwankungszeit. Während dieses Zeitabschnittes erreichte die Grenze der Gletscher fennoskandische Endmoränen. Es entstanden viele abfließende Seen, die Tierwelt war mannigfaltiger geworden. Im Baltischen Bassin herrschte noch ein Süßwassereismeer (Abb. 2). In den Tälern der litauischen Flüsse formierte sich die zweite Überauenterasse, die in der zweiten Hälfte der Allerödschwankungszeit bewohnt wurde. Die Allerödschwankungszeitschichten werden schon in Sümpfen aller Teile Litauens gefunden, in denen Blütenstaub sogar wärmeliebender Gewächse vorkommt. Die Kulturschicht der Allerödschwankungszeit ist meistens aus feinkörnigem Sand gebildet, der auf quer gestreifter und mit deutlichen Ortsteinstreifen begrenzter Sandschicht liegt (Abb. 21, 29). Im Spätdryas begannen minerogenen Niederschläge auf den Terrassen zu häufen, und Dryaszeitlehm hilft oft die Kulturschichten zu datieren. Dort, wo neben der II. Überauenterasse hohe lehmige Ufer ragten, lebte in Spätdryaszeit niemand. Zu dieser Zeit wurden die Wohnplätze meistens auf der III. Überauenterasse, weit von den jetzigen Ufern der Ströme gegründet (Puvočiai, Ežerynas, Mitriškės, Raudondvaris). Nur in der zweiten Hälfte der Spätdryaszeit wurde die II. Überauenterasse wieder angesiedelt.

2. **Die Ethnokulturgruppen am Ende der Altsteinzeit in Litauen.** Man unterscheidet in Grundzügen zwei Gruppen: die Baltisch-Magdalénienkulturgruppe und die Swidry-Kulturgruppe.

A. **Die Baltisch-Magdalénienkulturgruppe.** Unter diesem Namen verallgemeinert man alle Fundkomplexe in Litauen, die man genetisch mit den späteren Magdalénienderivaten am östlichen und südöstlichem Ostseestrande (Ahrensburg, Bromme, Lyngby) verbinden kann. Die Baltisch-Magdalénienwohnplätze werden in Süd- und Mittellitauen (Abb. 5) getroffen.

1. **Die kennzeichnendsten Baltisch-Magdalénienstationen in Litauen.** Eine der kennzeichnendsten Fundplätze ist Vilnius (West) (Abb. 6). Die gefundenen Pfeilspitzen sind breit, mit spitzem Stiel. Als Spitzen dienen auch rückentretuschierte Messerchen. Die Schaber sind ziemlich groß und breit, die Stichel — meistens Eckstichel. In Südlitauen, in der kleinen Station am See Ilgis (Abb. 7) wurde auch ein ähnlicher Gerätekomplex gefunden. Einige Stationen desselben Typus wurden in den Fundplätzen Mitriškės 6 a (Abb. 8) und in der Nähe des Dorfes Smalninkai gefunden. Es unterscheidet sich eine Gruppe von Wohnplätzen, in denen die Pfeilspitzen viel breitere Stielspitzen haben, oft mit einem Schlagbuckel, wie z. B. in den Wohnplätzen: Maskauka 6 (Abb. 9), Ežerynas 9, 15 (Abb. 12), 16 (Abb. 11), Derėžnyčia 31 (Abb. 13). Aus den früher zufällig angesammelten Kollektionen sind magdalénische Pfeilspitzen aus den Fundorten Kašėtos (Abb. 16), Rudnia (Abb. 17), Gribaša (Abb. 18: 1—7) zu erwähnen. Die dritte Gruppe bilden die Wohnplätze, in denen die Pfeilspitzen Kerbspitzen sind, z. B. am See Glynas (Abb. 14.), Maksimonys I (Abb. 15), Kašėtos (Abb. 16: 1—2), Rudnia (Abb. 17: 1—3).

2. **Der Zusammenhang mit den benachbarten Magdalénienfundkomplexen.** In den Wohnplätzen Litauens sind inzwischen Funde nur aus Feuerstein bekannt. Alle gefundenen Geräte aus Feuerstein kann man die erste Gruppe, wie z. B. Vilnius, Ilgis, Mitriškės 6a, mit der Ahrensburger Kultur vergleichen. Die zweite baltische Wohnplatzgruppe steht dem Bromme-Lyngby Typus näher, aber nicht dessen ältesten Phasen. Die dritte Gruppe ist mehr den östlichen Fundkomplexen eigen. Nach den geomorphologischen Angaben der Wohnplätze Litauens kann man sie mit dem westbaltischen chronologischen System synchronisieren. Die erste Gruppe wird nur in Spätdryaszeit und Praeborealis getroffen, die

zweite beginnt ein wenig früher. Zu der Baltisch-Magdalénienkultur sind auch Geräte aus Geweih und Knochen hinzuzurechnen. Das sind die spindel- und ruderförmige Lanzenspitzen (Abb. 20) aus einer Mergelgrube Kalniškiai (in Klaipėda) und aus manchen Ortschaften des Kauninger Gebiets. Zu demselben Kulturgebiet gehören auch Lyngby-Beile, Harpunen und Dolche. Da die Baltisch-Magdalénienfunde nicht nur an dem südlichen Strande der Ostsee, sondern auch auf den Inseln vorhanden sind, kann man den ganzen baltischen Raum auch geographisch verbinden. Die wichtigste Rolle eines Vermittlers zwischen Westen und Osten spielte wohl der untergesunkene Strand der Ostsee (Abb. 57). Aber auch aus den typischsten Beispielen ist zu ersehen, daß die südwestliche und die ostbaltische Kulturen nicht identisch sind. In Litauen läßt sich der östliche Charakter spüren, die meisten Fundkomplexe sind sogar unter einem beträchtlichen Einfluß der Swidry-Kultur (Abb. 58—66).

B. Die Swidry-Kulturgruppe. Das kennzeichnendste Merkmal dieser Gruppe ist die Erhaltung mancher fernen Solutre-Kulturüberbleibsel bis Ende der Altsteinzeit. Infolgedessen sind Geräteformen entstanden, die sich von den Magdalénienformen unterscheiden. Es unterscheidet sich auch der ganze Kulturcharakter. Wenn man nicht imstande ist, die litauischen Magdalénienkomplexe in eine Entwicklungskette zu verbinden, so eben ist es der Fall bei den Swidry-Kulturkomplexen, denn die Swidry-Kultur entwickelte sich hier an der Stelle. Darum können wir die Swidry-Kulturkomplexe in mindest drei typologisch-chronologische Gruppen teilen.

1) Die Denkmäler der I. Swidry-Kulturgruppe in Litauen. Zu der frühesten Denkmälern kann man die Wohnplatzgruppe Eiguliai (die Vorstadt von Kaunas) A, B, D zählen. Sie befindet sich auf der II. Überauenterrasse des Flusses Neris. Die Funde lagen unter einer fossilen Humusschicht auf Sand mit Ortsteinstreifen. In den Kulturschichten gab es auch Feuerstellenüberbleibsel. Die meisten Funde sind wenig bearbeitete Pfeilspitzen ohne Stiel, lange und schmale Schaber, Mittel- und Eckstichel, Kernsteine mit zwei Schlagflächen und eine geritzte Steinplatte (Abb. 22—31). Ein Fundort desselben Typus war auch Pypliai (Abb. 32). Manche spätere Züge hat die Siedlung Skaruliai (Abb. 33, 34): obwohl die Pfeilspitzen auch hier meistens ohne Stiele sind, gibt es hier weniger längliche als breite Schaber, die Stichel sind meistens Seitenstichel, es gibt schon manigfaltigere Geräteformen (Taf. II). Außerdem sind Funde der I. Gruppe in folgenden Ortschaften bekannt: Rudnia (Abb. 36). Gribaša, Kašėtos (Abb. 37), Marcinkonys.

2) Die Denkmäler der II. Swidry-Kulturgruppe in Litauen unterscheiden sich dadurch, daß die Pfeilspitzen ohne Stiel gewöhnlich kürzer und breiter sind, die Stielspitzen treten aber zahlreicher auf. Die Spitzen sind meist an beiden Enden retuschiert. Die Schaber sind deutlich kürzer, die Stichel sind kurz und breit. Ein geringer Einfluß des Magdalénien und des Azylien ist zu bemerken. Kennzeichnend ist die Lage dieser Wohnplätze auf der III. Überauenterrasse.

Puvočiai ist eine der bedeutendsten Wohnplätze, in der sich Fundhäufungen mit mehreren Nestern ausgezeichnet haben. Die Pfeilspitzen machen beinahe einen Drittel aller Funde aus, die meisten sind bestielt. Die Schaber machen etwa eine Hälfte der Zahl der Pfeilspitzen aus, die meisten sind länglich, die Stichel — meistens Mittelstichel (Abb. 39—41). Neben den Wohnplätzen mit vielen Fundhäufungen kommen auch kleine, mit einer Fundhäufung, wie Eiguliai I C (Abb. 43, 44), Ežerynas I, 4, 14 (Abb. 47—50), an dem See Glynas 3 und I (Abb. 51—53), Mardosavas 3 (Abb. 54) u. a.

3. Der Zusammenhang mit den benachbarten Denkmälern der Swidry-Kultur. Den Grundzügen und dem Mengenverhältnis der Gerätetypen nach (Taf. II, III) kommt die erste Swidry-Kulturgruppe in Litauen und in Belorußland nicht aus dem Rahmen der Frühgruppe des sogenannten Masowischen Zyklus in Polen heraus. Nach Litauen ist sie aus Südwesten hergebracht worden, wahrscheinlich ohne den Raum der Mazurischen Seen und das westlich des Flusses Nemunas (Memel) gelegene Gebiet zu streifen, und verbreitete sich diesem Flusse entlang bis zur Einmündung des Flusses Neris (Vilija) (Abb. 35). Bis zum Ende der Altsteinzeit sind Fundkomplexe erhalten, in denen mehr Züge der I. Gruppe zu bemerken sind. Daraus folgt wohl, daß die II. Gruppe von der zweiten Swidry-Kulturwelle hergebracht worden sei. In der Tat sollen am Ende der Altsteinzeit die Vertreter beider Gruppen gleichzeitig gewohnt haben. Die II. Gruppe steht der sogenannten Pludy-Kultur in Polen sehr nahe. Ihr ist die Erscheinung mancher azyliischen Elemente, sowohl hier wie auch in Polen, kennzeichnend.

C. Die gegenseitige Wirkung der Magdalénien- und der Swidry-Kulturen ist nicht gleichartig. Daran wird auch die Zugehörigkeit bestimmter Fundkomplexe der einen oder der anderen Kulturzone entschieden. Die Swidry-Kultur übergibt der Magdalénienkultur vor allem die handwerkliche Traditionen: das Spalten langer Klingen von einem prismoiden Kernstein und die Swidry-Retusche. Die Magdalénienkultur übergibt der Swidry-Kultur einige Typen der Geräte, insbesondere breite kurze Stielspitzen. Die Swidry-Kultur beeinflußt die Magdalénienkultur als erste; ein wenig später spürt man Ein-

flüsse der Magdalénienkultur auf die Swidry-Kultur.

1. Magdalénienkulturkomplexe mit Swidry-Kultureigenarten werden schon am Ende der Allerödschwankungszeit vorgefunden, wie z. B. der Wohnplatz Kašėtos 16 (Abb. 58), wo allein die Stielspitze Swidry-Retusche trägt. In dem Wohnplatz desselben Zeitabschnittes Šilelis 2 (Abb. 59) ist sowohl die Retusche der Kehrseite der Pfeilspitzen, die Verjüngung und das Längerwerden des Pfeilspitzenblattes, wie auch das Gebrauch des Kernsteins mit zwei Schlagflächen unter dem Einfluß der Swidry-Kultur zu bemerken. Das Längerwerden der Schaber sollte auch der Swidry-Kultur zugerechnet werden. Der Einfluß derselben Kultur ist sowohl in den Fundkomplexen Mergežeris 3 (Abb. 60), Ežerynas 8, 17 (Abb. 61—64), Nendriniai (Abb. 65), wie auch in manchen Wohnplätzen in Nordostpolen und Brandenburg festzustellen. Der Einfluß der Swidry-Kultur auf die hiesigen Denkmäler in Südostbelorußland ist älter, als in Litauen, denn dieser Einfluß ging anderen Weges (Abb. 57).

2. Die Swidry-Kulturkomplexe mit Eigenarten der Magdalénienkultur kommen meistens nur in Jungdryas vor. Charakteristisch ist die untere Kulturschicht des kleinen Wohnplatzes Raudondvaris (Abb. 67—69). Fundreich ist das Material aus der unteren Kulturschicht des Wohnplatzes Netiesai 1 (Abb. 70—75). Viele Wohnplätze dieser Gruppe sind im Bassin des Flusses Merkys bekannt (Abb. 76—77). Am Ende der Altsteinzeit ist auch in der Swidry-Kulturkernzone (in Masowien und ganz Polen) so ein Einfluß festzustellen. Es soll gesagt werden, daß in der Peripherie (in Litauen und Belorußland) dieser Einfluß älter ist, denn da lebten beide Kulturgruppen nebeneinander.

3. Charaktermerkmale der Altsteinzeitkultur in Litauen. Ein bedeutender Unterschied zwischen den Kulturkomplexen hat meistens ethnokulturellen aber nicht chronologischen Charak-

ter. In breiten Zonen verbreiteten sich die Kulturen beinahe gleichzeitig. Allerödschwankungszeit sollte eine Periode stürmischer Umsiedlungen gewesen sein. Dies läßt auch territorial sehr entfernte Fundkomplexe synchronisieren. Die kennzeichnendste Übersiedlungsperiode ist die zweite Hälfte der Allerödschwankungszeit, als die Wälder schon überall verbreitet waren. Zu dieser Zeit stellen sich neben den reinen auch gemischte Kulturgruppen heraus. Das ist den weiten ehemaligen Gletscherrandgebieten Europas charakteristisch. Die allerödschwankungszeitlichen Fundkomplexe haben noch keine azyliischen Elemente, denn es ist ein Spätdryaszeitmerkmal. Die Knochen und Geweihgeräte ist das zweite zwischenkulturelle Spätdryaselement. Während der ausgehenden Altsteinzeit entstand ein bestimmtes beschränktes Territorium, in dem die Bewohner miteinander Kontakt hielten. Die Größe und die Aufstellung der Wohnplätze hängt oft von der Kulturgruppe ab. Die Einheimischen Swidry-Kulturwohnplätze sind gewöhnlich groß, mit mehreren Fundhäufungen; vermutlich wiederholt aufgesucht. Nicht lange während, klein und gewöhnlich nur mit einer Fundhäufung sind die Wohnplätze der aus fernen Gebieten herangesiedelten Magdalénienkulturvertreter. Ein ähnliches Bild bietet sich auch in den Feuersteinrohstoffsammelorten; in den Swidry-Stationen sind nebst Abschlägen nicht wenig feine Klingen liegen geblieben, aber aus den Magdalénienstationen sind alle Klingen mitgenommen und weggeholt (Ežerynas). In Spätdryas wird mehr untereinander verkehrt, deshalb sind die Kulturgrenzen des ganzen Gebiets deutlicher geworden, obwohl sie von den Naturhindernissen nicht abhängig waren. Dieser Raum grenzt im Westen an die Oder, im Süden an die Karpaten, im Osten bis an den westlichen Teil Polesie, im Norden an Mittellitauen und die Ostsee.

IV. MITTELSTEINZEIT

1. Naturverhältnisse in der Mittelsteinzeit. Die deutlichste Grenze zwischen der Alt- und Mittelsteinzeit ist die Grenze zwischen Spätdryas und Praeborealis, was sich ganz deutlich in der Topographie der Fundplätze schildert. Diese Grenzen hängen auch von nur archäologisch wahrnehmbaren kulturgeschichtlichen Faktoren ab. Die Wohnplätze des Praeborealis, der Yoldia-Meeresszeit, werden auf der I. Überauenterrasse, weit von den jetzigen Ufern entfernt, vorgefunden. Während der Ancyclus-Periode werden die Wohnplätze zum Ufer der I. Überauenterrasse näher gerückt. Während der Litorina-Periode wird die Auenterrasse besiedelt. Die

II. und III. Überauenterrasse werden erst während der II. Litorina-Transgression für kurze Zeit wieder bewohnt.

2. Das Schicksal der ausgehenden Altsteinzeitkulturen während der Nacheiszeit. Die Praeborealiskultur steht den Typen der Geräte nach noch der Altsteinzeitkultur nahe, deshalb zieht es diesen Zeitabschnitt Epipaleolithikum zu nennen. Der Anfang dieses Zeitabschnittes wird paleoklimatisch bezeichnet, nur das Ende dieser Periode kann nicht bezeichnet werden, denn die neue, allein der Mittelsteinzeit charakteristische Kultur entstand zu der Zeit, als noch die erwähnte epipaleolithische Kultur existierte. Auf

diese Weise wird hier Epipaleolithikum nicht allein als chronologischer, sondern auch zuallererst als kulturgeschichtlicher Begriff behandelt. Die Verschmäzung aller Altsteinzeitkulturgruppen und der Anschluß nur der Mittelsteinzeit charakteristischen Elemente ist dieser Gruppe kennzeichnend. Charakteristisch für diese Gruppe sind die Swidry-Pfeilspitzen mit dornförmigem Stiel, meistens nur mit Randretusche, und die Magdalénienpfeilspitzen, die nicht so steil wie früher retuschiert und kleiner sind. Die typischen Schaber des Epipaleolithikums sind breit und groß, sie treten jetzt zahlreich auf. Die Stichel sind auch kurz und breit. Es verbreiten sich Knochen- und Geweihgeräte des altsteinzeitlichen Typus: Harpunen mit Wiederhacken, kleine Meisel, spindelförmige und dreikantige Speerspitzen, Dolche (Abb. 100—102). Die bedeutendsten Wohnplätze dieses Typus sind: Pamerkinė (Abb. 86, 87), der Zwischenseewohnplatz am See Glynas (Abb. 89), Dubičiai 2 (Abb. 90—93), Jakštonys (Abb. 94), Drąseikiai (Abb. 95, 96), Saleninkai 2, 3 (Abb. 97, 98).

Am Ende des Epipaleolithikums übersiedelte ein Teil der Bewohner nach Osten, Norden und Süden Europas. Es entstanden neue Kulturgebiete weit von den Grenzen des Grundgebiets entfernt.

3. Denkmäler der Maglemosekultur in der Frühmittelsteinzeit sind auf dem Rande der I. Überauenterrasse zu finden. Einer der deutlichsten Beispiele ist Maksimonys 4 (Abb. 103—108). Alle in diesem Wohnplatz gefundenen Pfeilspitzen können lanzettförmig genannt werden, obwohl sie sich in Einzelheiten von der erwähnten Form unterscheiden. Hier gibt es keine Mikrolithen. Die Schaber sind aus großen Abschlägen, seltener aus Klingen gemacht worden. Es gibt hier schon auch Kernbeile. Diese Kultur ist keine Fortsetzung der einheimischen Kultur. Sie ist aus Westen hergebracht und hat eine gerade Verbindung mit solchen Wohnplätzen, wie Klosterlund, Star-Carr. Nirgends verweilt diese Kultur längere Zeit, denn schon in der Ancylus-Periode ergriff sie die Mikrolithisationswelle. Auch Knochen- und Geweihgeräte sind der Maglemosekultur kennzeichnend, solche Geräte waren aber im Laufe der ganzen Mittelsteinzeitperiode vorhanden, deshalb werden sie weiter erwähnt werden.

4. Die mikrolithisch-makrolithische Kultur in Litauen entstand im Laufe der Borealis-Atlantiszeit. Sie besteht aus drei Komponenten: aus dem swidrischen, dem mikrolithischen und dem makrolithischen. Sie ist einheimisch, deshalb können alle Fundkomplexe leicht in eine Entwicklungskette verbunden werden. Der Topographie der Wohnplätze nach werden 3 chronologische, nicht gleiche Zeit währende Abschnitte unterschieden.

a) Die Charakteristik der Fundkomplexe des I. Abschnittes. Für diese Wohnplatzgruppe ist die Lage auf der Auenterrasse kennzeichnend. Sie gehört in die Periode vor der maximalen Litorina-Transgression. Von dem Maglemose-Fundkomplexe unterscheidet sich dessen Inventar durch das Auftreten und die Verbreitung der Mikrolithen und durch die Erhaltung der Swidry-Elemente. Der deutlichste Beispiel ist der Wohnplatz Paštuva (Abb. 110—113). Aus den Swidry-Typen ist die Pfeilspitze und ein Bruchstück einer Lanzenspitze zu erwähnen. Die meisten Pfeilspitzen sind aber unregelmäßige Klingenspitzen und lanzettförmige Spitzen. Die Mikrolithen sind fein bearbeitete Harpunenschneiden. Es gibt viele breite, lange Klingen, große Schaber (es gibt aber auch kleine) und Stichel, Messerchen mit schräg retuschierten Enden, sehr wenig Sonderformen, und Kernbeile. In Litauen gibt es nicht wenig Wohnplätze dieses Typus, obwohl sie meistens sehr schlecht erhalten sind, was von ihrer Lage auf der Auenterrasse abhängig ist. Es sind folgende Wohnplätze zu erwähnen: Brūžė (Abb. 114), Derėžnyčia 15 (Abb. 115), 16, 29, Kačerginė, Virbaliūnai u. a.

b) Der II. Abschnitt. Diese Fundkomplexe kommen auf der II. und III. Überauenterrasse vor und gehören zum Zeitabschnitt der maximalen (II) Litorina-Transgression. Die Grundtypen der Geräte bleiben dieselben, wie auch in der I. Gruppe. Nur ein deutliches Kleinerwerden der Geräte ist zu bemerken. Die Zahl der großen Schaber vermindert sich. Die Zahl der kleinen im Gegenteil vergrößert sich. Viel seltener treten große, breite Klingen auf. Die Grundtypen der Mikrolithen sind noch immer Harpunenschneiden, aber in manchen Wohnplätzen kommen schon Trapezen vor. Die Kernbeile sind viel regelmäßiger. Die hoch gelegenen Wohnplätze sind oft besser erhalten. In der Kulturschicht dieser Wohnplätze werden Feuerstellen-, Gruben und Pfalspuren vorgefunden. Die bedeutendsten Wohnplätze dieser Art ist Raudondvaris (die mittlere Kulturschicht) (Abb. 116), Kaniūkai 1 (die untere Kulturschicht) (Abb. 117—121), Netiesai 1 (die mittlere Kulturschicht) (Abb. 122—125), Merkinė (am Hange des Flusses Merkys) (Abb. 126, 127), Druskininkai 7 (Abb. 128) u. a.

c) III. Abschnitt fällt in die Zeit nach der maximalen Litorina-Transgression. Die Wohnplätze werden auf der Auenterrasse vorgefunden, aber gewöhnlich weit von den heutigen Ufern entfernt. In dem Fundmaterial sind jetzt deutliche Spuren der Mikrolithisation festzustellen. Die Swidry-Pfeilspitzen verlieren gänzlich ihre altsteinzeitlichen Züge. In allen Wohnplätzen treten jetzt Trapezen nebst Harpunenschneiden auf. Große Schaber werden jetzt zu Seltenheit. Die Stichel machen einen sehr kleinen Teil des In-

ventars aus. Es gibt schon keine klare Altsteinzeitgerätetypen. Die bekanntesten Wohnplätze sind Lampėdžiai (Abb. 129—132), Kampiškės (Abb. 134), Saleninkai 1 (Abb. 135), 2a (Abb. 136), Derėžnyčia 27, 52 u. a.

2) Die charakteristischen Merkmale des Mesolithikums in Litauen. Die Grundtypen des Mesolithikums sind aus Feuerstein, Knochen und Geweih. Beinahe alle Feuersteingeräte treten als Wohnplatzfunde auf, deshalb ist ihre Entwicklung aus den Beschreibungen der Fundorte klar. Alle Geräte aus Knochen und Geweih sind indessen Einzelfunde und können nur mittels der typologischen Vergleichung angezogen werden. Nach den Feuersteinschneiden, die in den Wohnplätzen vorgefunden werden, kann man am besten die Vogelpfeile (Abb. 142) mit den Wohnplatzfunden verbinden. Sie sind während des ganzen Mesolithikums vorhanden. Die jüngsten sollten wohl eine lange Geweihspitze haben. Mit den Kernbeilen könnte man die vorgefundenen Geweihschäftungen (Abb. 144) verbinden. Die mesolithischen Harpunen sind fein gezahnt oder mit spärlichen und ausgedehnten Wiederhacken (Abb. 109). Sehr selten kommen Harpunen mit einem Zahn vor (Abb. 109: 7), die dem Ende des Mesolithikums wohl angehören. Der einzige Dolch mit einem Griff soll (Abb. 143) der Litorina-Periode gehören. Es ist nicht wenig kurze Äxte (Abb. 145: 1,2) mit einem eingeschlagen oder ausgebohrten Schäftungsloch vorgefunden worden. Sie sind im Laufe des ganzen Mesolithikums vorhanden und gehen ins Neolithikum über. Der zweiten Hälfte des Mesolithikums gehören die langen Äxte mit einem Loch an der Stelle der abgeschnittenen Geweihsprosse (Abb. 145: 3). Dem Ende des Mesolithikums gehören

auch Bruchstücke einiger Lochstäbe (Abb. 146: 1,2).

5. Die Entstehung und Verbreitung der mikrolithisch-makrolithischen Kultur. Der erste Bestandteil — das Swidry-Kulturerbe — kommt von der Altsteinzeit. Der größte Teil dieses Erbes sind Pfeilspitzen, manche Stichel, prismoide Kernsteine. Ihre Bearbeitung ist aber viel nachlässiger geworden. Ihre Zahl ist nicht groß, aber das ist einer der Grundzüge, der das Ostbaltische Kulturgebiet von den benachbarten Gebieten unterscheidet. Die kleine Zahl der Funde dieses Typus zeigt trotzdem, daß der größte Teil der epipaleolithischen Bewohner übersiedelt worden sein soll. Der zweite Bestandteil sind die Makrolithen, die mit den Maglemosekultur zu verbinden sind (es ist auch möglich, die mesolithischen Kernbeile mit den uns bekannten Swidry-Kultur-Äxten zu verbinden). Der dritte Bestandteil sind Mikrolithen geometrischer Formen, die mit vielen Kulturgruppen einen Zusammenhang haben. Sie sind als Zwischenkulturelemente durch längere Zeit allmählich hergebracht worden. Dreieckige ausgedehnte regelmäßige Messerchen treten schon in den Maglemose-Wohnplätzen auf. Weiter werden sie von den lanzettförmigen Spitzen verdrängt. Die Trapezen treten allmählich nur am Ende der Mittelsteinzeit vor. Ihr Verbreitungszentrum sollte im Südwesten oder sogar im Süden gesucht werden. Die Harpunenschneiden sind wohl auch mit Süden oder gar Osten zu verbinden, denn in Westen tragen sie keine Retusche. Beinahe alle Knochen- und Geweihgeräte gehören dem Assortiment der Maglemosekultur an, obwohl ihre Herkunft manchmal nicht in der erwähnten Kultur zu suchen ist.

V. NACHWORT

Nachdem man die ganze Hinterlassenschaft des ausgehenden Paläolithikums und Mesolithikums besichtigt hat, gewinnt man die Vorstellung, daß die Besiedlung Litauens von mehreren Kulturzentren aus statgefunden hat. Jedes Kulturzentrum hat sein eigenes Kulturschatz mitgebracht. Man sollte meinen, daß die neuen Ansiedler verschiedenen ethnischen Gruppen angehört haben.

Antropologische Angaben sind sehr wichtig. Aus den wenigen Schädeln, die in Kamšai (Kirsna), Kebeliai, Turlojiškė gefunden sind, ist herauszustellen, daß in der Mittelsteinzeit und im Frühneolithikum Vertreter mehrerer anthropologischer Typen gewesen sind, obwohl sie alle der großen Rasse der Europeoiden angehören.

Um die Mitte des Mesolithikums wurde aus all den mitgebrachten Elementen ein Gesamttypenschatz gebildet, das in einem abgegrenzten

Teritorium verbreitet ist, und das läßt sich mit recht als lokales Mesolithikum klassifizieren — die mikrolithisch-makrolithische Kultur. In Lettland und Estland erstattete die Welle der Maglemosekultur in Verbindung mit östlichen Einflüssen eine andere Kulturgruppe zu entstehen — die Kunda-Kultur, die auch in Nordlitauen zu spüren ist.

Die uneinheitliche Besiedlung Litauens in der Alt- und Mittelsteinzeit hinterließ deutliche Spuren auch im Neolithikum und in den späteren Zeitabschnitten. Das heißt, daß seit den ältesten Zeiten die ost- und westlitauischen Gebiete sich voneinander unterscheiden. Die Narwa-Nemunas-Kultur des Frühneolithikums in Nordwestlitauen und die Kultur des Oberlaufes des Flusses Nemunas in Südostlitauen ist die Fortsetzung der mesolithischen Kulturgebieten.

I. ĮVADAS. PALEOLITO BEI MEZOLITO TYRINĖJIMŲ APZVALGA

Apžvalgoje išskiriami du momentai — medžiagos kaupimas ir jos interpretavimas, nes dažnai tai darė ne tie patys asmenys. Pirmajame tyrinėjimo etape, trukusiame nuo XVIII a. iki XIX a. aštuntojo dešimtmečio, Rytų Lietuvoje kaupėsi daugiausia tik atskiri neolitiniai gludinti dirbiniai — iš pradžių privačiose kolekcijose, o nuo 1856 m. E. Tiškevičiaus įsteigtame Vilniaus Senienų muziejuje, įsikūrusiame Vilniaus Universitete. O Vakarų Lietuvos, konkrečiau, J. I. Kraševskis, K. Grevingkas, J. R. Asdžiaga kaupėsi Karaliaučiuje (dabartiniame Kaliningrade), keliuose Archeologijos ir Gamtos draugijų rinkiniuose.

XIX amž., ypač jo antrojoje pusėje, apie akmens amžiaus radinius yra skelbę E. Tiškevičius, J. I. Kraševskis, K. Grevingkas, J. R. Aspelinas. Visų jų nuopelnas tas, kad per juos Lietuvos akmens amžiaus medžiaga pateko į mokslinę literatūrą. Tačiau tuo metu literatūroje buvo paminėti tik trys mezolitiniai dirbiniai (raginis kirvelis, raginis žeberklas su titnago ašmenėliais ir titnaginys skaldytinis).

Antrajame etape (nuo aštuntojo XIX amž. dešimtmečio iki Pirmojo Pasaulinio karo) tyrinėtojai patys ėmė keliauti ir rinkti medžiagą laukuose. Žymiausi iš jų buvo: Rytų Lietuvoje Z. Glogeris ir V. Sukevičius, Vidurio Lietuvoje T. Daugirdas, o Vakarų Lietuvoje O. Tišleris, A. Becenbergeris, E. Holakas. Šiame laikotarpyje medžiaga gausiai skelbiama, tačiau mažai interpretuojama. Prireikia archeologinių žemėlapių. Į Rusijos sudėtį įeinančios Lietuvos dalies medžiaga buvo suregistruota ir paskelbta V. Pokrovskio 1893, 1895 ir 1899 m. išėjusiuose Kauno, Vilniaus ir Gardino gubernijų archeologiniuose žemėlapiuose, Vakarų Lietuvos, t. y. buv. Klaipėdos krašto, — 1908 m. E. Holako sudarytame archeologiniame žemėlapyje.

¹ Pilnas originalo tekstas lietuvių kalba yra LTSR MA Centrinės Bibliotekos rankraščių skyriuje ir LTSR MA Istorijos institute.

Trečiasis tyrinėjimo etapas prasidėjo po I-ojo Pasaulinio karo. Senieji rinkiniai atiteko trimis respublikoms — Lietuvai, Lenkijai ir Vokietijai. Šiuo laikotarpiu daugiausia medžiagos buvo kaupiama Kaune Valst. Kultūros muziejaus ir privačia iniciatyva (P. Tarasenkos, K. Jablonskio). Plati Lietuvos archeologijos apžvalga buvo paskelbta į Lietuvą atsilankiusio tarybinio archeologo A. Spicino 1925 m., tačiau apie paleolito bei mezolito medžiagą iš Lietuvos jis mažai nežinojo, tad pasitenkino tik bendromis gairėmis. 1928 m. pasirodė P. Tarasenkos archeologinės medžiagos aprašas su archeologiniu žemėlapiu, kuriame buvo sužymėta apie 115 akmens amžiaus stovyklų vietų. Medžiaga interpretuojama pagal A. Spicino pasiūlytą schemą. Į to meto Lenkijos archeologijoje vyravusią schemą bandė įterpti Lietuvos — daugiausia tik Vilniaus krašto — medžiagą V. Antonevičius (1930, 1935). Naujai besikaupiančią Lietuvą paleolito bei mezolito medžiagą paskelbė J. Puzinas (1935^a, 1938^a). Svarbiausias šio laikotarpio požymis, kad jau buvo sukaupta daug paleolito bei mezolito radinių ir pasirodė kvalifikuoti jos apibendrinimai.

IV-asis etapas prasidėjo po Tarybų Lietuvos išvadavimo iš hitlerinės okupacijos. Jam būdingi sistemingi žvalgomieji bei stacionariniai tyrinėjimai, kuriuose dalyvavo A. Bernotaitė, K. Jablonskis, R. Rimantienė ir kt. Paleolito bei mezolito medžiaga apibūdinta P. Kulikausko (LAB, 1961) ir atskiruose autorės straipsniuose (1959, 1960, 1962, 1963a, 1963b, 1964, 1966, 1966a, 1966b).

Čia pateikiamo darbo tikslas yra, pasiremiant visa sukaupta medžiaga, apibūdinti Lietuvos teritorijos apgyvendinimo procesą nuo pirmųjų gyventojų pasirodymo iki neolito. Pagrindinis dėmesys skiriamas etnokultūriniais klausimams, todėl buities istorija liečiama tik tiek, kiek ji susijusi su šiais klausimais.

1. Gamtinės sąlygos arktiniu periodu. Ledynei pasitraukus iš Lietuvos teritorijos, liko didžiuliai priedyniniai ežerai, augalijos danga susidarė dar negreit. Kol ledynas galutinai sutirpo Skandinavijoje, vyravo arktinis klimatas, kurio buvo du žymesni atšilimo laikotarpiai — biolingas ir aleriodas, ir trys atšalimo periodai tarp jų — driasas I, II ir III. Siokios tokios pragyvenimo sąlygos susidarė pirmajame atšilimo laikotarpyje — biolinge, XI tūkstantmetyje pr. m. e., kai ledyno pakraštys buvo ties vidurio Lietuvos galinėmis morenomis. Šiame laikotarpyje, tirpstant ledynų palaidotiems ledo luotams, susidarė ir pirmieji termokarstiniai ežerai. Tuo metu į Lietuvos teritoriją galėjo užklysti pirmieji medžiotojų būreliai, tačiau apie tai dar neturime duomenų, nes stovykloms išlikti pir-

nykštėje padėtyje reiktų ypatingų sąlygų. Tokio atsitiktinio medžiotojų lankymosi, be abejo, negalėjo sutrukdyti nežymus vidurinio driasas klimato atšalimas. Arktiniame periode Lietuvoje būta ledlaikio žvėrių, tarp jų ir mamutų, tačiau nerasta nė vieno apdirbto mamuto kaulo. Tad tenka manyti, kad arba žmogus negyveno kartu su mamutu, arba nebuvo pralęs jo medžioti.

2. Ankstyviausių Rytų Pabaltijo gyventojų pėdsakai žinomi iš dabart. Kaliningrado srities ir šiaur. Lenkijos (buv. Rytprusių) teritorijos (Gross, 1937a, 1938a, b, La Baume, 1925). Tai šiaurės elnių ragai su išrėžtais grioveliais ir kaulinis durklas. Gyventojai bus atėję iš Vakarų, Baltijos pajūriu, iš Hamburgo kultūros srities. Panašių radinių galima tikėtis ir Lietuvoje.

III. PALEOLITAS

1. Gamtinės sąlygos aleriodo ir vėlyvajame driase jau buvo palankios žmogui pastoviai įsikurti Lietuvos teritorijoje. Tuo metu ledynų riba pasiekė Fenoskandijos galines morenas. Aleriodo laikotarpio sluoksniai aptinkami jau visos Lietuvos pelkėse, ir juose kartais randama net šilumamėgių augalų žiedadulkių. Aleriodas yra pagrindinis Lietuvos ežerų termokarstinių procesų laikotarpis; susidaro daug nutekamų ežerų, nulsūgsta jų vandens lygis. Baltijos baseine — vis dar gėlavandenis Baltijos ledyninis ežeras. Lietuvos upių slėniuose aleriodo susidaro antroji viršsalpinė terasa, kurioje, aleriodo laikotarpiui baigiantis, ima kurtis žmonės. Šio laikotarpio stovyklų kultūrinį sluoksnį sudaro suplautas smėlis, slūgsas virš įstrižai dryžuoto ortšteino-smėlio sluoksnio II viršsalpinės terasos pakraštyje (21, 29 pav.). Šitokia stratigrafija būdinga ir kitoms aleriodo laikotarpio stovykloms plačiuose Europos plotuose. Vėlyvojo driasas laikotarpyje ant terasų ima kauptis mineralinės nuosėdos, driasiniai moliai, kurie dažnai padeda datuoti paleolitinių stovyklų kultūrinius sluoksnius. Ten, kur prie II viršsalpinės terasos stūksojo aukšti molėti III terasos krantai, vėlyvajame driase nebuvo įmanoma gyventi, ir žmonės buvo priversti susikraustyti ant III viršsalpinės terasos, toli nuo dabartinių didžiųjų upių krantų (Vilniaus, Raudondvario, Ežeryno stovyklos). Tik vėlyvojo driasas pabaigoje stovyklos vėl nusileidžia žemiau.

2. Paleolito pabaigos etnokultūrinės grupės Lietuvoje apamai išskiriamos dvi: Pabaltijo madleno kultūrų grupė ir svidrinių kultūrų grupė.

A. Pabaltijo madleno kultūrų grupės vardu apibendrinamos visos tos stovyklos, kurių inventorių genetiniais ryšiais galima sieti su vėlyvesniais Vakarų Europos madleno derivatais pietiniame bei pietvakariniame Baltijos pajūryje (Arensburgo, Bromės, Lyngby kultūrų grupės), nors sutapatinti su kuria nors kultūrine grupe Lietuvos medžiagos paprastai negalima. Būdingiausias visų jų bruožas — dar jaučiami tolimi orinjakinio palikimo atgarsiai. Pabaltijo madleno stovyklų aptinkama pietų ir vidurio Lietuvoje (5 pav.) ant II ir III viršsalpinių upių terasų.

1. Būdingiausios Pabaltijo madleno stovyklos yra labai nevienodos, tačiau jų negalima susieti į vieną chronologinę raidos grandinę. Jos turėjo egzistuoti reliatyviai viena šalia kitos. Ryškiausias pavyzdys Vilniaus stovykla, buvusi dabartinėje SES teritorijoje (6 pav.). Strėlių antgaliai platus, smailiomis įtvartomis, be to, kaip antgaliai vartotos ir smailios, netaisyklingos, retušuotos skeltės. Gremžtukai daugiausia trumpi, rėžtukai daugiausia kampiniai, skaldytiniai viengaliai, labai maža specialios paskirties dirbinių. Daugiau nedidelių šio tipo stovyklų yra Pietryčių Lietuvoje. Minėtina stovykla prie Ilgio ežero (7 pav.), kur rasta panašaus, tik kiek smulkesnio inventoriaus. Keli to paties tipo lizdai buvo Mitriškių 6a (8 pav.) ir 6 stovyklose Smalninkuose ir kt. Antrą grupę sudaro stovyklos, kurių strėlių antgaliai turi žymiai platesnes įtvartas, dažnai su išlikusia skėlimo kuprele blogoje pusėje, pvz., Maskaukos 6 stovykla (9 pav.), Derėžnyčios — 31 (13 pav.), Duobupio — 1b, Babriškių — 4 b, 4 d, Ežeryno — 9, 15, 16 stovyklos (11, 12 pav.). Trečią grupę sudaro

stovyklos, kurių antgalių įtvaros būna iškastos tik iš vieno šono. Tokių radinių buvo Glyno ež. stov. (14 pav.), Maksimonių I stov. (15 pav.) ir kt. Gausūs nesisteminę V. Šukevičiaus rinkinių madleniniai radiniai paprastai išsiskiria ne tik savo formomis, bet ir stora patina. Ypač daug madleninių radinių aptikta Pietryčių Lietuvoje, Kašėtų (16 pav.), Rudnios (17 pav.) ir Dūbos ež. apylinkėse, dalis pateko į rinkinių dirbinių kolekciją, pavadintą Merkio ir Ūlos upių vardu.

2. Lietuvos ir kaimyninių kraštų madleninių paminklų bendri bruožai. Šiai kultūrinei grupei būdingi ir titnaginiai, ir kauliniai-raginiai dirbiniai, tačiau Lietuvos stovyklose tuo tarpu telurime titnago dirbinių, o visi kauliniai-raginiai rasti atsitiktinai.

Pagal titnaginius strėlių antgalius, pirmąją stovyklų grupę (Vilniaus, Ilgio ež., Mitriškių 6 a ir pan.), galima gretinti su Arensburgo tipo stovyklomis pietų ir pietvakarių Pabaltijy. Jose šalia plataus trumpo arensburginio antgalio tipo pasitaiko netaisyklingų nusmailintų antgalių iš skelčių bei negeometrinių mikrolitų. Arensburginiai gremžtukai dažniausiai trumpi, rėžtukai platus, padaryti iš nuoskalų, rėžiamasis kampas sudarytas nuskėlimu ir retušu. Antroji Pabaltijo madleno stovyklų grupė artimesnė Bromės—Lyngby tipui, tik ne ankstyviausioms jo formoms. Visi dirbiniai palyginti stambūs, o antgalių įtvaros plačios. Geomorfologiniais duomenimis šios Lietuvos stovyklų grupės sutampa su Vakarų Europos paleolito pabaigos chronologine sistema: tenai Arensburgo tipo stovyklos priskiriamos tik vėlyvojo driaso ir preborelio klimato laikotarpiams, o Bromės tipo stovyklos pasirodo kiek anksčiau. Trečioji Lietuvos madleninių antgalių grupė yra būdinga rytinėms šios kultūrinės srities dalims, kur šis tipas išsilaiko labai ilgai.

Tai pačiai Pabaltijy madleno kultūrinei grupei tenka priskirti ir paleolitinius kaulo-rago dirbinius: šeivos ir irklo pavidalo antgalius, pažįstamus iš Klaipėdos (Kalniškių) (20 pav.) ir kai kurių Kaliningrado srities vietovių. Šioje srityje rastieji vėlyvuojy driasu datuoti Lyngby tipo kapliai, žeberklai, peikenos irgi turėtų priklausyti kalbamajai kultūrinei grupei.

Pabaltijy madleno kultūrinė grupė plito iš vakarų, greičiausiai dabar nusmegusiomis Baltijos ledyninio ežero pakrantėmis. Tačiau ir pačiuose tipiškiausiuose čia pateikiamuose stovyklų pavyzdžiuose Pietų bei Pietvakarių ir Rytų Pabaltijy radiniai nėra identiški. Ir gana grynuose Lietuvos stovyklų radinių komplektuose jaučiamas rylinis pobūdis, o dauguma komplektų yra aiškioje svidrinės kultūros įtakoje.

B. Svidrinės kultūros grupei būdinga tai, kad iki pat paleolito pabaigos išsilaiko kai kurios tolimos solutreno liekanos ir tuo būdu su-

sidaro titnago dirbinių formos, skirtingos nuo madleninių. Kadangi Lietuvos teritorija jėjo į pagrindinę svidrinės kultūros susidarymo sritį, čia vietoje galima pasekti šios kultūros raidą. Todėl svidrinės stovyklas dažnai galima suvesti į chronologinę raidos grandinę. Tačiau išsiskiria ir trys tipologinės grupės: I ir II beveik grynos svidrinės, o III — su ryškia madleninės kultūros įtaka. Paleolitinės svidrinės stovyklos yra ant upių aukštutinių terasų.

1. I (ankstyvosios) grupės paminklai Lietuvoje labai negausūs. Ankstyviausios yra Eigulių I (Kauno priemiesčio) stovyklos A, B, D, tyrinėtos 1948—1957 m. Stovyklos buvo ant II viršsalpinės Neries terasos, radiniai gulėjo po iškastinio dirvožemio sluoksniu, virš dryžuotų oršteinuotų smėlių. Kultūrinuose sluoksniuose rasta židinių pėdsakų. Pagrindinius radinius (22—31 pav.) sudaro menkai apdirbti, siauri, ilgi strėlių antgaliai, beveik visi neišryškinta įtvara, ilgi ir siauri gremžtukai, pleištiniai viduriniai rėžtukai, dvigaliai skaldytiniai ir netaisyklingai įraižyta akmeninė plokštelė. Tam pačiam tipui priklausė Pyplių stovykla (32 pav.). Kai kurių vėlyvesnių bruožų turi Skarulių stovykla (33, 34 pav.), kurios visi strėlių antgaliai neįsmaugtomis įtvaromis, tačiau gremžtukų mažiau pailgų, negu plačių, rėžtukai daugiausia šoniniai, be to, yra ir dirbinių tipų, neaptiktų Eigulių I stovyklose. Be to, I-osios grupės radinių žinoma iš Rudnios (46 pav.), Kašėtų (37 pav.), Gribašos, Marcinkonių stovyklų.

2. II (vėlyvosios) grupės paminklai Lietuvoje skiriasi kai kuriais pagrindiniais dirbinių tipais ir jų kiekio santykiu. Šios grupės antgaliai neišskirta įtvara paprastai būna trumpesni ir platesni, ypač daug antgalių išskirta įtvara. Antgalių smaigaliai retušuojami. Gremžtukai trumpesni, rėžtukai trumpi ir platus. Pastebimas kai kurių kitų kultūrų (madleninės ir azylinės) poveikis. Stovyklos randamos ant III viršsalpinės terasos.

Viena iš ryškiausių yra Puvočių stovykla (39—41 pav.), kurioje apie 1 km plote aptiktos 7 aikštelės, kiekviena su keletu lizdų. Aikštelės buvo vienalaikės. Beveik 1/3 visų radinių sudarė strėlių antgaliai. Daugiausia antgalių buvo su išskirta įtvara, kai kurie iš jų kiek primena madleninius tipus. Gremžtukų maždaug dvigubai mažiau, negu antgalių skaičiaus, dauguma jų pailgi, tačiau paprastai tesiekia 1/2 pločio, rėžtukai daugiausia viduriniai pleištiniai. Pasitaiko ir vieno lizdo stovyklų, kaip pvz. Akmuo, Eiguliai IC (43, 44 pav.), Ežerynas 1, 4, 14 (47—50 pav.), Glyno ež. 1, 3 (51—53 pav.), Mardosavas 3 (54 pav.) ir kt. Paleolito pabaigoje stovyklose pasirodo mažai retušuoti ietigaliai, kurie kartais tėra vienintelis antgalio tipas, kaip pvz., Ežeryno II stov. ar Glūko ež. stovykla.

3. Ryšiai su kaimyniniais svidrinės kultūros paminklais yra labai glaudūs. Pagrindiniais savo bruožais ir dirbinių tipų kiekio santykiu Lietuvos bei vakarų Baltarusijos I svidrinė grupė neišeina iš Lenkijoje vadinamo Mazovinio ciklo ankstyvosios grupės ribų. Jos pirmieji nešėjai į Lietuvą atėjo iš pietvakarių, greičiausiai, nepaliesdami Mozūrų ežerų srities bei srities į vakarus nuo Nemuno (35 pav.), plito Nemuno upe iki Neries santakos. Iki pat paleolito pabaigos Lietuvoje išliko stovyklų, turinčių daugiau I grupės bruožų negu II. Tad tenka manyti, kad II grupę bus atsinešusi antroji svidrinės kultūros banga. Tuo būdu dvi išskirtąsias grupes reikia laikyti ne vien chronologinėmis tipologinėmis, bet ir kultūrinėmis grupėmis. Vadinasi, paleolito gale turėjo šalimais gyventi I grupės palikuonys su naujai atėjusiais II kultūrinės grupės atstovais. Antrajai grupei artimiausia kultūra, Lenkijoje vadinama pludine, kuriai, kaip ir Lietuvoje, būdingas azylinių elementų atsiradimas.

C. Madleninės ir svidrinės kultūros sąveika yra ne vienodo pobūdžio. Svidrinė kultūra madleninei pirmiausia teikia techniškai naujoves — ilgų skelčių skaldymą nuo prizminio skaldytinio ir svidrinį paviršinį retušą, o madleninė svidrinei kultūrai — dirbinių tipus — plačius, trumpus kotinius antgalius. Svidrinė kultūra pradėjo anksčiau veikti madleninę, negu atvirkščiai.

1. Madleninių stovyklų su svidrinės kultūros įtaka buvo jau aleriodo pabaigoje, kaip pvz., Kašėtų 16 stov. (58 pav.), kur tik vieno antgalio įtvara paretušuota svidriškai. Madleninėje Šilėlio 2 stovykloje (59 pav.) pastebime antgalių blogiosios pusės retušavimą, taip pat, matyt, svidrinės kultūros įtakoje, siaurėja bei ilgėja lapelis. Čia aptinkama jau ir ilgų, svidrinių, skaldytinių, ilgėjų ir gremžtukai. Panaši įtaka pastebima tokiose stovyklose kaip Mergežeris 3 (60 pav.), Ežerynas 8, 17 (61—64 pav.), Nendriniai (65 pav.) ir kt., be to, kai kuriose šiaurės rytų Lenkijos bei Vokietijos (Brandenburgo srities) stovyklose. Menkos įtakos siekia net Vakarų Europos madleną VI.

2. Svidrinės stovyklos su madleninės kultūros įtaka — dažniausios vėlyvojo paleolito pabaigoje. Šiose stovyklose, šalia pagrindinio svidrinio inventoriaus, randama ir madleninių dirbinių tipų, ypač antgalių. Nedaug tos įtakos dar matyti Raudondvario stov. apatiniame sluoksnyje (67—69 pav.). Labai gausi medžiaga iš Netiesų 1 stov. apatiniojo kultūrinio sluoksnio (70—75 pav.), kur rasta tikrų svidrinių antgalių, pereinamojo tipo smaigų ir madleninių antgalių plačiomis įtvaromis, įvairių tipų gremžtukų, tačiau rėžtukai daugiausia siauri ir

pailgi. Nemaža šio tipo radinių yra iš įvairių Merkio upės baseino stovyklų (76—77 pav.).

Paleolito pabaigoje tokia įtaka buvo ir pagrindinėje svidrinės kultūros paplitimo srityje — Mazovijoje ir pietų Lenkijoje. Periferijose, kur šalimais gyveno abidvi kultūros (pvz., Lietuvoje, Baltarusijoje), ta įtaka, atrodo, buvusi ankstyvesnė.

3. Lietuvos paleolito kultūrų būdingosios savybės. Pastebimi ryškūs paleolito kultūrinių kompleksų skirtumai. Jie yra daugiau ne chronologinio, bet etnokultūrinio pobūdžio. Palyginus vakarinio bei pietinio Baltijos pajūrio stovyklų radiokarbonines bei geochronologines datas, matyti, kad įvairiose vietose tos pačios kultūros stovyklos pasirodo maždaug tuo pat metu, tad aleriodas turėjo būti labai judrus ir audringas persikilnojimų laikotarpis. Ši prielaida leidžia sinchronizuoti labai tolimų teritorijų radinius. Žymiausias migracijos laikotarpis — aleriodo pabaiga, kai jau visuotinai buvo išplitę miškai. Tuo metu plačiuose buv. priedėdininės Europos plotuose šalia grynų kultūrų stovyklų pasirodo ir mišrių. Tad suvesti Lietuvos aleriodines stovyklas į chronologinę grandinę neįmanoma. Jų dirbinių kompleksuose dar beveik nėra azylinių elementų; tai jau vėlyvojo driaso požymis. Antras tarpkultūrinis elementas, plintantis vėlyvajame driase, buvo kaulo-rago dirbiniai.

Vėlyvajame driase toli nebeklajojama, o daugiau bendraujama tarpusavy jau tam tikroje teritorijoje. Ši teritorija vakaruose siekė Oderį, pietuose Karpatas, rytuose Paliesės vakarinę dalį, šiaurėje vidurio Lietuvą, o šiaurės rytuose atskirų punktų būta net Dniepro aukštupyje.

Atskiros kultūrinės grupės buvo tam tikra prasme ir etninės ir tarpusavyje bendravo greičiausiai egzogamiškai, be to, pačia primityviausia — matrilokaline — egzogamijos forma (į kitas kultūrinės grupes ateina vyrų darbo įrankiai).

Stovyklų dydis ir išsidėstymas daug kuo priklauso nuo kultūrinės grupės. Vietinės visų laipsnių svidrinės kultūros stovyklos paprastai būna didelės, su daugeliu lizdų, gal būt, keliskart grįžtamos (Eiguliai, Skaruliai, Puvočiai, Glynas ir kt.), o iš toli atklydusių madleninių kultūrų nešėjų stovyklos paprastai mažos, vieno lizdo ir trumpalaikės. Panašus skirtumas pastebimas ir titnago kasimo vietose — dirbtuvėse. Svidrinėse stovyklose daug dirbinių buvo pasigaminama vietinėse dirbtuvėse, todėl lieka ir gražių ilgų skelčių ir nebaigtų dirbinių (Ežerynas 1, 4, 14), o madleninių dirbtuvių skeltės, matyt, visos išsigabenamos ruošiniais (Ežerynas 15, 16, 17).

Paleolito pabaigoje visi šie skirtumai ima niveliuotis.

IV. MEZOLITAS

1. Gamtinės sąlygos mezolite. Paleolito ir mezolito riba tai riba tarp vėlyvojo driaso klimatinio periodo ir preborealio, tai riba tarp Baltijos ledyninio ežero ir Joldijos jūros. Gamtinės sąlygos daugiausia atsiliepi žmonių gyvenimui kaip tik pereinant iš paleolito į mezolitą, todėl ši riba apčiuopiama ir archeologiškai. Ji ypač ryški stovyklų topografijoje. Preborealio, t. y. Joldijos jūros laikotarpio, stovyklos randamos ant pirmosios viršsalpinės upių terasos, toli nuo kranto, borealio, t. y. Ancylaus ežero laikotarpio, — priartėja prie I-osios viršsalpinės terasos pakraščio, o atlantinio, t. y. Litorinos jūros laikotarpio, stovyklos jau ant salpos. Tik II-osios (maksimaliosios) litorininės transgresijos metu stovyklos neilgą laiką vėl kuriamos ant aukštųjų terasų (II—III) pakraščio.

2. Vėlyvojo paleolito kultūrų likimas poledyniniame laikotarpyje. Preborealio kultūra, negavusi jokių naujų elementų, savo dirbinių tipais dar artima paleolitui, todėl jai labiausiai ir tinca epipaleolito vardas. Šio laikotarpio kultūros pradžia apibrėžiama klimatiškai (ir tuo pačiu topografiškai), tačiau nenustatoma pabaiga, nes epipaleolitinė kultūra dar gyvavo, kai šalimais pasirodė naujos, tik mezolitui būdingos grupės. Todėl epipaleolitas čia ne tiek chronologinė, kiek kultūros istorijos sąvoka. Būdingas epipaleolito bruožas, priešingas paleolitui, — kad pranyksta skirtumai tarp atskirų kultūrinių grupių. Tačiau epipaleolitas nėra tiesioginė ir nuosekli vėlyvojo driaso laikotarpio kultūrų tąsa. Tai visų paleolitinių kultūrų elementų samplaika, ir kartais čia kaip tik prasikiša kokia nors labai sena atgyvena, pvz., šalia modernizuotų, jau net geometrines formas primenančių svidrinių antgalių tipų aptinkame antgalių su viena užbarzda, primenančių pačius ankstyvuosius Pabaltijo madleno tipus. Tokie reiškiniai preborealėje pastebimi ir kaimyniniuose kraštuose.

Epipaleolito pabaigoje dalis gyventojų, matyt, išsikėlė į rytus ir į pietus nuo pagrindinės šios kultūros paplitimo srities, sudarydama panašias grupes už pagrindinės srities ribų, o likusieji gyventojai susiliejo su ateiviais — mezolitinių kultūrų nešėjais.

Lietuvoje turime nemažą epipaleolitinių stovyklų su gausiais radiniais, tačiau jos retai išlieka sveikos. Visų jų dirbinių kompleksas yra atsiradęs iš aiškaus svidrinių ir madleninių kultūrų mišinio, su kai kuriais mezolitui būdingais elementais. Ryškiausi pavyzdžiai yra Dubičių 2 (90—93 pav.), Melnyčėlės C, Pamerkinės (86, 87 pav.), Zervynų 3 b, Drąseikių (95, 96 pav.), Saleninkų 2, 3 (97, 98 pav.) ir kt. stovyklos. Jos paplitusios jau beveik iki pat šiaurinių Lietuvos ribų. Šių stovyklų svidriniai strėlių ant-

galiai paprastai smulkūs, retušuotais smaigaliais, dažnai visai be svidrinio, o tik su pakraščiniu retušu, kartais jų formos artėja į geometrines. Madleniniai antgaliai, iš vienos ar iš abiejų pusių susmaugta įtvara, pasižymi gana nuolaidžiu retušu. Būdingas epipaleolito gremžtukas yra niekur paleolite neaptiktas platus, didelis, kartais beveik apskritas dirbinys. Gremžtukų randama ypatingai daug. Rėžtukai paprastai irgi trumpi ir platus. Paplinta paleolitinio tipo kauliniai-raginiai dirbiniai (100—102 pav.): žeberklai su užbarzdomis, raginiai kalteliai, šėivos pavidalo ietigaliai, tribriauniai ietigaliai, kauliniai durklai ar peikenos. Kai kuriuos jų pavyko susieti su datuotais žiedadulkių horizontais pelkėse. Raginiai dirbiniai, paplitę visame Rytų Pabaltijy ir toliau į šiaurę nuo Lietuvos, sudarė pagrindą Kundos kultūrai.

3. Maglemozinės kultūros paminklai Lietuvoje ankstyvajame mezolite pasirodo šalia epipaleolitinio tipo stovyklų. Ryškiausias pavyzdys Lietuvoje yra Maksimonių 4 stovykla (103—108 pav.). Ji buvo ant I-osios viršsalpinės terasos pakraščio, po daugeliu vėlesnių kultūrinių sluoksnių. Stovyklos sluoksnyje aptiktos vieno židinėlio liekanos. Visi rastieji strėlių antgaliai galėtų būti vadinami lancetiniais, nors jie gana įvairių tipų, tarp jų tikrų mikrolitų nėra. Gremžtukai daugiausia iš gana stambių nuoskalų, rečiau skelčių, rasta stambių gramdukų, ovalinių kirvelių. Panašaus tipo stovyklų Lietuvoje labai maža. Minėtina dar Girežerio 3 stovykla, kur šalia lancetinių antgalių yra ir stambesnių smaigų.

Ši grupė nėra jokios vietinės kultūros tąsa. Ji atėjusi iš Vakarų ir siejasi su Klosterlund ir Star Carr stovyklomis, nors inventorius nėra visai tapatus. Artimos jai Janislavicų grupės stovyklos Lenkijoje, tačiau toji kultūra neturi ovalinių kirvelių. Ankstyvoji maglemozinė kultūra niekur ilgai neišlieka, nes jau borealiniame periode ją pasiekia mikrolitizacijos banga.

Maglemozinei kultūrai ypač būdingi kauliniai-raginiai dirbiniai, kurie bus nagrinėjami tolimesniuose skyreliuose.

4. Mikrolitinė-makrolitinė kultūra Lietuvoje susiformuoja borealio-atlanto laikotarpiu. Joje glaudžiai susiję trys komponentai — makrolitinės ir mikrolitinės technikos dirbiniai kartu su svidrinės kultūros palikimu. Šios kultūros stovyklas galima aiškiai sujungti į vieną raidos grandinę, o tai yra būdinga vietinei kultūrai. Teritoriniai skirtumai būna nedideli, priklauso mai nuo vieno ar kitų kaimynų. Pagal topografiją stovyklas galima suskirstyti į tris ne-

vienodo ilgio chronologines grupes. Tačiau tai yra tik chronologiniai atramos taškai, išryškėja ir grupės pagal dirbinių tipus (V lent.).

I. STOVYKLŲ APIBŪDINIMAS

a) I-as etapas. Būdinga stovyklų padėtis — ant salpos, laikotarpis — prieš II (maksimalią) litorininę transgresiją. Nuo maglemozinių stovyklų ypač skiriasi mikrolitų pasirodymu ir įsigalėjimu. Viena ryškiausių šios grupės stovyklų yra Paštuva (110—113 pav.). Iš dirbinių su svidriniais elementais minėtina vienas episvidrinis strėlės antgalius ir ietigalius su svidrinio retušu. Antgaliai daugiausia lancetiniai. Mikrolitai — labai dailaus darbo, siauri žeberklų ašmenėliai. Kiti dirbiniai stamboki: plačios ir ilgos skeltės, stambūs gremžtukai, nebūdingų tipų rėžtukai. Specialios paskirties dirbinių retai, tačiau būdingi peiliai įstrižai nuretušuotu smaigaliu ir ovaliniai kirveliai. Dauguma skaldytinių laibi, skirti žeberklų ašmenėliams nukelti, arba rastos tik visai išnaudotos liekanos. Šio tipo stovyklų Lietuvoje nemaža, tačiau jų kultūrinis sluoksnis dažnai sunykęs, nes stovyklos paprastai užliejamos potvynių. Minėtinos Kačerginės, Brūžės (114 pav.), Virbaliūnų, Derėžnyčios 15 (115 pav.) 16, 20 ir kt. stovyklos. Stovyklas, kurių dirbiniai jau smulkesni ir pasitaiko trapecijų, kultūriniu požiūriu reikia sieti su antruoju etapu.

b) II-ojo etapo stovyklos aptinkamos ant II—III viršsalpinės upių terasos ir priklauso II litorininės transgresijos metui, todėl dažniausiai išlieka gerai. Pagrindiniai dirbinių tipai tie patys, kaip I-ojo etapo stovyklose, dirbiniai smulkėja, daug mažiau stambių gremžtukų, daugiau smulkiųjų, retai pasitaiko stambių skelčių. Episvidriniai antgaliai nebetenka savo ankstesnio grakštumo. Pagrindinis mikrolitų tipas — žeberklų ašmenėliai, tačiau atsiranda trapecijų. Ovaliniai kirveliai geresnės kokybės.

Stovyklų kultūriniuose sluoksniuose randama židinių, duobių ir šulų liekanų. Svarbiausios šio laikotarpio stovyklos: Raudondvaris (apatinis kultūrinis sluoksnis 116 pav.), Zemiejai Kaniūkai (apatinis kultūrinis sluoksnis 117—121 pav.), Merkinė — Merkio šlaitas (126—127 pav.) ir kt.

c) III-ojo etapo stovyklos buvo apgyventos po maksimaliosios litorininės transgresijos, jos aptinkamos vėl ant salpos, tačiau dažniausiai toliau nuo dabartinio upės kranto. Stovyklų inventorius labai susmulkėjęs. Svidrinis antgalius nebetenka savo paleolitinių požymių, visose stovyklose randama žeberklų ašmenėlių ir trapecijų. Gremžtukų daug, beveik visi smulkūs. Rėžtukų nedaug, nebėra ryškių paleolitinių tipų. Ryškiausias stovyklos yra Lampėdžiai (129—

132 pav.), Kampiškės (134 pav.), Saleninkai 1, 2a (135, 136 pav.), Derėžnyčia 27, 52 ir kt.

2. Būdingieji Lietuvos mezolito bruožai. Aptinkama titnaginių ir raginių-kaulinių dirbinių. Titnaginių daugiausia randama stovyklose, todėl gerai galima pasekti jų raidą pagal vietinę medžiagą (V lent.). O kauliniai-raginiai dirbiniai beveik visi atsiktiniai ir gali būti priskirti tik tipologinių lyginimų keliu.

Visose mikrolitinėse-makrolitinėse stovyklose aptinkama posvidrinių antgalių, visai skirtingų nuo paleolitinių. Jie padaryti iš tiesių skelčių, staigiai nusmailinta viršūnėle. I-ajame etape jie dar nemaži ir taisyklingi, II-ajame — atsiranda ir daugybė smulkių, o III-ajame — prisideda antgaliai tik siaurai retušuotais pakraščiais. Įtvara, jeigu ji būna, per visą mezolito laikotarpį yra spyglio pavidalo. I-ajame ir II-ajame etapuose dar pasitaiko į svidrinius antgalius panašių ietigalių. Lancetiniai antgaliai ankstyvosiose stovyklose paprastai ilgi, o vėlyvosiose daugiausia trumpi. Retai jų pasitaiko retušuotu pagrindu. Tikrų trikampių beveik nėra. Per visus tris laikotarpius būta siaurų, retušuotais galais, šonais arba smailių žeberklų ašmenėlių. Trapecijos pasirodo tik antrajame etape, prasidėjusiame dar prieš maksimaliąją litorininę transgresiją. Jų maža, kai kuriose stovyklose kiek pagausėja tik į mezolito pabaigą. Stambių skelčių aptinkama tik ankstyvosios — rėžtukas ir kampinis. I etapo stovyklose stambūs, platus, smulkių — maža; pastarieji įsivyroja III etape. Gremžtukai sudaro didelę inventoriaus dalį. Juos mezolito pabaigoje ima keisti specialios paskirties dirbinių.

Mezolito rėžtukai dviejų tipų — tai gramdukas — rėžtukas ir kampinis. I etapo stovyklose jie daugiausia padaryti iš nuoskalų, o nuo II etapo padaugėja iš skelčių padarytų rėžtukų.

Visų etapų ovaliniai kirveliai (144 pav.) padaryti iš skaldytinių, jie mažai skiriasi. Ankstyvajame neolite tokie patys pradeda gludinti. Žymiai mažiau aptinkama pleiščių, padarytų iš storų nuoskalų, dažnai iš dalies su žieve, kartais apskaldyta blogąja puse.

Skaldytiniai paprastai kūginiai ar piramidiniai. Žeberklų ašmenėliams skelti yra specialūs laibieji arba laivelio pavidalo skaldytiniai. I etapo stovyklose randama ilgų plačių skelčių skaldytinių, vėliau jie trumpėja. Ypač taisyklingų ir dailių, matyt, naudotų ir vietoj gremžtukų, skaldytinių pasitaiko II etapo stovyklose.

Ryškiausi kaulinių-raginių dirbinių tipai yra tie, kuriuos galima tiesiog susieti su titnaginiais radiniais. Tai žeberklai su titnago ašmenėliais ir ovalinių kirvelių rankenos. Žeberklų būna vie-naeilių ir dvieilių, kartais su ilga smailia viršūne (142 pav.). Jie išsilauko iki pat neolito, vėlyviausieji yra su ilgu smaigaliu. Antras mezolitinis žeberklo tipas — su smulkiais dantukais

(109 pav.) ir su retomis išstętomis užbarzdomis. Mažiausiai rasta vienadančių žeberklų, priklausančių mezolito pabaigai (109, 7 pav.). Litorinos laikotarpiui priskirtinas ir vienintelis durklas su rankena (143 pav.). Rasta nemaža raginių kirvių su iškalta arba pragręžta skylė kotui (145, 1, 2 pav.). Jie išlieka visą mezolitą ir įeina į neolitą. Litorinos laikotarpio, mezolito pabaigos, yra ilgi kirviai su skylė kotui nupiautos rago atšakos vietoje (145, 3 pav.). Vėlyviausiam mezolito etapui priklauso kelios vadinamųjų „valdžios ženklų“ nuolaužos (146, 1, 2 pav.).

3. Mikrolitinės-makrolitinės kultūros susidarymas ir išplitimas. Nedidelė šios kultūros dalis paveldėta iš paleolito (epipaleolito), o didžioji dalis — atvežta maglemozinės kultūros. Iš paleolito yra paveldėtas posvidrinis antgalis. Jų nedaug berandama, būna gana prastai apdirbti, tačiau tai labai svarbus požymis, skiriantis Rytų Pabaltijo mikrolitinės-makrolitinės kultūros sritį nuo kaimyninių kultūrinių sričių. Mažas jų kiekis rodo ir tai, kad didžioji dalis epipaleolitinė gyventojų išsikėlė, o jų vietą užėmė nauji. Be antgalių, su svidrinu palikimu galima sieti nebent kai kuriuos rėžtukus. Antrasis komponentas — makrolitai sietini su maglemozine kultūra, tačiau iš dalies gali būti kildinami ir iš svidrinės kultūros kirvelių. Trečiasis komponentas — mikrolitai pateko kaip tarpkultūriniai elementai ne vienu kartu. Zeberklų ašmenėliai, atrodo, pateko iš pietų, trapecijų — iš pietvakarių ar pietų, nes beveik nėra siaurų aukštų formų, būdingų vakariniam Baltijos pajūriui. Lancetai yra būdingi ir pietvakarių, ir vakarų

sritims. Kauliniai-raginiai dirbiniai beveik visi priklauso maglemozinei kultūrai, nors kai kurių jų kilmės (tribriaunių ir šeivos pavidalo ietigalių, kai kurių kirvelių) netenka ieškoti pačioje maglemozinėje kultūroje.

Susidarant mikrolitinei-makrolitinei kultūrai, svarbiausias vaidmuo tenka maglemozinės kultūros elementams, kurie ne vienu laiku pateko į šią sritį. Galutinai ją suformavo mikrolitizacijos banga, kuri įsigalėjo jau vėl esant tam tikram kultūros stabilumui.

Šiaurinėje Lietuvoje, Latvijoje, Estijoje maglemozinės kultūros banga sudarė kitą — Kundos — kultūrą.

Mikrolitinė-makrolitinė yra miško gyventojų kultūra. Ūkio formoms atsekti kai kurių duomenų davė stovyklų židinių anglių tyrimas. Paaiškėjo, kad buvo kūrenama beveik vien pušies šakos bei sausuoliai, atseit, medžiai, kurių vaisiai nevalgomi. Kitaip to negalima paaiškinti, nes mezolitas — tai geriausio klimato ir didžiausio lapuočių išplitimo laikotarpis. Kaip rodo susilydę smėlio grūdėliai, židiniuose ugnis buvo palaikoma ilgai. Į židinius atsitiktinai pateko maisto medžiagų — agarų riešutų, lazdynų riešutų, paparčio šaknų. Be abejo, to meto gyventojai vertėsi ir medžiokle, ir žvejyba. Nereikėtų manyti, kad pereiti prie žvejybos vertė tik klimato pakitimas. Tai buvo kultūrinė banga, tuo metu plitusi visu pietiniu Baltijos pajūriu.

Mikrolitinė-makrolitinė kultūra paplitusi gana aiškiam plote. Maglemozinės kultūros elementai atėjo greičiausiai dabar nuskendusiais Ancylauso ežero bei Litorinos jūros krantais.

V. PABAIGA

Pasekę kultūros raidą Lietuvoje nuo X iki IV tūkstantmečio pr. m. e., susidarome vaizdą, kad pirmą kartą Lietuvos teritorijos apgyvendinimas prasidėjo nuo daugelio atskirų etninių bei kultūrinių grupių. Tik mezolite iš jų susidarė vientisa, į vieną grandinę sujungiamą mikrolitinė-makrolitinė kultūra, kuri gyvavo apie penkis tūkstančius metų, pereidama į neolitą. Šiaurinę Lietuvos dalį apėmė taip pat iš maglemozinių elementų susidariusi Kundos kultūra, kuriai nebūdingi nei ovaliniai kirveliai, nei trapecijų.

Sekant patį apgyvendinimo procesą, svarbu buvo išskirti kultūros elementus, rodančius giminių bendruomenių kilnojimąsi. Išryškėjo trys laikotarpiai, kada naujos etninės grupės įsiliejo į Lietuvos teritoriją (biolingas (?), aleriodo antroji pusė ir borealio pradžia), ir du laikotarpiai, kada kultūroms nusistovėjus, smarkiai plito bendraeuropiniai tarpkultūriniai ele-

mentai (vėlyvasis drietas ir atlantinis laikotarpis).

Kultūra ir rasė yra skirtingi dalykai, tad sunku pasakyti, ar tie menki skirtingi Lietuvos mezolito bei ankstyvojo neolito antropologiniai duomenys atspindi kaip tik pastarosios reiškinis. Tačiau Lietuvoje mezolite bei ankstyvajame neolite jau būta kelių tipų žmonių — ilgagalvių ir plačiagalvių, nors jie visi įtelpa į didžiąją europeoidinę rasę.

Mezolite susidarę kai kurie teritoriniai Lietuvos skirtumai toliau gilėja neolite: išryškėja šiaurės vakarų ir pietų rytų sritys, kuriose neolite aptinkame ir kito tipo keramikų (šiaurės vakaruose Narvos-Nemuno kultūra, pietų rytuose Nemuno aukštupio kultūra) (VII lent.), o mezolitinio tipo kaulo-rago bei titnago inventorius išlieka net iki vėlyvojo neolito virvelinės keramikos kultūros.

УКАЗАТЕЛИ

I. Мест палеолитических и мезолитических находок в Литве, упомянутых в тексте

Акмуо (*Akmuo*) 50, 55, 59, 143, 171
Алгтус (*Alytus*) 99
Алькснякемис (*Alksniakėmis*) 143, 171
Альседжяй (*Alsėdžiai*) 99, 116
Анкшчяй (*Anykščiai*) 171
Антавиллис (*Antavilis*) 171
Апсиге (*Apsigė*) 50
Аригала (*Ariogala*) 166, 167, 170

Бабришке (*Babriškės*) 20, 23, 31, 50, 171
Балкасонис (*Balkasodis*) 99
Балсупяй (*Balsupiai*) 99, 103, 104, 112—114, 124
Балташишке (*Baltašišкė*) 6, 66, 68, 143, 171
Бартонай (*Bartoniai*) 171
Бартяляй (*Barteliai*) 171
Бирштонас (*Birštonas*) 171
Братонишке (*Bratoniškės*) 50, 54
Бруже (*Brūžė*) 96, 126, 127, 131, 132, 154—156, 159, 171, 175
Будвечяй (*Būdviečiai*) 6, 163, 164, 170
Букаучишке (*Bukaučiškės*) 99, 116
Бябрининкай (*Bebrininkai*) 124, 170
Бяржупис (*Beržupis*) 99, 171

Вайкантонис (*Vaikantony*) 164, 165, 170
Ванагай (*Vanagai*) 171
Варена (*Varėna*) 154, 171
Варене р. (*Varėnė up.*) 50
Велиона (*Veliuona*) 99
Вечюнай (*Viečiūnai*) 99, 113
Вилкавишкис (*Vilkaviškis*) 124, 170
Вильнюс (*Vilnius*) 20, 21, 30—32, 93, 171
Вирбалюнай (*Virbalūnai*) 132, 155, 171, 175
Вяршвай (*Veršvai*) 99

Гавенонис (*Gavėnony*) 171
Гайлюнай (*Gailiūnai*) 50, 68, 171
Галяляй (*Galeliai*) 171
Гирайте (*Giraitė*) 50, 89, 90
Гиряжарис (*Girėžeris*) 119, 171
Глинас оз. (*Glynas ež.*) 20, 25, 27, 31, 50, 54, 63, 65, 66, 93, 102, 106, 111, 113, 158, 159, 171
Глукас оз. (*Glūkas ež.*) 50, 65, 68
Граужяй (*Grauziai*) 99
Грибаша (*Gribaša*) 20, 27, 29, 52, 154, 159
Гульбинишкяй (*Gulbiniškiai*) 164, 165, 170

Дарсунишкис (*Darsūniškis*) 166, 170
Довайнонис (*Dovainony*) 171
Драсейкяй (*Draseikiai*) 99, 106—109, 112, 113, 156
Друскининкай (*Druskininkai*) 20, 50, 99, 126, 143, 146, 171
Дуба оз. (*Dūba ež.*) 20, 29

Дубичяй (*Dubičiai*) 99, 103—106, 113, 154, 160, 167, 170, 171, 176
Дуобупис р. (*Duobupis up.*) 20, 24, 31, 33
Дярежничя р. (*Derėžnyčia up.*) 20, 24, 25, 27, 30—33, 50, 126, 127, 132, 150, 171

Жалейн (*Zalioji*) 99
Живульчяй (*Zieulčiškė*) 50, 145, 146, 171
Жильвичяй (*Zilvičiai*) 50
Жюрай (*Ziūrai*) 171
Жюрай-Гудяляй (*Ziūriai-Gudeliai*) 164, 165, 170
Жямеин Каюкай см. Каюкай

Зависнишке (*Zavisiškė*) 6, 162, 163, 171
Запе р. (*Zapsė up.*) 98, 171
Зервинос (*Zerovnos*) 102, 103, 113, 171

Ивонишке (*Ivoniškės*) 50, 58
Ильгис оз. (*Ilgis ež.*) 20, 22, 23, 28, 30—32
Иляй (*Yliai*) 164—166, 170
Истра р. см. Пумпенай
Йонейс (*Jonionys*) 98, 158, 159, 161, 163, 171

Кайбучяй (*Kaibūčiai*) 126, 143, 171
Кальнишкяй (*Kalniškiai*) 9, 17, 20, 34, 35, 115
Кампишке (*Kampiškės*) 126, 127, 148, 150, 151, 154, 159, 165, 171
Камшай (*Kamšai*) 99, 104, 112, 113, 168, 175, 176
Каюкай (*Kaioukai*) 9, 126, 134—138, 155—157, 159, 169, 171, 175
Капитонишке (*Kapitoniškės*) 99
Каравишке (*Karaviškės*) 124, 170
Каунас (*Kaunas*) 28, 87
Качяргине (*Kačerginė*) 132, 171
Кашетос (*Kašėtos*) 7, 9, 20, 27, 28, 31, 33, 34, 50—52, 66, 73, 74, 82, 87, 89, 150, 159, 166, 170, 171
Кирсна р. см. Камшай
Клайпеда (*Klaipėda*) 168
Книзлаукис (*Knyzlaukis*) 159, 160, 171, 175
Крижэкай (*Kryžokai*) 99
Крокшлис (*Krokšlys*) 29, 50
Кудиркос-Науместис (*Kudirkos-Naumiestis*) 167, 170
Купсчяй (*Kupsčiai*) 171
Кябляляй (*Kebeliai*) 176

Лависас оз. (*Lavysas ež.*) 171
Лампеджяй (*Lampėdžiai*) 9, 126, 127, 146—150, 156, 159, 165, 170
Ланкининкай (*Lankininkai*) 50, 54
Лапайня (*Lapainia*) 99
Лянтайнай (*Lentainiai*) 171
Ляпишкяй (*Lepšiškiai*) 171

Максимонис (*Maksimons*) 9, 20, 25, 31, 50, 62, 98, 103, 118—123, 154, 158—163, 169, 171
 Манчягире (*Mančiagirė*) 171
 Маргяй (*Margiai*) 20, 29, 81, 82, 123, 124, 159, 170, 171
 Мардосавас (*Mardosavas*) 50, 54, 64, 67
 Марцинконис (*Marcinkonys*) 50, 52, 171
 Маскаука (*Maskauka*) 20, 23, 24, 30, 31, 33, 50, 171
 Матяляй (*Mateliai*) 171, 175
 Микалишкис (*Mikališkis*) 171
 Митришкес (*Mitriškės*) 18, 22, 23, 30, 31, 50, 54, 171
 Моколай (*Mokolai*) 167, 170
 Мьяльдиняй (*Meldiniai*) 171
 Мьяльничеле оз. (*Melnyčėlė ež.*) 99, 100, 113, 171
 Мяргяжарис (*Mergeris*) 20, 22—24, 31, 50, 54, 73, 76, 77, 82, 90, 126, 145, 171
 Мяркинэ (*Merkinė*) 20, 50, 62, 93, 98, 126, 127, 142—145, 154—159, 161—163, 171
 Насуцишкяй (*Nasūčiškiai*) 6
 Норкунай (*Norkūnai*) 171
 Няманонай (*Nemūnainai*) 162, 171
 Нямунайтис (*Nemunaitis*) 171
 Няндриняй (*Nendriniai*) 20, 81, 171
 Няравай (*Neravai*) 171
 Нятесай (*Netiesai*) 18, 50, 73, 85—89, 126, 127, 136, 138—143, 154, 155, 157, 159, 169—171
 Опшрутай (*Opšrūtai*) 164, 165, 170
 Павейсникяй (*Paveisnikiai*) 50, 171
 Пакапай (*Pakapiai*) 99
 Паланга (*Palanga*) 166
 Паломяне (*Palomenė*) 99, 114
 Палукнис (*Paluknis*) 171
 Памяркинэ (*Pamerkinė*) 63, 99—102, 111, 113, 154, 157, 159, 160, 163
 Панявежис (*Panevėžys*) 166, 168, 170
 Паусупе (*Paūsupė*) 171
 Паштува (*Paštova*) 97, 112, 126—130, 154—156, 162, 165
 Пипляй (*Pypiai*) 47, 50, 68, 85
 Платяляй (*Plateliai*) 99, 114, 115
 Поционай (*Pociūnai*) 161, 162, 171
 Прауда (*Prauda*) 20
 Прусяляй (*Prūsėliai*) 171
 Пувоchiaй (*Puvočiai*) 18, 50, 53—58, 65, 71, 93
 Пугайняй (*Pugainiai*) 20
 Пумпенай (*Pumpėnai*) 99, 11, 114, 115
 Пурвинай (*Purovniai*) 171
 Пярлоя (*Perloja*) 20

2. Географических пунктов других советских республик и зарубежных стран

Андернах (*Andernach*) 33
 Апосово 33
 Аренсбург (*Arensburg*) 37
 Астранишки оз. 96
 Бельгия 154
 Белоруссия 30, 33, 68—71, 93, 94, 118, 160, 174
 Береза 91
 Берлин—Тегель (*Berlin—Tegel*) 37, 82
 Борнек (*Borneck*) 32, 117
 Британия 119, 160, 173
 Бромме (*Bromme*) 20, 32, 33, 37
 Ла Ваш о Нио (*la Vache aux Niaux*) 19
 Велен (*Wehlen*) 33
 Веретье 114
 Висла р. 37, 70, 71, 174

Радикяй (*Radikiai*) 99
 Раудондварис (*Raudondvaris*) 17, 18, 50, 73, 83—85, 133, 156, 157
 Риоглишкяй (*Riogliškiai*) 17
 Рокай (*Rokai*) 167, 168, 170
 Рудиникай (*Rudnikai*) 112, 113
 Рудня (*Rudnia*) 7, 9, 27, 28, 31, 33, 50—52, 66, 159, 171
 Сала см. Маргяй
 Салининкай (*Saleninkai*) 99, 107, 109, 110, 113, 126, 150, 152, 171
 Самантонис (*Samantonys*) 9, 99, 109, 111, 113
 Сведасай (*Svedasai*) 99, 110, 112, 113, 115, 116
 Сипонис (*Siponys*) 171
 Скаруляй (*Skaruliai*) 39, 45, 48—50, 70, 93
 Смальнинкай (*Smalninkai*) 20, 23
 Турлошике (*Turlojiškė*) 176
 Утиляй (*Uteliai*) 117
 Утяна (*Utena*) 167, 170
 Чьяптунай (*Cepelinai*) 166, 167, 170
 Чисукай (*Cesukai*) 171
 Шарняле (*Šarnelė*) 116, 166, 168—170
 Швяндубре (*Svendubrė*) 146, 171
 Швянтояй (*Sventoji*) 170, 172, 176
 Шиленай (*Silėnai*) 171
 Шилилис (*Silelis*) 16—18, 20, 32, 73—75, 82, 83
 Шукшишкяй (*Sukiškiai*) 171
 Эжярекай (*Ežerėkai*) 20
 Эжярелис (*Ežerėlis*) 164—166, 170
 Эжяринас (*Ežerynas*) 9, 16, 18, 20, 24—26, 30, 31, 50, 54, 55, 60—65, 67, 71, 73, 76, 78—80, 85, 93, 159, 160, 176
 Эйгуляй (*Eiguliai*) 9, 16—18, 38—47, 50, 54, 58—60, 62, 68, 69, 82, 84, 85, 93, 111
 Эшяринис оз. (*Ešerinis ež.*) 50
 Юдрайчяй (*Judraičiai*) 50
 Юшникяй (*Juniškiai*) 99, 114, 115
 Якштонис (*Jakštonys*) 99, 104, 106, 107, 113
 Янаполе (*Janapolė*) 116, 123, 124, 126, 166, 170, 171
 Яучакяй (*Jaučakiai*) 171

Витув (*Witów*) 16, 19, 72, 117
 Волго-Окское междуречье 118, 156, 175
 Восточная Европа 19, 34, 38, 92, 123—125, 154, 156, 157, 166, 168
 Восточная Прибалтика 19, 37, 91—93, 96, 117, 118, 123, 156, 168
 Германия 114, 154, 160, 174
 Голландия 12, 15, 30, 171
 Горбуновский торф. 114
 Горынь р. 118
 Готланд 96
 Гренск 83
 Гусев 34
 Дания (и Ютландия) 15, 33, 37, 96, 114, 115, 118, 119, 123, 124, 154, 160, 165, 166, 173
 Десна р. 112, 175

Днепр. р. 33, 71, 118, 175
 Донец р. 160

Западная Европа 19, 20, 32—34, 37, 91, 123, 156, 157, 166
 Западный Буг р. 71, 90
 Зиргенштейн (*Sirgenstein*) 33

Исландия 15

Калининградская обл. 13, 14, 17, 34—37, 91, 94, 115, 123, 160, 165, 173—175
 Калленгард (*Callenhardt*) 117
 Карпаты 94
 Клостерлунд (*Klosterlund*) 119, 123, 125, 155, 156
 Корин (*Korin*) 117
 Корпилати (*Korpihlai*) 171
 Костенки 19, 174
 Крым 118, 156
 Кунда (*Kunda*) 115, 124, 165, 166, 168
 Куршская коса 36, 95, 97, 166

Латвия 114, 123, 165, 166, 168, 175, 176
 Лесде (*Leende*) 37
 Лесная полоса СССР 117
 Люнбю (*Lyngby*) 20, 32

Мазовианская обл. 90
 Мазурские оз. 70
 Мала Попувка (*Mala Popówka*) 13
 Мальборк (*Malbork*) 37
 Мамутова пещ. (*Mamutowa*) 19
 Марьянки-Выглендув (*Marianki-Wyględów*) 68
 Машница пещ. (*Maszicka*) 19
 Мезни 34
 Мекленбург 36, 37, 160
 Мелавя р. 13
 Молодова V 36
 Мюнхехоффе (*Münchehoffe*) 82
 Мянтурай 12

Нарев р. 71
 Нарочь оз. 175
 Нобель 71
 Норвегия 15

Одер р. (*Odra*) 92, 94, 174
 Олений Остров 114
 Омосе (*Aamose*) 154
 Ополь 71, 91
 Опшрутай 14, 36, 96
 Орехово 71

Павьялькяй 13
 Пекарна (*Pekarna*) 117
 Пеннемор (*Pennemoor*) 33
 Песочный ров 112
 Пиннберг (*Pinnberg*) 160, 176
 Плуды (*Pludy*) 90
 Подлужье 70, 82
 Полесье см. Припять
 Польша 13, 19, 34—37, 68—72, 90, 91, 93, 115, 117, 118, 153, 155—157, 160, 173, 174
 Померания 33, 36, 160
 Припять р. 71, 90, 91, 94, 118, 160, 175

Прессе (*Presse*) 171
 Пульм 71
 Пшедмог (*Předmostí*) 117
 Пярну (*Pärnu*) 115, 124, 165, 166, 168

Ранис (*Ranis*) 33
 Ремушам (*Remouchamps*) 176
 Риссен (*Rissen*) 16, 37
 Румыния 118
 Рыбачий 36
 Рюген (*Rügen*) 37, 160, 174

Саксония 160
 Свездборь (*Svaerdborg*) 156
 Свидры-Вельке (*Swidry-Wielkie*) 38, 68, 69, 72, 90
 Свирь оз. 175
 Свитязь 69, 70
 Северная Европа 118, 155, 156, 176
 Сийвертси (*Sivertsi*) 124, 166, 172
 Силезия 33, 160
 Скандинавия 15, 166
 Скаун (*Scaune*) 118
 Смячка 71
 Сож р. 70, 71, 82, 118, 175
 Средняя Европа 19, 33, 92, 123, 156
 Станковиче (*Stankowicze*) 71, 90
 Стар Карр (*Star Carr*) 119, 125, 156, 171
 Сюрень II 118

Таинген (*Thaingen*) 33
 Тарнова (*Tarnowa*) 19
 Тярвала (*Tõrvala*) 124, 166

Украина 36, 71, 93, 155, 156
 Ужава р. (*Užava*) 168

Финляндия 166, 171
 Франция 33, 36, 154

Хавель р. (*Havel*) 33, 35—37, 115, 117
 Хвалибеговицы (*Chwalibogowice*) 90
 Хельм (*Chelm*) 13
 Хоен Фихельн (*Hohen Viecheln*) 124

Цепельнеке (*Cepelnicks*) 166
 Цихмiana (*Cichmiana*) 90

Швеция 33, 36, 95, 96, 154
 Шигирский торф. 123
 Шлезвиг-Гольштейн (*Schleswig-Holstein*) 12, 20, 33, 160, 174
 Штельмор (*Stellmoor*) 32, 35

Эйзермюль (*Eisermühl*) 36
 Эльба р. (*Laba*) 33
 Элк (*Elk*) 37, 82
 Эстония 13, 15, 96, 114, 115, 123, 124, 165, 166, 168, 172, 175

Южная Европа 155, 156
 Южная (и Западная) Прибалтика 20, 30, 33—37, 92, 93, 96, 117, 118, 125, 154—156, 160, 174

Янунково (*Januszkowo*) 90

3. Именной*

- Алексеев В. П. 176, 178
 Антонович Вл. (*Antoniewicz Wl.*) 8, 9, 72, 112, 114, 123, 124, 159, 163, 165, 175, 180
 Аспелин И. Р. (*Aspelin J. R.*) 6, 180
- Банис Ю. Ю. 180
 Басаликас А. Б. (*Basalykas Alf.*) 11—13, 15—17, 95, 97, 178, 180
 Бернотайте А. (*Bernotaitė A.*) 9, 27, 28, 50, 51, 180
 Безенбергер А. (*Bezenberger A.*) 7
 Бибиков С. И. 166, 178
 Борисковский П. И. 34, 178
 Брюсов А. Я. 166, 178
 Будько В. Д. 70, 82, 91, 118, 178
- Вайтекунас П. 11
 Векилова Е. А. 70, 118, 178
 Вигдорчик М. Е. 178
 Виноградов А. П. 12, 178
 Витов М. В. 175, 176, 178
 Воеводский М. В. 112, 118, 156, 178
 Вольтер Е. 5, 6, 178
- Даугирдас Т. (*Daugirdas T., Dowgird T.*) 7, 8, 180
 Добкина Э. И. 178
- Генутене И. К. 180
 Глогер З. (*Gloger Z.*) 6—8, 66, 68, 163, 181
 Голлак Э. (*Hollack E.*) 7
 Гревинг К. (*Grewing K.*) 6, 163, 181
 Гросс Х. (*Gross H.*) 9, 12—15, 17, 19, 32, 34—37, 95, 96, 113, 115, 125, 165, 181
 Гуделис В. (*Gudelis V.*) 12, 15—17, 96, 97, 113, 176, 178, 181
 Гурина Н. Н. 33, 70, 114, 160, 178
- Даннейль И. Ф. (*Danneil I. F.*) 5
 Дебец Г. Ф. 175, 178
 Девири А. Л. 178
 Долуханов П. М. 95, 97, 178
- Ефименко П. П. 34, 92, 178
- Замятнин С. Н. 91, 93, 178
 Знаменская О. М. 178
- Исаенко В. Р. 71, 91, 175, 178
- Кабайлене М. (*Kabailienė M.*) 12, 15, 17, 96, 97, 113, 179, 181, 182
 Кибилда З. А. 180
 Киркор А. 5, 179
 Кольцов Л. В. 118, 153, 156, 175, 179
 Кудаба Ч. П. 11, 179
 Кухаренко Ю. В. 71, 175, 179
 Крашевски Я. И. (*Kraszewski J. I.*) 6, 182
 Круковский С. (*Krukowski S.*) 6, 9, 38, 68—70, 72, 90, 182
- Левенок В. П. 124, 153, 179
 Лисицина Г. Н. 15, 179
 Лозе И. А. 114, 115, 123, 165, 179
 Луянас В. Ю. 180
- Малахов М. В. 7, 8, 68, 179
 Марк К. Ю. 175, 176
 Маркова Н. Г. 178
- Повилонис С. 176, 178
 Покровский Ф. В. 8, 179
- Политарпович К. М. (*Polikarpowitsch K.*) 71, 175, 179, 182
 Пузинас И. (*Puzinas J.*) 5, 9, 104, 112, 113, 115—117, 163, 165—167, 182
 Раукас А. В. 12, 13, 179
 Рерих Н. 7
 Римантене-Яблонските (*Rimantienė-Jablonskytė R.*) 9, 28, 39, 40, 45, 53, 61, 103, 109, 134, 147, 174, 176, 179—182
 Рогачев А. Н. 174, 179
 Рудинский М. Я. 34, 71, 179
- Савицки Л. (*Sawicki L.*) 68—72, 90, 183
 Саммет Э. Ю. 178
 Саурамо М. (*Sauramo M.*) 16, 95, 183
 Сейбутис А. (*Seibutis A.*) 12, 15, 17, 179, 183
 Серебряный Л. П. 13, 15, 96, 179
 Спичын А. А. 8, 163, 179
- Тарасенка П. (*Tarasenka P.*) 8, 183
 Тауте В. (*Taute W.*) 20, 30, 32, 33, 36, 37, 82, 90, 156, 176, 183
 Телегин Д. Я. 153, 155, 156, 160, 179
 Тшлелер О. (*Tischler O.*) 7
 Томсен Ц. Т. (*Tomsen C. T.*) 5
 Тышкевич Э. (*Tyszkiewicz E.*) 5, 6, 8, 162, 179, 183
 Тышкевич К. (*Tyszkiewicz K.*) 6, 183
- Формозов А. А. 19, 93, 112, 155, 156, 178, 179
 Фосс М. Е. 114, 179
- Чебоксаров Н. Н. 175, 176, 178
 Черныш А. П. 36, 179
- Шварцбах М. (*Schwarzbach M.*) 96, 97, 179
 Шильд Р. (*Schild R.*) 38, 70, 71, 90, 182, 183
 Шукевич В. (*Szukiewicz W.*) 7—9, 26—29, 50—52, 68, 81, 87, 89, 103, 123, 159, 179, 183
 Шуляня К. С. 12, 15, 97, 179, 180
- Эдинг Д. Н. 114, 180
- Яблонские К. (*Jablonskis K.*) 3, 8, 9, 27, 28, 181
 Яаните Л. Ю. (*Jaunits L.*) 114, 124, 175, 180, 181
- Ailio J.* 171, 180
Ayräpä A. 172, 180
Andree J. 33, 117, 180
Antoniewicz J. 13, 36, 180
- La Baume W.* 13, 35, 36, 115, 180
- Breuil H.* 19, 31, 33, 34, 36, 82, 180
Bronsted J. 114, 118, 119, 123, 155, 156, 165, 166, 168, 180
Bültner P. 33, 180
- Chmielewska M.* 16, 70, 72, 90, 117, 174, 180
Chmielewski W. 16, 70, 72, 117, 174, 180
Clarc J. G. D. 35, 95, 119, 171, 180
- Dvareckas V.* 12, 180
- Ekholm G.* 33, 92, 180
Engel C. 8, 35, 71, 115, 180
- Federowski M.* 7, 180
Freund G. 183
Fromm E. 12, 95, 97, 180

Gaerte W. 8, 35, 37, 71, 82, 115, 123, 180
Garunkštis A. 12, 181
De Geer E. H. 12, 181
Gramsch B. 82, 181

Hohmann K. 82, 181

Indreko R. 36, 114, 115, 117, 123, 124, 165, 166, 168, 172, 181

Iversen J. 33, 125, 181

Jorgensen S. 123, 182

Klima B. 36, 182

Kostrzewski J. 9, 36, 71, 114, 174, 182

Kozłowski L. 9, 90, 123, 163, 182

Kozłowski S. K. 37, 91, 114, 153, 156, 160, 174, 182

Kulikauskas Pr. 166, 168, 182

Lantier R. 19, 33, 82, 180

Mačionis A. 182

Mathiassen Th. 33, 114, 117—119, 123, 124, 154—156, 160, 167, 182

Mey W. 35, 36, 82, 182

Molyn J. Ch. M. de. 33, 182

Narbutt T. 5, 182

Niklasson N. 33, 154, 182

Nikolaescu-Plopsor C. S. 118, 182

Pälsi S. 171, 182
Petersen E. 119, 182
Potujański A. 5, 182

Rothert L. 33, 174, 182

Rust A. 12, 14, 30, 32, 33, 36, 37, 92, 117, 174, 182, 183

Schuld E. 36, 37, 68, 124, 183

Schwabedissen H. 16, 19, 37, 95, 160, 183

Schwantes G. 14, 30, 32, 33, 154, 166, 183

Stanaitis A. 12, 181

Stieda L. 6, 183

Stimming R. 35, 36, 114, 115, 183

Sudnikavičienė F. 12, 15, 17, 183

Szmit Z. 90, 183

Sturms Ed. 123, 183

Talko-Hrynciewicz J. 5, 6, 183

Tautavičius A. 182

Toepfer V. 124, 183

Valatka V. 168, 183

Więckowska H. 153, 183

Wilczinski J. K. 5, 183

Zotz L. 153, 183

Zeiba S. 182

Zilinskas J. 104, 113, 165, 175, 183

* Только латинским шрифтом даются те имена, которые в тексте по-русски не упоминаются, а только русским — те, что не дублируются латинским.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Сокращения	4
I. Введение.	
Обзор исследований палеолита и мезолита в Литве	5
II. К вопросу о первоначальном заселении территории современной Литвы	
1. Природные условия в арктическом периоде	11
2. Первые следы заселения	13
III. Палеолит	
1. Природные условия в аллерёде и позднем дриасе	15
2. Позднепалеолитические этнокультурные группы на территории современной Литвы	19
A. Прибалтийская группа мадленских культур	19
1) Наиболее характерные стоянки прибалтийского мадлена в Литве	20
2) Общие черты мадленских памятников Литвы с памятниками соседних территорий	30
B. Группа свидерских культур	37
1) Памятники I (ранней) группы	38
2) Памятники II (поздней) группы	52
3) Общие черты свидерских памятников Литвы с памятниками соседних территорий	68
B. Взаимодействие мадленской и свидерской культур	72
1) Мадленские стоянки с элементами свидерской культуры	73
2) Свидерские стоянки (III группа) с элементами мадленской культуры	83
3. Характерные особенности палеолитических культур Литвы	91
IV. Мезолит	
1. Природные условия в эпоху мезолита	95
2. Судьбы позднепалеолитических культур в послеледниковом периоде	98

а) Эпипалеолитические стоянки в Литве	98
б) Общие черты эпипалеолитических стоянок Литвы со стоянками соседних территорий	111
в) Характерные особенности эпипалеолита Литвы	117
3. Памятники маглемозской культуры в раннем мезолите Литвы	118
4. Микролитно-макролитическая культура в Литве	125
а) I этап (стоянки борсальского — начала атлантического периода)	125
б) II этап (стоянки максимума литорниовой трансгрессии)	133
в) III, конечный, этап мезолита	146
5. Характерные особенности мезолита Литвы	152
V. Заключение	173
Литература	178
Резюме на немецком языке	184
Резюме на литовском языке	190
Указатели	197

Редактор П. Римкявичюс
Обложка худ. Р. Буivyдаса
Худ. редактор Р. Дихавичюс
Тех. редактор И. Анайтис
Корректор И. Иоанова

Издание № 12182. Тираж 700 экз.
Сдано в набор 10.VIII.1971. Подписано к печати
23.II.1972. ЛВ 01028. Бумага 84×108¹/₁₆ =
= 6,375 л. б., печатная № 1. 21,56 и п. л., 22,6 уч.
изд. л.

Цена 2 руб. 30 коп.
«Минтис» Вильнюс, Серака, ско 15.
Гостиниграфия «Пяргале», Вильнюс, Латако, 6.
Заказ № 2681.